Х. А. ХИЗРИЕВ

КАВКАЗЦЫ ПРОТИВ ТИМУРА

Отсканировано
в июне 2014 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2014 азы июны
сæрмагондæй паблик «Бæрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.

http://vk.com/barzafcag

Х. А. ХИЗРИЕВ

КАВКАЗЦЫ ПРОТИВ ТИМУРА

(Борьба народов Северного Кавказа
против экспансии Тимура)

Грозный
«Книга»
1992

ББК 63
Х 43

Редактор И. А. Ирисханов

Художник С. Е. Токарев

Х 43 **Хизриев Х. А.** Кавказцы против Тимура. — Грозный: Книга, 1992. — 168 с.

В книге зав. отделом истории ЧИНИИИЭСФ исследуются сложные и вместе с тем важные исторические процессы, протекавшие на территории Северного Кавказа в XV веке в связи с нашествием Тимура.

Автором дан подробный анализ героической борьбы народов Северного Кавказа против Тимура, приведены интересные сведения о совместном отпоре горцев, определены место и роль вайнахов в общекавказской освободительной борьбе против иноземных завоевателей.

Х $\frac{1805080000 - 30}{М135(03) - 92}$ 2-92 ББК 63

ISBN 5—7666—0320—7

© Х. Хизриев, 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель! Эта книга посвящена чрезвычайно сложной, запутанной и малоисследованной проблеме в истории борьбы народов Северного Кавказа против экспансии Тимура. Захватнические, грабительские походы монголо-татар, а также Тимура против народов Северного Кавказа были настолько губительными, что горские народы вследствие этого оказались отброшенными на многие века назад в своем социально-экономическом и политическом развитии. Известно, что различным народам Востока и Запада многие материальные ценности пришлось создавать вновь после окончательного развала остатков полчищ ордынцев и Тимура. Одиозной и отрицательной фигурой в грабительских походах предстает Тимур.

Автор этой книги раскрыл весьма актуальную проблему, имеющую важное научное и практическое значение. Исследование проблемы борьбы народных масс Северного Кавказа против чужеземных агрессоров имеет значение как в общетеоретическом, так и в конкретном плане. Цель — выявление «белых пятен» в истории развития горцев на рубеже XIV—XV вв.

Х. А. Хизриеву удалось правильно осветить основные вопросы исследуемой проблемы, взяв за отправную точку изучение прежде всего борьбы народных масс против экспансии Тумура. Автор исследует также вопросы, связанные с развитием основных отраслей хозяйства у населения Северного Кавказа в XIII—XV вв., сражение на Тереке между Тимуром и Тохтамышем, нашествие Тимура и борьбу с ним народов Северного Кавказа.

В книге привлекается имеющийся в наличии широкий комплекс материалов: источники, литература, археологические, этнографические, фольклорные, лингвистические и другие материалы. Х. А. Хизриев во многом по-новому анализирует те же источники и материалы, которыми пользовались исследователи до него. Работа отличается от предшествующих исследований смелостью

суждений автора, новизной исследования, более глубоким освещением поставленных задач.

Широта охвата проблемы при написании данной работы позволила его автору избежать ошибок, имевшихся у отдельных исследователей, связанных прежде всего с узостью освещаемых ими вопросов по истории народов Северного Кавказа, в частности по этнической истории региона. Автор собрал все доступные сведения о занятиях населения Северного Кавказа накануне и после нашествия монголо-татар и Тимура на Северный Кавказ и, несмотря на скудость источников и отсутствие архивного материала, сумел создать обобщенную картину хозяйственных занятий населения Северного Кавказа, характеризуя развитие земледелия, скотоводства, ремесла и торговли как приоритетные отрасли хозяйства горцев Северного Кавказа.

Автор книги выявил также неизвестные страницы истории сражения Тимура с Тохтамышем на Тереке, имевшего большое историческое значение, установил численность войск обеих сражавшихся сторон, их этнический состав, вскрыл тактические приемы противников, убедительно доказал, что многие представления, сложившиеся в исторической науке о ходе и месте сражения, были неточны, и предложил новую картину битвы. Пожалуй, такая постановка вопроса является очень удачной для проведения исследования, так как Х. А. Хизриев здесь сам рассуждает, мыслит, спорит, делает соответствующие научные выкладки.

Х. А. Хизриев разрешил и такие сложные вопросы. Он установил маршруты, районы боевых действий Тимура на Северном Кавказе. Удачно расшифровал ряд топонимов и этнонимов, которые позволяют дать новую концепцию расселения горцев Северного Кавказа и их этногенеза. Но самое главное, на наш взгляд, состоит в том, что впервые проделана работа по исследованию борьбы всех народов Северного Кавказа против Тимура, а не отдельно взятых этносов.

Совершенно правилен научно обоснованный вывод Х. А. Хизриева о том, что нашествие Тимура имело отрицательные последствия для развития народов Северного Кавказа. Книга представляет собой новое исследование, отвечающее высоким требованиям современной исторической науки. Вопросы, поставленные в ней, решены удачно и научно аргументированно.

Книга «Кавказцы против Тимура» имеет большое значение. Яркие страницы ее призывают к патриотизму, преданности и любви к своей Родине, воспитывают чувство гордости за героическое прошлое горских народов Кавказа, совместно сражавшихся с иноземными поработителями. Книга восполняет весьма важный пробел в истории прошлого — дает развернутое представление о борьбе народов нашего края с одним из самых страшных врагов в истории — Тимуром хромым.

Книга кандидата исторических наук Х. А Хизриева почти не имеет недостатков практического или научного характера, обладает хорошим стилем, удачным расположением материалов по степени их сложности, вносит в определенной мере элемент новизны в историографию данной проблемы. Она, несомненно, будет доступна массовому читателю и встречена с большим интересом общественностью республики.

Ш. Б. Ахмадов,
кандидат исторических наук.

ВВЕДЕНИЕ

Современная зарубежная историография не обходит вниманием Тимура и зачастую его идеализирует. В ней совершенно не освещается освободительная борьба горцев Северного Кавказа против Тимура. Более того, ограниченность методологии некоторых дореволюционных и современных историков не позволила им увидеть в деятельности Тимура губительных последствий его походов для народных масс [1].

Глубокое научное осмысление предпосылок, причин и последствий монгольского нашествия и походов Тимура на Северный Кавказ началось в последний период. Интересующая нас проблема не была предметом монографического изучения, но круг исследований, затрагивающих вопросы нашей темы или имеющих к ней отношение, довольно широк. Здесь прежде всего следует указать содержательные работы Р. М. Магомедова, Л. И. Лаврова, В. К. Гарданова, А. Р. Шихсаидова, В. А. Кузнецова, Е. П. Алексеевой, Б. В. Скитского, Е. Н. Кушевой, Т. Х. Кумыкова, В. Л. Егорова, М. Д. Полубояриновой, З. Н. Ванеева и др. [2] о социально-экономическом и политическом положении Северного Кавказа до похода Тимура.

---

[1] См.: Histoire de Timur-beg, traduit par Petit de la croix. Delft, 1723; Ismail Hami Danismend. Izahli Osmanli tarihi kronologisi. Cilt I. Istanbul, 1955; Unal Tahsin. Türk siyasi tarihi. Istanbul, 1958; Enver Behnan Sapolyo. Osmanli-sultanlari tarihi. Istanbul, 1961; Ali Fyat Türkgeldi. Mesail-i mühumme-i siyasiyi ye. Cilt I. Ankara, 1957; Uzuncarsili Ismail Hakki. Osmanli tarihi. Cilt I. Ankara, 1956 и др.

[2] Магомедов Р. М. Дагестан в эпоху татаро-монгольского ига. Махачкала, 1940. С. 13—19; Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959. С. 173—183; Гарданов В. К. Народы Северного Кавказа в XIII—XV вв. // Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 74—79; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа до конца XV в. // Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953. Ч. 2. С. 738—743; Шихсаидов А. Р. О пребывании татаро-монголов в Рича и Кумухе (1239—1240) // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 5—11; Алексеева Е. П. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв. // Труды КЧНИИ. Вып. 3 (серия историческая). Черкесск, 1959. С. 3—61; Кумыков Т. Х. Присоеди-

Интересный фактический материал и верные выводы общеметодологического характера, без учета которых нельзя сколько-нибудь полно изучить исследуемую проблему, содержат труды Б. Я. Владимирцова, А. Н. Насонова, Б. Н. Заходера, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, И. П. Петрушевского, Л. В. Строевой, А. П. Новосельцева, М. Г. Сафаргалиева, В. Т. Пашуто, А. А. Али-Заде, Л. О. Бабаяна, Ю. М. Сихарулидзе, В. В. Каргалова, Г. А. Федорова-Давыдова, И. Б. Грекова и Д. В. Кацитадзе[1].

Что касается разработки вопроса о пребывании Тимура на Северном Кавказе, то в распоряжении исследователей имеются специальные статьи Р. М. Магомедова, Б. Г. Алиева, Р. С. Шихсаидовой и Г. Х. Ичалова в разрезе Дагестана, Э. В. Ртвеладзе — по Северному Кавказу, которые базируются на научной основе. Веские аргументы этих авторов[2], изложенные по рассматриваемой проблеме, следует отметить особо. В частности, в их исследо-

---

нение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957. С. 8—10; Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР. 1965. № 5. С. 98—102; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 35—40; Шихсандов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975. С. 3—60; Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 267—281; Ичалов Г. Х. Борьба народов Дагестана с татаро-монголами в первой половине XIII в. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974. Т. 1. С. 95—108; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.: Наука, 1985. 248 с.; Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 136 с.

[1] Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. С. 223; Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.-Л., 1940. С. 178; Заходер Б. Н. Империя Тимура // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 78—88; Якубовский А. Ю. Тимур (опыт краткой характеристики) // Вопросы истории. 1946. № 8—9. С. 42—74; Строева Л. В. Возникновение государства Тимура // Ученые записки ЛГУ. Л., 1952. № 128. Вып. 3 (серия востоковедческих наук). С. 64—87; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. 478 с.; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 278 с.; Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 124—131, 147—171; Али-Заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII—XIV вв. Баку, 1956; Федоров-Дывыдов Г. А. Кочевники восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, 274 с.; Сихарулидзе Ю. М. Борьба грузинского народа против татаро-монгольского владычества; Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1969, 50 с.; Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1968. С. 173—216; Кацитадзе Д. В. Грузия на рубеже XIV—XV вв.; Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1968, 47 с.; Новосельцев А. П. Об исторической оценке Тимура // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 3—20; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 520.

[2] Магомедов Р. М. Нашествие Тимура на Дагестан // История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 120—123; Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. О маршруте похода в 1395 г. через Дагестан // Ученые записки Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1970. Т. 20. С. 221—235; Ичалов Г. Х. Борьба народов Дагестана против Тимура // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Т. 2. С. 124—139; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976. Т. 4. С. 103—128.

ваниях сделана важная попытка определения маршрута передвижения войск Тимура, приведены интересные сведения об опустошениях завоевателя и о борьбе с ним народов, населявших Северный Кавказ, дана оценка захватнической политики Тимура.

Эту проблему специально или же в связи с другими вопросами затронули также А. К. Бакиханов, Г. Э. Алкадари, Хан-Гирей, Ю. С. Гаглойти, А. Х. Магометов, С. Ш. Гаджиева, В. А. Кучкин, И. М. Мизиев, Р. А. Даутова, А. Е. Криштопа, М. К. Джиоев, Б. П. Березов[1]. В обобщающих трудах по истории автономных республик и областей Северного Кавказа также имеются параграфы и научные этюды о борьбе народов края против монгольских полчищ и Тимура. Все эти изыскания во многом облегчили нашу работу.

В названных трудах накоплен разнообразный фактический материал, сделаны интересные наблюдения. Однако избранная автором настоящей публикации тема рассматривается в них узко и локально, и это вполне понятно, так как авторские коллективы обобщающих трудов не ставили перед собой задачу раскрыть проблему в масштабе всего региона[2].

Положительно оценивая первые шаги в разработке названной проблемы, нельзя, однако, не видеть и некоторых недостатков характеризуемой литературы. К примеру, в вопросе определения местоположения области Иркувун и крепостей, упоминаемых в источниках по именам их владельцев — Кулу и Тауса, среди исследователей до сих пор нет единого мнения. А. Е. Криштопа, например, полагает, что указанные пункты находились в Дагестане: Л. И. Лавров и И. М. Мизиев, с которыми мы солидарны, — в Кабардино-Балкарии, а Ю. С. Гаглойти и М. К. Джиоев относят их

---

[1] Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 64—65; Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 29—30; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 32; Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966. С. 205—207; Кучкин В. А. Где искать Ясский город Тютяков? // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25. С. 181—182; Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. С. 26—27; Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970. С. 50—51; Даутова Р. А. Тимур и вайнахи в 1395—1396 гг. // Тезисы второй Всесоюзной студенческой научной конференции. Тбилиси, 1969. С. 16; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 92; Криштопа А. Е. Еще раз о маршруте Тимура на Северном Кавказе // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 135—144; Джиоев М. К. Походы Тимура в Аланию // Проблемы истории СССР. МГУ, 1980. Вып. II. С. 3—18; Березов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С. 8—16.

[2] См., например: Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. С. 97; История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. С. 78—79; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 71—72; Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961; Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 121—123; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1967. Т. 1. С. 107; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 44—45; История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 207—209; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 85.

к Приэльбрусью. Э. В. Ртвеладзе придерживается мнения, что крепости Кулы и Тауса находились в Куртатинском ущелье горной Осетии. В итоге получилось, будто завоеватель покорил сперва Дагестан, Осетию и только потом Балкарию, тогда как, по нашему мнению, все было наоборот.

В разных районах Дагестана размещают ученые и местечко Ушкудже, допущены смещения в хронологии отдельных походов. Так, М. К. Джиоев и Б. П. Березов, некритически восприняв сообщение грузинского источника о походе 1395 года, пишут, что Тимур в 1400 году совершил второе нашествие на Северный Кавказ [1].

Подобным же образом в различных районах Северного Кавказа локализуется и крепость Капчигай (Дагестан, Северная Осетия, Кабардино-Балкария). Не было установлено и местонахождение загадочной страны Симсим и области Чутур-казак. Этим, видимо, и объясняется существование различных мнений об отношениях Тимура с вайнахами (чеченцами и ингушами). Так, Э. В. Ртвеладзе считает, что, например, Ингушетию Тимур «совсем не затронул», что с ингушами у него установились «добрые отношения». В. Г. Чеботарева идет еще дальше, утверждая, что вообще «население Кавказа Тимур не тронул» [2]. Все это, однако, не соответствует действительности.

Между тем точное установление местонахождения того или иного пункта, области, упоминаемых в исторических источниках, — вопрос очень важный и принципиальный, ибо при этом решается проблема причастности территорий, крепостей и боевых действий к тому или иному этносу Северного Кавказа, выясняется, какой была его реакция на поход завоевателя. В этом случае излагаемые факты приобретают большую конкретность и значимость для изучения истории каждого народа многонационального края. В настоящей книге с возможной полнотой использованы и учтены достижения современного кавказоведения по избранной тематике.

Цель и задачи исследования. Цель работы — изучить героическую борьбу народов Северного Кавказа против экспансии Тимура за свободу и независимость; обобщить разрозненные материалы, содержащие сведения о них, и показать разорительные последствия нашествия чингизидов и Тимура для развития экономики и культуры региона. Исходя из цели исследования, автор поставил перед собой задачи: изучить вопросы экономического и социально-политического положения народов Северного Кавказа до нашествия Тимура; подвергнуть анализу события, связанные со сражением на Тереке между Тимуром и Тохтамышем (15—17

---

[1] Джиоев М. К. Указ. соч. С. 13; Березов Б. П. Указ. соч. С. 13.

[2] Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 125; Чеботарева В. Г. К вопросу о взаимовлиянии литератур (чечено-ингушские легенды о Тимуре и сказка М. Горького) // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1962. Т. 3, вып. 3. С. 47.

апреля 1395 г.), в которое насильно было вовлечено и население Северного Кавказа; осветить историю борьбы народов горных и высокогорных районов Северного Кавказа против полчищ Тимура после разгрома Тохтамыша.

Тимур совершил ряд грабительских походов: сначала «трехлетний» — с 1386 г., затем «пятилетний» — с 1392 г., наконец, «семилетний» — с 1399 г. Выбор проблемы исследования обусловлен тем, что затрагиваемый период является одним из важных исторических этапов в изменении этнополитического положения региона. Усиливают интерес к исследуемой теме и яркие примеры взаимопомощи многочисленных народов и народностей Северного Кавказа в борьбе против экспансии иноземных захватчиков, свидетельствуют об их многовековых исторических связях.

Следует подчеркнуть, что многие стороны проблемы, ввиду недостаточного их освещения в научной литературе, оставались спорными и неразрешенными, а некоторые аспекты вопроса вообще выпали из поля зрения исследователей. И самое главное — до сих пор еще не преодолены некоторые ненаучные тенденции в исторической науке, появившиеся при оценке роли чингизидов и Тимура в истории нашей страны. Поэтому делается попытка научной разработки вопросов, поставленных во главу исследования.

Методологической и теоретической основой этой работы послужили труды моих предшественников, содержащие все исходные методологические положения о войнах, в частности — учение о национально-освободительных войнах. О деятельности Тимура в завоеванных странах К. Маркс, например, писал: «Тимур ушел и всюду оставил за собой безмолвие кладбища». Ф. Энгельс подчеркивал, что «с точки зрения стратегии наступление в горной войне имеет решительное преимущество». В. И. Ленин отмечал, что «мы можем быть против национально-освободительных войн». Выводы ученых о пагубном воздействии монгольского ига и завоевательных походов Тимура на историческое развитие покоренных ими народов стали методологической основой современной историографии. Источниковой базой книги явились средневековые арабские, персидские, русские, армянские, грузинские, китайские и западно-европейские нарративные источники. Очень ценные сведения для исследования дали записки путешественников — очевидцев событий. В источниках, используемых нами, как правило, отражены интересы господствующей верхушки. В них не показано положение трудящихся масс, затушевывается национально-освободительная борьба народов и очень редко освещаются социально-экономические вопросы. При изучении проблемы эти их особенности нами учтены.

В своей работе мы опирались на труды предшественников и вместе с тем комплексно привлекали данные смежных дисциплин: археологии, топонимки, ономастики и фольклора, используя их в том случае, когда они подтверждали сведения письменных источников. Документальные материалы о Золотой Орде известны ученым, создавшим на их основе большие монографические исследования, что освобождает нас от подробной их характеристики.

Говоря о материалах, относящихся к истории завоеваний Тимура, необходимо отметить работу члена-корреспондента Российской АН В. Г. Тизенгаузена по розыску и публикации восточных источников. В 1884 г. вышел в свет его «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», куда вошло ценное сообщение арабского историка Ибн Арабшаха о Тимуре. В. Г. Тизенгаузеном также был начат подбор извлечений из сочинений персидских авторов, оставшийся неопубликованным при жизни автора. Эти источники были изданы в 1941 г. АН СССР в обработке А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина (II том «Сборника»...). Туда вошли ценнейшие сведения Шами, Йезди и анонимного автора «Родословие тюрков».

Одним из важных источников для изучения данной проблемы является «Книга побед» Низам-ад-дина Шами. Его текст лег в основу другого сочинения, написанного Шереф-ад-дином Йезди под тем же названием, но с некоторыми дополнениями и подробностями. Шами и Йезди, будучи придворными историками Тимура, естественно, весьма тенденциозно описывают ход боевых действий и оправдывают его грабительские походы религиозными мотивами. Только у них сохранились сведения о борьбе горцев с экспансией Тимура. Они рисуют своего повелителя полководцем, не знающим поражений, превозносят его как благодетеля, весьма скупо и неопределенно упоминая о сопротивлении покоряемых им народов. Все это обусловливает разночтения письменных источников и требует их критического осмысления.

Необходимые сведения мы извлекли из материалов архива Дагестанского филиала АН СССР (ф. 1) и из сочинения персидского историка XV века Мирхонда «Сад чистоты», хранящегося в «Архиве востоковедов» ЛО ИВ АН СССР (ф. 52). Хотя основным источником Мирхонда и является сокращенный текст сочинения Йезди, иногда он вводит новые интересные детали.

После материалов Шами и Йезди наиболее важным источником для исследования поставленной проблемы служат русские летописи. В них содержится немало ценных сведений не только по политической истории Золотой Орды, но и о Тимуре. Русские летописцы были и в курсе событий, происходивших в то время на Северном Кавказе. В частности, в Патриаршей (или Никоновской) летописи местом сражения между Тимуром и Тохтамышем ука-

зывается Терек, здесь же даны сведения о численности войск Тимура и понесенных им потерях. Русскую летопись нужно отметить и в качестве весьма заслуживающего внимания источника о молодых годах Тимура.

То же самое можно сказать о сочинении армянского историка Фомы Мецопского «История Тимур-ланка» или о грузинской хронике «Памятник эриставов». Эти источники важны не только для изучения истории Руси и Закавказья. Грузинские и армянские историки, также как и русские летописцы, не могли сочувствовать ни Тохтамышу, ни Тимуру, поэтому означенный круг источников дает возможность для правильной характеристики обоих завоевателей.

Для уточнения сообщений Шами и Йезди нами привлекаются также и ценные сведения испанского посла Рюи Гонзалеса де Клавихо, который оставил «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.». Клавихо проехал Закавказье, Персию, виделся несколько раз с Тимуром и по свежим следам (1403—1406 гг.) записывал подробности о сражении на Тереке. Он наглядно показал, что Тимуру долго не удавалось перейти Терек и только хитрая тактическая уловка (маскировка) привела его к успеху. Особое значение имело то, что, в отличие от апологетов Тимура, испанец был от него независим. Поэтому его отношение к событиям и к личности Тимура было более беспристрастным. Это отразилось и на характере его сочинения, которое поэтому заслуживает доверия.

К названной группе авторов относится и арабский путешественник Ибн Арабшах, в детстве вывезенный Тимуром из Дамаска в Среднюю Азию. Он потом много путешествовал, благодаря чему побывал в Астрахани, Крыму и на Северном Кавказе. Арабшах черпал сведения для своего сочинения «Чудеса предопределения в судьбах Тимура» как из личных наблюдений, так и из рассказов современников Тимура и участников его походов. Он пытается объяснить причину сражения Тимура с Тохтамышем, дает данные о коварном Едигее — узурпаторе ордынской власти. У него имеются интересные факты о третьем дне сражения на Тереке, тогда как у Шами нет ни одного слова об этом, а у Йезди — только маленький абзац.

Наиболее подробное описание заключительного боя между Тимуром и Тохтамышем мы находим в анонимном сочинении «Родословие тюрков», автор которого придерживался золотоордынской ориентации. Для объективного раскрытия проблемы методом сопоставления источников нами привлечены (кроме свидетельств Шами и Йезди) и вводятся в научный оборот ранее недостаточно использованные и малоизвестные сведения из «Родословия тюрков», русских летописей, сочинений Ибн Арабшаха, Мирхонда, Абдарезззака Самарканди, Клавихо, Фомы Мецоп-

ского, Гиясаддина Али, И. Галонифонтибуса, Эвлия Челеби, И. Г. Гербера и др.

Научная новизна и практическая значимость работы. Разработка данной проблемы связана с рядом трудностей, обусловленных не только недостатком источников, слабой изученностью темы, но и высказанными в разное время взаимоисключающими суждениями отдельных исследователей относительно военных маршрутов Тимура. Правильное определение этих маршрутов было весьма важно, чтобы рассмотреть конкретный вклад каждого народа в борьбу против завоевателя. Задача, стоящая перед автором, заключалась не только в обобщении уже сделанного. Главное — в выявлении дополнительных материалов и их анализ. Такой подход к изучению проблемы дал нам возможность поставить ряд новых вопросов, по иному подойти к решению уже затронутых предшественниками вопросов и на основе всего этого исследовать героическую борьбу народов Северного Кавказа против Тимура (с выявлением форм и методов борьбы).

Что касается сражения на Тереке между Тимуром и Тохтамышем, то здесь впервые исследуются причины войны, боевой порядок, стратегия и тактика обоих завоевателей, место и ход каждого дня сражения, приблизительные численность и потери войск, причины поражения и его последствия.

Впервые в масштабе региона исследуются вопросы экономического и социально-политического положения Северного Кавказа накануне и в период нашествия Тимура, изучены последствия погрома, учиненного полчищами захватчиков. Созданием специальной монографической работы по данной проблеме, охватывающей весь Северный Кавказ, восполняется имеющийся пробел в историографии.

В литературе о Тимуре выработались канонические представления, стереотипы и мифы, освободиться из-под влияния которых оказалось крайне сложным делом. Исследуя конкретно тему о походе Тимура на Северный Кавказ, пришлось с учетом этого фактора пересмотреть устоявшиеся некоторые трактовки о якобы имевшей место лояльности Тимура к отдельным народам и избирательности его ударов, и на полученной основе снять историографические наслоения с характеристики личности этого жесточайшего в истории монарха и завоевателя.

В обобщающих трудах неоднократно подчеркивается (как положительный фактор) важность обращения историков к исследованию проблем, связанных с освободительной борьбой народов против иноземных захватчиков[1]. Предметом настоящего исследования являются сложные и вместе с тем весьма важные историче-

[1] См., например: Хромов С. С. Идейно-воспитательные функции советской исторической науки // Вопросы истории. 1980. № 7. С. 12.

ские процессы, протекавшие на территории Северного Кавказа в конце XIV века в связи с нашествием Тимура. Научная значимость и практическая необходимость исследования проблемы прежде всего определяются тем, что без глубокого и всестороннего освещения данного вопроса нельзя написать подлинно научную историю народов Северного Кавказа.

Материалы исследования могут быть использованы при разработке школьных и вузовских учебников, в процессе преподавания истории СССР и спецкурса по истории Кавказа, в научных разработках других исследователей по отечественной истории, при составлении этнополитической карты Северного Кавказа XIII—XIV вв. Книга может быть использована при написании обобщающих трудов «История народов Северного Кавказа», «История Чечено-Ингушетии», в борьбе против фальсификаторов, в лекционной пропаганде для показа боевого содружества народов Северного Кавказа в борьбе против иноземных захватчиков.

Актуальность поднятых нами вопросов определяется, на наш взгляд, не только неразработанностью их, но и тем, что их решение имеет научно-познавательное, идейно-воспитательное и практическое значение, позволяет пролить дополнительный свет на проблему роли и места чингизидов и Тимура в истории. Эти и другие положения должны определить научную новизну и практическую значимость настоящей работы.

Апробация работы. Результаты исследования были апробированы на десяти региональных научных конференциях в городах Грозном, Орджоникидзе, Махачкале, Сухуми, Нальчике, Москве, Санкт-Петербурге и др. По теме работы опубликовано свыше 30 научных статей в объеме более 20 п. л. В них проводится мысль о правомерности того, что почти все исследователи сравнивают Тимура с Чингис-ханом, а в народной памяти — фольклоре горцев — он запечатлен как отрицательный персонаж.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ДО НАШЕСТВИЯ ТИМУРА

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО В XIII—XIV ВВ.

Период XIII—XIV веков — наиболее тяжелая пора в средневековой истории Кавказа и Восточной Европы. В это время они подверглись разрушительным нашествиям многочисленных орд Чингис-хана и его последователей, в том числе и Тимура. Иноземные завоеватели причинили громадный ущерб материальной и духовной жизни народов Руси, Кавказа, Булгарии, Крыма и затормозили их дальнейшее развитие[1].

Первым последствием нашествия чингизидских войск было резкое сокращение численности населения, прежде всего — трудового, в результате массовых убийств и увода жителей в рабство. Более того, потомки Чингис-хана насильно вербовали наиболее здоровую часть покоренного населения в свое войско и в качестве передового заслона вовлекали их в бесконечные внешние и междоусобные войны[2], что приводило к постоянному уменьшению непосредственных производителей материальных благ. С образованием Золотой Орды, куда входила и плоскостная часть Северного Кавказа, коренное население постепенно стало возвращаться на родные пепелища и упорным трудом восстанавливать свое хозяйство. Плоскостные жители подпали под налоговый пресс монгольских ханов, которые содержали огромное пограничное войско и бюрократический аппарат управления[3].

О занятиях населения края до настоящего времени нет ни одной специальной работы, охватывающей весь Северный Кавказ. А

---

[1] См. об этом: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 48; Гарданов В. К. Народы Северного Кавказа в XIII—XV вв. // Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 74—76.

[2] Магомедов Р. М. Дагестан в эпоху татаро-монгольского ига. Махачкала, 1940. С. 13—19; Шихсаидов А. Р. О пребывании татаро-монголов в Рича и Кумухе (1239—1240) // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 5—11; Криштопа А. Е. Дагестан XIII—XIV вв. по сообщениям восточных авторов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. 4. С. 96—118; Ичалов Г. Х. Дагестан — арена военных столкновений хулагидов и ханов Золотой Орды в XIII—XIV вв. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Т. 3. С. 172—179; Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 40—41.

[3] Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 29.

ведь базис является определяющим в жизни общества. Нам представляется правильным, что «обобщающий труд по истории Кавказа должен проследить определяющую роль его внутренних социально-экономических факторов для исторического процесса на Кавказе»[1].

Поэтому в масштабе региона исследуются вопросы экономического и социально-политического положения народов Северного Кавказа до нашествия Тимура (XIII—XIV вв.). Поскольку для рассматриваемого периода характерна освободительная борьба против иноземных захватчиков, изучение экономического положения народов региона позволяет иметь представление об их готовности и способности к отпору врага. Кочевники были заинтересованы в захвате природных богатств и предметов материального производства Северного Кавказа, ибо одной из главных целей монгольских захватчиков и Тимура являлся грабеж других народов. После нашествия Тимура мы не находим даже того, что сохранилось при господстве монгольских феодалов. Тем самым воочию убеждаемся в том, что Тимур затормозил развитие края.

Недостаток письменных документов и скудные археологические материалы не позволяют дать картину эволюции хозяйства жителей Северного Кавказа на протяжении XIII—XIV вв. Поэтому нам остается ограничиться перечнем данных о хозяйственной жизни всего периода в целом и высказать краткие суждения о социальном положении народов края. По всем видам занятий сперва подается общий материал, относящийся ко всему региону в целом, а затем для конкретизации приводятся сведения по подрегионам. Весь Северный Кавказ разбит на три подрегиона — Черкесия (Северо-Западный Кавказ), Алания (куда входят Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Чечено-Ингушетия) и Дагестан.

По сведениям средневековых авторов, следы былого богатства Северного Кавказа были заметны и после нашествия монгольских завоевателей. Например, арабский историк XIV века Эломари так писал о жителях Северного Кавказа: «Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодовитых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя (разводится скот. — *Х. Х.*), текут реки и добываются плоды»[2]. Основным занятием населения в интересующий нас период оставалось земледелие и скотоводство. При этом ассортимент обрабатываемых культур характеризует агротехнический уровень земледелия, бы-

[1] Магомедов А. Р. К вопросу изучения древней и средневековой истории народов Кавказа // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1976. Вып. VII. С. 135.

[2] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. (Далее сокр. — СМИЗО). Спб., 1884. Т. 1. С. 231.

ло развито виноградарство и садоводство. Здесь выращивали гранаты, айву, яблоки, груши, абрикосы, персики и орехи; возделывали бахчевые культуры — дыни, арбузы и тыквы, а также овощные — брюкву, репу, капусту и т. д.[1] В крае собиралось много меду белого цвета, приятного на вкус, лишенного остроты[2]. Во время нашествия Тимура «воины брали его столько, сколько хотели»[3].

Из злаковых культур на Северном Кавказе возделывались пшеница, просо, ячмень, рожь, овес и другие[4]. Определенное место занимало в рационе питания коренного населения просо. С приходом монгольских кочевников «посевы проса»[5] увеличились за счет уменьшения пшеничных, возможно, и рисовых плантаций. Известен случай, когда арабскому путешественнику Ибн Батуты во время его пребывания в здешнем крае (1334 г.) поднесли кушанье «из дуки»[6], то есть риса, который выращивался в Дагестане.

Хлеб служил также и в качестве одной из доходных статей внешней торговли и обмена. По этому поводу имеется интересное свидетельство. В 1268 г. во время большого голода в Италии венецианский дож Лоренцо Тьепола приказал закупить в других странах хлеб. И его продали им аланы, зихи (адыги), русы, армяне и греки[7]. Имеются сведения, что в 1395 г. во время весеннего похода Тимура на Северный Кавказ местное население обладало запасами зерна. Вот что, например, об одном таком факте сообщает нам летописец Шереф-ад-дин Йезди: «Так как у Тимурова войска оставалось мало продовольствия, то Тимур пошел вдоль берега реки (Терека) в область Джулат, чтобы воины запаслись провизией из тамошних зерновых продуктов»[8].

Развитию земледелия способствовало наличие плодородных земель и большого количества водных источников. И. Барбаро, говоря о черкесском княжестве Кремух, писал, что земля этого княжества состоит из плодородных равнин, орошаемых множеством рек. Земля их изобилует хлебом[9]. Г. Интериано отмечал, что у черкесов «пшеницы нет вовсе, зато много проса и других семян, из которых делают хлеб, разные кушанья и напитки, и зовут его боза (буза)»[10].

---

1 СМИЗО... С. 233.
2 Там же. С. 234.
3 СМИЗО. М.—Л., 1941. Т. 2. С. 182.
4 Лавров Л. И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. Л., 1952. Т. 1. С. 206—207.
5 СМИЗО... Т. 1. С. 230.
6 Там же. С. 292.
7 Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 89.
8 СМИЗО... Т. 2. С. 175.
9 Библиотека иностранных писателей о России. Спб., 1836. Т. 1. С. 45.
10 Записки русского географического общества. Спб., 1869. Т. 2. С. 735.

Земледелие было пашенным и мотыжным. Найдены топоры с широким вислым лезвием, которые могли использоваться и для рубки леса с целью очистки участка земли для посевов. Кроме зерновых культур, черкесы разводили овощи и фрукты. Материалы XIV—XV веков свидетельствуют, что у черкесов не выращивался виноград, а вино они делали из яблок[1], тогда как до прихода кочевников у них росли пшеница и виноград[2].

Жителям Алании также были известны такие виды хозяйственной работы, как пахота, жатва, помол зерновых культур. Культивировались просо и пшеница, овес, рожь, ячмень[3]. Пахали сохой и плугом. В предгорно-плоскостной Алании в XIII веке пахали тяжелым плугом, приводимым в движение многопарной супрягой и обладающим значительной производительностью. А в горах продолжали пользоваться традиционной деревянной сохой с сошником. Наличие у алан пахотных орудий, серпов, жерновов и зерновых ям — факт знаменательный[4].

Развитие производительных сил равнинной Алании шло по линии экстенсивного земледелия за счет освоения новых плодородных земель (целины и залежей) в плоскостных районах. Наряду с этим все долины и сколько-нибудь доступные ущелья использовались под самые интенсивные формы земледелия. Широко практиковались подсечное и террасное земледелие на лесистых площадях и горных склонах.

Из рассказа венгерского путешественника Юлиана, побывавшего в Алании после первого нашествия монголов, мы можем заключить, что у алан существовало пашенное земледелие, они разводили просо, что среди других сельскохозяйственных орудий у них была коса[5].

Земледелие и скотоводство составляли основу экономики также и Дагестана[6]. В исторической хронике «Тарих и Дагестан» приводятся, например, важные сведения, позволяющие судить о месте зернового хозяйства в экономике ряда горных районов. В

---

[1] Там же. Под Черкесией раннего средневековья подразумевается территория современного Краснодарского края.

[2] Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. С. 75; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 63.

[3] Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 66; Багаев М. Х. О хозяйственной жизни вайнахов в раннем средневековье // Тезисы докладов IV крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974. С. 49.

[4] Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. ... С. 54, 57, 60, 62. Алания, как полагают исследователи, в период раннего средневековья включала в себя территорию современной Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

[5] Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1963. Т. 5. С. 999.

[6] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 176—177; Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 113.

ней сказано, что в начале XIV века ряд аулов и обществ (Хунзах, Кадар, Аркас, Ирганай, общество Тумал) платили подать (харадж) своим владельцам пшеницей [1]. А для ее помола имелись водяные мельницы, о которых сообщает «Дербент-Наме» [2].

В опубликованном недавно «Сказании о железных воротах», составленном в середине XV века, дается подробное описание хозяйственной деятельности населения Дагестана в районе Дербента и говорится, что в той земле пашут землю и сеют пшеницу, и ячмень, и ярицу, и полбу [3]. Упоминание ярицы еще раз подтверждает факт возделывания населением рассматриваемого региона яровых и озимых культур. «Если учесть, что во всех дагестанских языках встречаем местные названия пара, — отмечает А. Р. Шихсаидов, — то из сообщения о зерновых в районе Дербента можно, вероятно, заключить, что мы имеем дело с паровой зерновой системой с трехпольным севооборотом (трехполье)» [4].

О посевах риса в прибрежных районах Дагестана упоминается в хронике «Тарих и Дагестан» Мухаммеда Рафи. При перечислении податей Казикумухскому шамхалу сказано, что с жителей селения Таргу причитается два саха рису. Ал-Гарнати впервые упомянул о садоводстве в долинах Дагестана, отметив, что там много всяких благ, таких, как «мед и мясо, фрукты в их долинах» [5].

Хамдаллах Казвини (ум. в 1349 г.) оставил весьма ценное сообщение о Дербенте и его округе. По его данным, земля там была плодородной, произрастал хороший хлеб. В окрестностях Дербента имелись прекрасные пастбища и разводилось много скота, что приносило жителям большую часть дохода [6]. Эти сведения подтверждаются и археологическими и этнографическими находками, среди которых довольно часто встречаются такие орудия сельскохозяйственного труда, как жернова, зернотерки, молотильные доски, плуги, сошники (наконечники сохи), серпы, косы, мотыги, ручные мельницы, каменные ступки, зерновые ямы, хозяйственные топоры и т. д. Все это красноречиво говорит в пользу утверждения о наличии глубоких исторических традиций северокавказского земледелия [7].

---

1 Тарихи Дербент-Наме. (Приложение IX). Тифлис, 1898. С. 176—177.

2 Там же. С. 86.

3 Кучкин В. А. Сказание о Железных воротах // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 277.

4 Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975. С. 36.

5 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971. С. 26.

6 Петрушевский И. П. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья // Известия АН СССР. Отд. общ. наук. 1937. № 4. С. 908.

7 Кудрявцев А. А. Развитие торговли в Дербенте в VI — первой половине XIII в. // Ближний и средний восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 108—116; Шихсаидов А. Р. Средневековый город Дагестана и его связь с сельским хозяйством // Там же. С. 231—237.

Остеологические находки археологов, сделанные ими в результате раскопок поселений и захоронений, свидетельствуют и о том, что на Северном Кавказе были развиты скотоводство и птицеводство. Здесь разводили коров, буйволов, овец, коз, лошадей, верблюдов, а также кур, гусей и уток [1].

Об обработке скотоводческого сырья можно судить по найденным археологами изделиям (обувь, головные уборы, сумочки, ремни, конская сбруя, шерстяные ткани, пряслицы и др.).

Домашний скот играл большую роль в жизни горцев, обеспечивая их мясом, маслом, молочными продуктами, кожей, шерстью. Кроме того, быки, лошади, ослы и муллы использовались как тягловая сила для различных сельскохозяйственных и транспортных работ [2].

Все это говорит о том, что важнейшей отраслью хозяйства народов Северного Кавказа, наряду с земледелием, было скотоводство. Побывавший в этих краях в 1246 году Плано Карпини так определил богатство жителей Дешт-и-Кипчака (куда входило и Предкавказье): «Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами, лошадьми» [3]. На экспорт здесь разводили прекрасных крупных быков, причем, по утверждению Барбаро, в таком количестве, «что их вполне хватало даже на итальянские бойни» [4].

Овец и коз разводили как для убоя на мясо, так и для получения шерсти. Об этом свидетельствуют материалы раскопок средневековых захоронений, в которых железные ножницы для стрижки овец являются обычной принадлежностью. В средневековье у северокавказских народов незаменимым ездовым животным служила лошадь. Известны случаи, когда знатные горцы отнимали лошадей у своих подданных и давали им взамен быков, ибо кони, необходимые для военных целей, в этот период ценились дорого [5]. Из рассказа Рубрука, например, мы узнаем, что некоторые коренные народы даже употребляли кумыс и конину [6]. Здесь, видимо, сказалось влияние кочевников [7].

О развитии скотоводства, и в частности овцеводства, свидетельствуют и обнаруженные археологами скотоводческие построй-

---

[1] Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 218—219; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 220; Багаев М. Х. О хозяйственной жизни вайнахов... С. 49.

[2] История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 2. С. 75; Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XV вв. ... С. 39.

[3] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 28.

[4] Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 149.

[5] Записки русского географического общества по отделу этнографии. Спб., 1869. Т. 2. С. 735.

[6] Путешествие в восточные страны... С. 106.

[7] СМИЗО... Т. 1. С. 292.

ки — коши, которые могли вместить от 1500 до 3000 голов овец и коз[1]. В кумыкском языке, например, даже само название дагестанской реки Койсу (Сулак) означает «Овечьи воды», что тоже говорит о давних хозяйственных контактах жителей гор и равнины, перегонявших овец по долине этой реки. Развитию скотоводства благоприятствовала богатая кормовая база. В горной части имелись прекрасные альпийские луга, а предгорная и плоскостная зоны изобиловали сочными травами.

В XIII—XIV веках скотоводство, и особенно коневодство, хорошо было развито в Черкесии. К этому времени ученые относят, например, выведение кабардинской породы лошадей[2]. Роль скотоводства в этот период сильно возросла[3]. Согласно Шильтербергеру, черкесы разводили быков и баранов[4]. Барбаро отмечал, что жители княжества Кремух имели прекрасных лошадей[5]. Интериано (автор XV века) писал, что черкесы разводили добротных лошадей, которые были гораздо лучше монгольских[6]. Он же сообщает о том, что черкесские крестьяне, подданные князей, разводили свиней и домашнюю птицу — кур и др.[7].

В средневековых погребениях найдены бычьи рога (ст. Горячеводская, Жако), козьи рога (с. Герменчик, Константиновка), изделия из кож коров и коз. Как видим, согласно письменным источникам и археологическим данным, черкесы в XIII—XIV веках разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз, свиней и домашнюю птицу[8].

Скотоводство, наряду с земледелием, занимало важнейшее место и в экономике Алании. Об аланах как о замечательных конниках упомянуто, например, в каталонской хронике Раймона Мунтемира (XIII в.). «Аланы, — говорится в ней, — считаются лучшими какими ни на есть всадниками на Востоке»[9].

Гильом Рубрук, посетивший Северный Кавказ вскоре после завоевания его монголами, сообщал о мясной и молочной пище у *алан*[10]. *В географическом описании*, известном под названием

---

1 Кузнецов В. А. Алания... С. 76.

2 История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 63.

3 СМИЗО... Т. 1. С. 231.

4 Записки Имп. Новороссийского университета. Одесса, 1867. Т. 1. Вып. I—II. С. 60.

5 Библиотека иностранных писателей о России. Спб., 1836. Т. 1. С. 45.

6 Записки русского географического общества по отделу этнографии. Спб., 1869. Т. II. С. 738.

7 Там же. С. 732.

8 Алексеева Е. П. Очерки... // Труды КЧНИИ... Вып. 3. С. 33; Чиперис А. М. К вопросу о социально-экономическом развитии адыгов в XIII—XV вв. // Ученые записки КБГПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 72.

9 Ламанский В. И. Заметки об асах-аланах // Протоколы XI археологического съезда. М., 1902. Т. II. С. 119.

10 Путешествие в восточные страны... С. 106.

«Аджуб ад-дуниа» («Диковинка мира»), написанном на фарси и относящемся к XIII веку, есть упоминание города Алание (между Абхазом и Кипчаком), где среди продающихся товаров была мерлушка[1]. Как отмечает Т. Б. Тургиев, «в то время, к которому относится это сообщение, овцеводство у алан должно было быть развито достаточно высоко»[2]. Этот автор считает, что второе место в стаде занимал крупный рогатый скот.

Исследователи уже обращали внимание, что в алано-ясском глоссарии (XV в.) упомянуты курица, гусь, утка и яйцо[3].

Важнейшим видом хозяйственной деятельности населения Дагестана в XIII—XIV веках после земледелия тоже было скотоводство. В средневековом Дагестане были известны все существующие и ныне виды домашних животных[4].

Для характеристики хозяйственного развития Дагестана, в частности земледелия и животноводства в XIII—XIV веках, важное значение имеют известия хроники «Тарих Дагестан». Населенные пункты и общества, вносившие харадж, можно разделить, судя по данным хроники, на несколько категорий: вносившие харадж только овцами (общества Карах, Кусрахи, Хибиллал, Чамалал, Рисур, Мукрак, селения Аршуб, Цахур, Голода); дающие харадж и овцами, и зерном (Хунзах, Гадар, Аркас, общество Тумал); крупным рогатым скотом (Тиндал, Хайдак, Усиша, Акуша, Цудахар); крупным и мелким рогатым скотом (Баклал); только зерном (Ирганай); войлоком (Анди); рисом (Таргу); оружием (Зирихгеран); лошадьми (Куралал)[5].

Сведения А. Р. Шихсаидова, хроника «Тарих Дагестан» и другие сочинения показывают, что в XIII—XIV веках улавливается зависимость отдельных отраслей производства от природных условий — так называемая дифференциация хозяйства по естественно-географическим зонам[6]. Это положение применимо для всего Северного Кавказа. На равнине и в предгорье в основном разводили зерновые и садовые культуры, виноград, крупный рогатый скот; в горах было развито скотоводство и домашние промыслы; в высокогорье — в основном овцеводство, ремесло.

Ошибочно, на наш взгляд, мнение о том, что после монгольского нашествия плоскость якобы полностью опустела и население обитало только на снеговых вершинах Кавказского хребта. На самом деле часть жителей, подчинившись пришельцам, остава-

---

1 Ученые записки института востоковедения. М.—Л., 1954. Т. 9. С. 199.

2 Тургиев Т. Б. О скотоводстве у алан // Материалы по археологии древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. С. 127.

3 Кузнецов В. А. Алания в XI—XIII вв. ... С. 81.

4 Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. ... С. 38—39.

5 Тарихи Дербент-Наме (Приложение IX). ... С. 176—177.

6 Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 43.

лась на плоскости[1]. Да и городское население состояло в основном из коренных жителей. Возьмем, к примеру, город Маджар. Самые первые (и последние) упоминания о городе Маджаре мы находим в русских источниках. Первое упоминание о городе Маджаре в русских летописях относится к 1318 г., а в источниках XVII—XVIII веков Маджар характеризуется уже как опустевший и разрушенный город[2]. Он располагался в Предкавказье — на территории нынешнего Ставропольского края, у г. Буденовска.

Население города было многонациональным. Еще в 1318 году, согласно свидетельству летописей, когда через Маджар проходил траурный кортеж с телом убитого у реки Терек в ставке Орды князя Михаила Тверского, город населяли «мнози... различных языков», имелась в нем православная церковь и проживали русские купцы — гости[3]. Исследователь истории города Маджар Т. М. Минаева пишет, что постоянными жителями города являлись «остатки того населения, которое покорили татаро-монголы при завоевании Северного Кавказа: кипчаки (половцы), аланы, черкесы и другие»[4].

Это были оседлые земледельцы, занимавшиеся хлебопашеством, огородничеством и садоводством. Верхушку общества составляла монгольская знать — крупные скотоводы-кочевники, которые проводили в Маджаре зиму. Ремесленники и торговцы из покоренных областей составляли значительный процент населения города Маджар[5]. Феодалы Золотой Орды придерживались практики переселения ремесленников из завоеванных городов и областей в свои города.

РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ В XIII—XIV ВВ.

В непосредственной связи с развитием земледелия и скотоводства находилось и ремесленное производство. Ремесло в золотоордынский период вскоре возродилось и продолжало развиваться (особенно оружейное дело), хотя после разрушения городов и сел отдельные виды утратили свое значение. Это объяснялось сохра-

---

1 Багаев М. Х. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье // Материалы по археологии и древней истории Осетии. Орджоникидзе, 1975. Т. 3. С. 51—52.

2 Полное собрание русских летописей (сокращ. ПСРЛ). Т. X. Никоновская летопись. 1885. С. 186; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. (Сб. док.). М., 1957. Т. 1. С. 221—222, 388.

3 ПСРЛ. Т. VIII. С. 186; Ртвеладзе Э. В. К истории города Маджар // СА. 1973. № 3. С. 156.

4 Минаева Т. М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1953. Вып. 5. С. 138.

5 Волкова Н. Г. Маджары // КЭС. М., 1972. Т. 5. С. 53; Ртвеладзе Э. В. Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII—XIV вв. и ее связей со Средней Азией; Автореф. канд. дисс. Л., 1975. С. 8—11.

нением постоянной опасности вторжения кочевников и тем, что монгольские феодалы захваченных ими ремесленников не убивали, а заставляли работать для своих военных нужд, держа на полуголодном пайке.

В XIII—XIV веках в городах Золотой Орды — Сарае, Маджаре, Астрахани, Татартупе, Нижнем Джулате и других сложились целые кварталы потомственных ремесленников — выходцев с Северного Кавказа и Руси[1]. На Северном Кавказе имелись специалисты-гончары, кузнецы, оружейники, ювелиры, мастера добычи руды, плавки и литья металлов, каменщики, мельничные мастера и другие. В отдельных селах и районах ремесло постепенно отделялось от земледелия, хотя полного отрыва ремесленников от сельского хозяйства не произошло[2]. В XIII—XIV веках дальнейшее развитие ремесел, в частности оружейного, кузнечного, строительного дела, гончарного производства, хорошо прослеживается по письменным источникам и археологическим данным[3].

Иосафат Барбаро сообщал, что в ордынском войске «есть ремесленники — ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла»[4]. Кстати, это сообщение показывает, что правители Золотой Орды держали покоренных ремесленников не только в городах, но и возили их с собой в походы для оперативного использования в кочевом хозяйстве.

Домашние промыслы (обработка шерсти, кожи, изготовление сукна, хлопчатобумажных тканей, одежды, обуви, войлока, бурок, сельскохозяйственных орудий, изделий из дерева, гончарное производство, ковроткачество и др.) получили дальнейшее развитие не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе, будучи существенным дополнением крестьянского хозяйства[5]. Но производство оружия и воинского снаряжения занимало в крае важнейшее место. Это и понятно: период XIII—XIV веков был для истории Северного Кавказа временем частых вооруженных столкновений с монгольскими феодалами, установившими здесь мрачное иго Золотой Орды.

Г. Интериано писал, что черкесы, в том числе и знатные, «сами делают свои стрелы, даже когда сидят на лошади... Знатные жены не занимаются никакими другими работами, кроме вышивания,

---

1 ПСРЛ.. Т. VIII С. 186; СМИЗО... Т. 1. С. 287—288, 308; Чеченов И. М. Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 г. // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1968. Вып. 1. С. 149; Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974. С. 48—61; Ртveладзе Э. В. Из истории городской культуры на Северном Кавказе... С. 3, 9—11.

2 Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. С. 96, 162.

3 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 47.

4 Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 147.

5 Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975. С. 44; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР... Т. 1. С. 47; Чеченов И. М. Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 г. ... С. 149.

либо тканья, красиво вышивая кисеты для огнива и кожаные пояса»[1].

Весьма ценное свидетельство оставил французский путешественник Гильом Рубрук, который побывал на Северном Кавказе в середине XIII века. Согласно его сообщению, двое из двадцати сопровождавших его монголов имели латы, приобретенные ими у алан, которые умели хорошо изготовлять их и были отличными кузнецами[2]. Византийский автор XV века Лаоник Халькокондил (описавший события от 1298 до 1463 года) указывает, что аланы «почитаются превосходными воинами и выделывают лучшие панцири»[3].

Особо славились оружейники дагестанского аула Кубачи, которые вошли в историю как кольчужники. Еще в XII веке арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати писал, что они изготовляют всякое воинское снаряжение: кольчуги и панцири, и шлемы, и мечи, и копья, и луки, и стрелы, и кинжалы, и всевозможные изделия из меди[4]. Развитие ремесла здесь достигло такого уровня, что привело население Кубачей к отказу от земледелия. Имея в виду это, ал-Гарнати подчеркивал: «Все их жены и сыновья, и дочери, и рабы, и рабыни занимаются всеми этими ремеслами. И хотя нет у них пашен и садов, добра и денег у них больше, чем у других»[5]. Свою ремесленную традицию кубачинцы продолжали и в период нашествия Тимура (XIV в.)[6].

Развитие северокавказской металлургии связано прежде всего с сырьевой базой. Руда для выплавки металлов (железа и серебра) добывалась местными рудокопами в рудниках Северного Кавказа[7]. На территории Карачаево-Черкесии, как сообщает Е. П. Алексеева, известны выходы металлических руд — медных, серебро-свинцовых, железных. Известны и разработки этих руд[8]. Месторождений железной руды на территории Алании много. Край представлял собой «провинцию» сферосидеритовых руд, магнитов, красных и бурых железняков[9].

Выходы свинцовых и железных месторождений отмечены и на территории Чечено-Ингушетии в районе аулов Армхи, Ведено, Мучо и в других местах. В склепах и средневековых поселениях, в

---

[1] Записки русского географического общества по отделу этнографии. Спб., 1869. Т. 2. С. 735.

[2] Путешествие в восточные страны... С. 186.

[3] Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. С. 83.

[4] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу /Перевод О. Г. Большакова. М., 1971. С. 50.

[5] Там же.

[6] СМИЗО... Т. 2. С. 187.

[7] Алексеева Е. П. Очерки... // Труды КЧНИИ... Вып. III. С. 35.

[8] Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 113.

[9] Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. ... С. 86.

частности на Алханкалинском городище, найдены многочисленные изделия ремесленного производства. Находки археологов позволяют считать, что на достаточно хорошем уровне было развито и ювелирное дело [1].

«Районы высокогорного Дагестана, — пишет в своей книге А. Р. Шихсаидов, — на всем протяжении от Чечни до Азербайджана являются рудоносными» [2]. По его мнению, о совершенствовании процесса выплавки железа и производства железных изделий свидетельствуют многочисленные культурные изделия, а также производственные остатки, обнаруженные при раскопках Аркасского и других городищ.

Археологи утверждают, что в XIII—XIV веках технология изготовления посуды на гончарном круге достигла совершенства, гончарное производство приобретает характер самостоятельного ремесла, мастера которого работали на заказ и на рынок. Изготовлялись керамические изделия: кувшины, столовая посуда, пифосы для зерна, амфоры для вина и др. Особо славилось гончарным искусством селение Балхар (Дагестан). Правда, производство лезгинской бирюзовой керамики при монголах прекратилось [3].

В средневековых городах Северного Кавказа существовали и гончарные мастерские. В некоторых районах найдены гончарные печи — в городище Нижний Джулат (Кабардино-Балкария), у села Ишхой-Юрт (Чечено-Ингушетия), в городище Верхний Джулат (Северная Осетия), в Аркасском городище (Дагестан) и в других местах [4].

В подземных захоронениях и надземных склепах найдено мало деревянных предметов (из-за их плохой сохранности): молотильные доски, сосуды, гребни, ложки, туалетные шкатулки, гробы-колоды, рукоятки разнообразных хозяйственных орудий и инструментов и др. [5]. Кожаные изделия: конская сбруя, уздечки, чувяки, сапоги, седла и др. представлены в археологических материалах также фрагментарно.

Широко практиковалась на Северном Кавказе обработка кости и рога: шила, иголки, пуговицы, рукоятки ножей, гребни и дру-

---

1 Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977. С. 60—71.

2 Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. ... С. 45.

3 Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 114.

4 Атаев Д. М. Раскопки Аркасского городища // Материалы сессии, посвящ. итогам археологич. и этнографич. исследований 1964 года в СССР: Тезисы докладов. Баку, 1965. С. 128; Очерки истории ЧИАССР... Т. 1. С. 47; Чеченов И. М. Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата... С. 149; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 124.

5 Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 162—163; История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 90—91.

гие предметы, изготовленные из них, обильно представлены в материалах археологических раскопок [1].

На Северном Кавказе в качестве строительного материала для возведения жилых, производственных, культовых и оборонительных сооружений, а также для изготовления хозяйственно-бытового инвентаря широко применялся камень. Объяснялось это, видимо, богатой сырьевой базой [2].

На Северо-Западном Кавказе, по сравнению с Центральным и Северо-Восточным Кавказом, камень как строительный материал использовался меньше. Связано это со строительной традицией и хозяйственной жизнью, ибо в XIII—XIV веках основной формой, скажем, черкесского жилища была турлучная постройка — из обмазанных глиной прутьев, крытая соломой, тростником, камышом. Адыги вообще предпочитали легкие турлучные или саманные постройки монументальным каменным сооружениям из-за того, что они, в особенности кабардинцы, довольно часто меняли свое местожительство [3].

Города и крепости у черкесов были только на Восточно-Черноморском побережье и в низовьях Кубани. Наиболее крупные из них: Матрика (Тамань), Мапа (Анапа) и Копа (Славянская). Хотя в XIII—XV веках эти города являлись генуэзскими колониями, черкесы продолжали в них жить. На побережье известны и другие крепости и поселения с каменными постройками (Дузу-кале, Нотай-кале, Лукука, Сиба и другие) [4].

Монументальное каменное строительство в рассматриваемое время велось как в восточной, так и в западной частях Алании [5]. На городище Верхний Джулат археологами исследованы руины каменного жилого дома, трех мечетей с минаретами и четырех христианских церквей [6]. На Нижнем Джулате известна большая соборная (кирпичная) мечеть с четырьмя рядами колонн, различные изделия из камня. Все это датируется XIII—XIV вв. Грандиозны масштабы городищ Алхан-кала, Нижний Архиз и Рим-гора, имевших цитадели. По письменным источникам известны аланские города Магас, Дедяков, Капчигай и др. [7].

---

1 Мужухоев М. Б. Указ. соч. С. 86—88.

2 Дебиров П. М. Резьба по камню в Дагестане. Махачкала, 1966. С. 15.

3 Лавров Л. И. Формы жилищ у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVIII в. // Советская этнография. 1951. № 4. С. 42—56.

4 Алексеева Е. П. Очерки... // Труды КЧНИИ... Вып. III. С. 46—47.

5 Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. ... С. 132—138.

6 Милорадович О. В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат; Его же: Христианский могильник на городище Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии. М., 1963. С. 66—86, 87—106.

7 Кузнецов В. А. Указ. соч. С. 149—163; Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 46; Новосельцев А. П. К истории аланских городов // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. С. 132—135.

Одними из основных памятников каменного зодчества Чечено-Ингушетии, Карачая, Балкарии, Осетии являются оборонительные сооружения — башни, крепости, замки. По мнению исследователей, уже ко времени монгольского нашествия на Кавказ многие средневековые поселения представляли собой сложные оборонительные комплексы. Они утверждают, что оборонительные сооружения XIII—XIV веков являются дальнейшей ступенью развития раннесредневекового строительства и выступают как достижение местной фортификационной архитектуры.

В горной Чечено-Ингушетии имеются построенные в средневековье сторожевые, жилые и боевые башенные комплексы. Из глубины веков дошли до наших дней башенные памятники в Итумкале, Тазбичи, Шарое, Макажое, Джейрахе, Таргиме и в других уголках Чечено-Ингушетии.

Историографы Тимура пишут о взятии и разрушении им большого количества башен [1].

Башни являлись не только надежной защитой в момент боя при междоусобных внешних войнах, но и служили местом наблюдения за движением врага и сигнализации, оповещения населения целых ущелий с помощью костров, зажигаемых на крышах башен в момент тревоги, то есть занимали стратегическое положение [2].

В XIII—XIV веках довольно высокого уровня достигает строительное дело и в Дагестане. Об этом свидетельствуют как до сих пор сохранившиеся многочисленные памятники архитектуры, так и строительные надписи. Науке известны средневековые дагестанские города Дербент, Аркас, Тарки, Алмах и др. [3]. Не имеет себе равных в крае Дербентский оборонительный комплекс с 40-километровой горной стеной [4].

«К числу замечательных сооружений, — отмечает А. Р. Шихсаидов, — относятся мечети в Кара-Кюре (Ахтынский р-н), Кала-Корейше (Дахадаевский р-н), Рича (Агульский р-н), датируемые XI—XII вв. Культовые сооружения сохранились также в сел. Бургшаг (Агульский р-н, XIV—XV вв.), Хури (Лакский р-н, XV в.), Джибахни (Кайтагский р-н, XV в.). Высокое мастерство горцев проявилось и при строительстве оборонительных сооружений —

---

[1] СМИЗО... Т. 2. С. 122—124, 180—187.

[2] Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971; Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965; Его же: В стране вайнахов. М., 1969; Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. Т. 2; Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977.

[3] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 136; Магомедов М. Г. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана: Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1970. С. 13.

[4] Кудрявцев А. А. Длинные стены на Восточном Кавказе // Вопросы истории. 1979. № 11. С. 31—43.

крепостей, сторожевых, жилых и оборонительных башен. Некоторые из этих сооружений сохранились до наших дней: в Тидибе, Гоore, Кахибе, (Шатойский р-н), Мококе (Цунтинский р-н), Ицари и Кубачи (Дахадаевский р-н), Тпиге (Агульский р-н) XII—XIII вв.» [1].

Важным источником в изучении строительного дела населения Дагестана является эпиграфический материал, опубликованный Л. И. Лавровым: Куту Абу Мисак ал-банна (строитель) — надпись 1177 года из Рутула; устад Хасан сын Мухаммеда — надпись 1247 года из Мишлеша; устад Тадж ад-дин сын Мусы, строителя (ал-банна) бакинского — надпись второй половины XIV века из Дербента [2].

Изучение ремесел народов Северного Кавказа показывает, что кузнечное и литейное дело, строительство и керамическое производство, изготовление оружия и обработка камня выступают как отдельные специализированные отрасли ремесленного производства.

Заметным подспорьем в жизни горцев Северного Кавказа служила охота. Существование охотничьего промысла подтверждается археологическими находками костей диких животных: кабана, медведя, оленя, косули, сайгака, зайца, лисицы [3]. Но с образованием Золотой Орды облавная охота стала тяжелой повинностью зависимого населения плоскостной части Северного Кавказа в пользу монгольских феодалов, ибо охота была важнейшей отраслью военной и хозяйственной жизни кочевников [4]. Меха, пушнина и ценные шкурки приносили огромные прибыли монгольским феодалам.

Другим видом промысла населения Северного Кавказа было рыболовство. Наиболее развито оно было в городах и поселениях, расположенных по берегам крупных рек — Терека, Сулака, Кубани и др. А жители прибрежных районов Черного и Каспийского морей были не только потребителями, но и поставщиками ценных видов рыб и икры как на внутренних, так и на внешних рынках. Обилие рыбы в Причерноморье и Прикаспии отмечено в известных записках Рубрука, который сообщал, что в Матрику (Тамань) съезжаются константинопольские купцы для вывоза всевозможной рыбы (осетров, чебаков и др.) [5].

В XIII—XIV веках рыба и икра вывозились из Черкесии и Дагестана в большом количестве. В сохранившихся документах ука-

[1] Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. ... С. 53.

[2] Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1. С. 64, 82, 120—121; Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 54.

[3] Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. ... С. 81; Багаев М. Х. К вопросу о хозяйственной жизни вайнахов... С. 50.

[4] Путешествие в восточные страны... С. 99.

[5] Там же. С. 88.

зывается дата 20 апреля 1290 года, когда греческие и итальянские купцы зафрахтовали три судна для погрузки в Копарио (Копа) рыбы и икры, которые они собирались продать в Трапезунде, Константинополе и в других местах [1]. Венецианский посол и путешественник XV века Амброджо Контарини видел, как в Каспийском море «ловят осетров и белуг, причем в громадном количестве». Он же утверждал, что тюлений жир оттуда развозился «по всей стране», что Дербент «торгует вином» [2]. Оккупировав богатые страны, монгольские ханы увидели, что торговля в культурных областях подвластных империй приносит им огромные прибыли. Поэтому с превращением Золотой Орды в самостоятельное государство (1260 г.) монгольские ханы и феодалы не стали препятствовать развитию торговли. Через некоторое время появились торговые агенты хана, торговые компании и даже колонии, купцы-пайщики. Была развита здесь и караванная торговля.

«Компании купцов, — писал А. Ю. Якубовский, — не только держали вклады в разных торговых и ремесленных предприятиях, но и брали на откуп повинности целых областей и городов. Многие купцы и торговые компании были близки к ханской власти. Из среды купцов выходили наиболее ответственные чиновники (даруги, баскаки) и часто — послы. Купцы ссужали ханский двор в нужные моменты деньгами» [3].

Доходной статьей являлась торговля конями, о чем подробно писал арабский путешественник 30-х годов XIV века Ибн Батута. Он рассказывает, что Дешт-и-Кипчак, куда входила и плоскостная часть Северного Кавказа, славится своими конями. Их вывозили в ряд стран, особенно в Иран и Индию. Иногда караван доходил до шести тысяч коней. По словам венецианца Иосафата Барбаро, в первой половине XV века Дешт-и-Кипчак вывозил до четырех тысяч коней в Иран в одном торговом караване [4].

Торговля в жизни населения Северного Кавказа XIII—XIV веков имела большое значение. Популярностью пользовались в то время торгово-ремесленные центры Северного Кавказа — Дербент, Аркас, Тарки, Алмак, Дедяков, Магас, Татартуп, Нижний Джулат, Капчигай, Маджары, Матрика, Мапа, Копа и др. Купцы с Северного Кавказа не только ездили по торговым делам в города Золотой Орды, но и имели там постоянное местожительство, образовав целые кварталы.

В городах Сарае, Маджаре, Нижнем и Верхнем Джулате отдельными купеческими кварталами жили асы, кипчаки, черкесы,

---

1 Алексеева Е. П. Очерки... // Труды КЧНИИ... Вып. 3. С. 45.
2 Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 216.
3 Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 155.
4 Барбаро и Контарини о России... С. 149.

русские и византийцы, «там и базары их»[1]. Как известно, монгольские феодалы со своими войсками и стадами вели кочевой образ жизни. Многие купцы в этих условиях вели среди них торговлю. Наблюдательный Барбаро отмечал, что при орде «всегда находятся купцы: одни различными путями привозят сюда товары, другие же лишь проходят через орду с намерением идти в иные страны»[2]. Отдельные представители социальной верхушки покоренных народов, пользуясь большим доверием хана, посещали далекие страны и занимались внешней торговлей. Сказанное подтверждает такой факт: в 1260 году египетский султан Бейбарс передал послание хану Берке через одного аланского купца[3].

Оживленную торговлю вели аланы и адыги с образовавшимися в XII—XIII веках на Северо-Западном Кавказе генуэзскими колониями. Согласно источникам, основными статьями адыгского и аланского экспорта являлись поставки покупателям рыбы, икры, хлеба, мехов, воска, шерсти, шкур, фруктов и др.[4].

О вывозе хлеба из Алании и Черкесии сообщают генуэзские документы XIII—XIV вв. В контрактах Кафы (Феодосия) за 1289 и 1290 гг. сообщается, например, о больших транспортах ржи, ячменя и проса от алан и черкесов в Трапезунд и Самару[5]. В обмен на эти товары черкесские и аланские торговцы получали от генуэзцев бумажные, шелковые и бархатные ткани, ковры, предметы роскоши, золото, серебро и драгоценные камни, фарфор, мыло, соль и др.[6].

Восточные товары (иранские и китайские шелковые ткани), стекло и металлические изделия попадали на Северный Кавказ через ордынские и закавказские города — Маджар, Сарай, Астрахань, Баку и Тбилиси.

В сохранившихся нотариальных актах генуэзских колоний содержатся сведения, согласно которым особенно высоко на международных рынках ценились рабы кавказского происхождения. Поставщиком живого товара преимущественно была горская знать. Наиболее крупные невольничьи рынки XIII—XV веков были в Кафе (Феодосия) — оплоте Генуи на Черном море, Дербенте, Дедякове, Тарки, Маджаре, Джулате, Тане (Азов), Себастополисе (Сухуми) и Копе[7].

---

1 СМИЗО... Т. 1. С. 287—288, 308; ПСРЛ... Т. VIII. С. 186; Чеченов И. М. Некоторые итоги раскопок посада Нижиего Джулата в 1967 г. ... С. 128—151; Ртвеладзе Э. В. Из истории городской культуры на Северном Кавказе... С. 3, 9—11.

2 Барбаро и Контарини о России... С. 148.

3 СМИЗО... Т. 1. С. 55, 98.

4 Зевакин Е. С., Пенчко И. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XV вв. // Исторические записки. М., 1938. Т. 3. С. 94—95; Чиперис А. М. Указ. соч. С. 68.

5 Там же.

6 Лавров Л. И. Черкесия в XIII—XIV веках // Красная Черкесия. 1941. 14 июня (№ 138); Алексеева Е. П. Очерки... // Труды КЧНИИ... Вып. 3. С. 45.

7 Очерки истории Адыгеи... Т. 1. С. 90.

Вплоть до 1222 г., то есть до первого похода монголов, город Дербент переживал время своего расцвета, оставаясь крупным политическим, культурным, торговым и ремесленным центром. Усилению и расцвету его способствовали как рост морской и караванной торговли со странами Ближнего Востока и Закавказья, так и усилившиеся связи с сельскими земледельческими районами Дагестана [1]. Особым спросом пользовалась марена.

Торговые связи дагестанцев с их соседями — народами Закавказья и Северного Кавказа — были регулярны. Дербент в X—XIII веках имел право собственного чекана монет. Хотя после монгольского погрома в Дербент приходили суда малой величины, он сохранил свое значение как порт и транзитный пункт. Дербентские товары через Астрахань попадали в Тану, а оттуда в Европу. Для сбыта товаров на внутренних рынках торговцы пользовались дорогой: Самур—Курах—Кумух—Чох—Чечня [2].

Таким образом, несмотря на урон, нанесенный им монгольским нашествием, народы Северного Кавказа продолжали оседлую жизнь, занимались земледелием, скотоводством, ремеслами и торговлей. Коренным оседлым жителям в тяжелейших условиях экспансии кочевников приходилось отстаивать свою традиционную земледельческую культуру, свое право на жизнь. Один из современников — Юлиан — относительно Алании, например, не без сочувствия свидетельствует: «Во время пахания все люди одного местечка, вооруженные, вместе отправляются на поле, вместе косят, и то на смежном пространстве, и вообще выходя за пределы своего местечка для рубки дров или для какой бы то ни было работы, идут все вместе и вооруженные» [3].

Как видим, оседлым народам Северного Кавказа пришлось заниматься хозяйством в долгой и неравной борьбе с кочевыми ордами иноземных захватчиков. В результате монгольских завоеваний на Северном Кавказе возросла площадь запущенных земель. Местное население перестало выращивать технические и бобовые культуры, а пшеницу и виноград культивировало в ограниченных размерах, так как в равнинных районах оседлое земледельческое хозяйство на определенное время было вытеснено хозяйством кочевым. Виноградники междуречья Терека и Сулака, например, были растоптаны конницей кочевников во время продолжительной войны Джучидов с Хулагидами Ирана [4].

Традиционным для Северного Кавказа было отгонное или яйлажное скотоводство, которое нарушилось с приходом монголь-

---

1 Шихсаидов А. Р. Дегестан в X—XV вв. ... С. 56.

2 История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 180.

3 Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 999.

4 Криштопа А. Е. Дагестан... С. 96—118; Ичалов Г. Х. Дагестан... С. 172—179.

ских феодалов. С захватом ими плоскостных и степных земель и дальнейшим превращением их в свои кочевья оседлые народы очень мало разводили буйволов, свиней, гусей и уток. Для горных жителей были закрыты выходы на равнину, что несомненно сильно сократило масштабы скотоводческого хозяйства.

Хотя коренные жители Северного Кавказа постепенно оправились от удара монгольских феодалов, однако наблюдался заметный упадок ремесел и торговли. Если раньше в Дербент прибывали большие суда с грузом до 800 бочек, то потом сюда приходили маленькие суда с грузоподъемностью до 200 бочек. Такая же картина наблюдалась по всему региону.

«Удар, нанесенный монгольским нашествием экономике северокавказских стран, — сказано в многотомной «Истории СССР», — имел такие же пагубные последствия, как и для древних цивилизаций Средней Азии и Закавказья. На равнине Предкавказья, где ранее процветали многолюдные города с развитым ремеслом, обширными торговыми связями, города и поселения, поражавшие наблюдателя обилием садов и виноградников, — теперь пасли свои стада грубые и жадные кочевники» [1].

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIII—XIV ВВ.

Монгольские захватчики во время нашествия и в период своего господства застали на Северном Кавказе феодальную раздробленность, междоусобицу, этническую пестроту, приводившие к разобщенности, и воспользовались этими обстоятельствами в своих интересах. Это же относится и к Тимуру. Социальная структура края соответствовала его хозяйственному положению.

На Северо-Западном Кавказе проживали адыги (общее название адыгейцев, черкесов и кабардинцев). У некоторых племен процесс имущественного и классового расслоения зашел достаточно далеко. Из массы общинников выделились феодалы — князья (пши) и дворяне (ворки), владевшие крестьянами (пшитли), рабами (унауты) и не без успеха пытавшиеся закабалить свободных общинников (тлхукотлов) [2]. В источниках XIII века упоминается князь Тукар — предводитель черкесов, а в материалах XV века — имена черкесских князей Биберди, Петрозока и др.

История черкесов того периода изобиловала княжескими междоусобицами. Малейшая попытка централизации власти у адыгов даже в XV веке вызывала сопротивление со стороны местных пра-

---

[1] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 512.
[2] Там же. С. 513; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 82—83.

вителей: «Знатные имеют вассалов, — пишет в связи с этим Интериано, — и все живут независимо друг от друга, не признавая над собой никакой власти, кроме Бога, без судей и писаных законов — сила да сметка, да третейский суд решают споры»[1]. В руках феодалов были сосредоточены значительные материальные ценности — земля, скот, золотые и серебряные вещи и пр.

На территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа (от верховьев Кубани до Дагестана) накануне нашествия монгольских захватчиков располагалось крупное раннефеодальное государственное образование — Алания, способное выставить 30-тысячное войско. Общество этой страны состояло из класса феодалов, прослойки свободных общинников и неимущего класса — зависимых крестьян, домашних рабов[2]. По сообщению флорентийца И. Мариньоли, монгольские полководцы захватили 72 аланских князя, среди которых могли быть и мелкие владельцы[3]. Упоминаются и имена князей — как боровшихся с захватчиками, так и переметнувшихся на их сторону. Это Матарша, Атачи, Хан-ху-сы, Николай, Дудан, Хурдуда, Бадур и др.

Венгерский путешественник-миссионер Юлиан, побывавший в Алании накануне нашествия Батыя, например, свидетельствует: «Там столько местечек, сколько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком»[4].

Ко времени нашествия Тимура феодальная раздробленность Алании получила свое оформление примерно в современных этнических и политических границах республик и областей Северного Кавказа. На территории современной Карачаево-Черкесии (страна Буриберди) размещается владелец Буракан, а на территории Кабардино-Балкарии — братья Кулу и Таус. На территории Северной Осетии управлял Пулад. Правителем страны Симсим на территории Чечено-Ингушетии назван Гаюр-хан, у которого в вассальной зависимости находился сын Мухамед[5]. Как видим, экономические и политические связи, существовавшие у алан до монгольского нашествия, оказались теперь нарушенными. В корне изменилось и этническое лицо Алании.

В XIII—XIV веках в основных чертах оформилась и современная этническая карта Дагестана. Крупнейшими народностями, населявшими «Страну гор», как и ныне, были лезгины, даргинцы, аварцы, кумыки, лакцы[6].

---

1 Записки русского географического общества. Спб., 1869. Т. 2. С. 732.
2 Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. ... С. 197—240.
3 Архив СОНИИ, ф. 4, д. 2, л. 62 /Перев. Е. С. Зевакина.
4 Записки Одесского общества истории и древностей... С. 999.
5 СМИЗО... Т. 2. С. 122—123, 180—183.
6 История СССР с древнейших времен до наших дней... С. 514.

На территории Дагестана продолжалось развитие феодальных отношений в шмхальстве Казикумухском, нуцальстве Аварском, уцмийстве Кайтагском, майсумстве Табасаранском, эмирате Дербентском и султанстве Цахурском. Как и в предшествующий период, основным видом феодальной ренты была рента продуктами и скотом [1].

Мухаммед Рафи, автор труда «Тарихи Дагестан», так характеризует политическое состояние Дагестана того периода: «Зеркало согласия между князьями Кумуха и Хайдака (Кайтага) разбито было... И это разногласие было такого рода, что не обещало ничего хорошего и не давало надежды на согласие» [2].

Самым крупным феодалом в Дагестане был шамхал, которого в XV веке и позднее по традиции именовали «вали», то есть старший правитель. Во время нашествия Тимура шамхал выступил против него во главе трехтысячного отряда. В ряде местностей, особенно в горных округах, существовали так называемые «вольные общества», которые, благодаря своей непокорности, приняли на себя основной удар тимуровского войска. Монгольские ханы и Тимур помогали местным феодалам укреплять власть над их соотечественниками. Интересы различных социальных группировок в борьбе против иноземных захватчиков совпадали только на определенном этапе — до тех пор, пока оставалась надежда на победу. В случае поражения основную тяжесть борьбы несли трудовые массы, а социальные верхи переходили на сторону победителя.

Как известно, в 1222 году 30-тысячное монгольское войско Джебе и Субедея, преодолевая упорное сопротивление народов Северного Кавказа [3], начало продвижение в сторону Дона. В следующем году на реке Калке монголам удалось разбить отряды половецких и русских князей. Затем, вернувшись в Среднюю Азию, войско Джебе и Субедея соединилось с находившимся там Чингис-ханом, который передал Северный Кавказ (наряду с некоторыми другими областями) в удел своему сыну Джучи.

Однако беспокойный край еще нужно было закрепить за собой. С этой целью позднее, в 1237—1241 годах, монгольское войско, возглавляемое Батыем, предприняло массовое вторжение в реги-

---

[1] Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953. Ч. 2. С. 742; История Дагестана М., 1967. Т. 1. С. 181—186.

[2] Мухаммед Рафи. Извлечение из истории Дагестана // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1878. Т. 5. С. 25—26.

[3] Шихаб-ад-Дин Мухаммед ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Перевод З. М. Буниятова. Баку, 1973. С. 89; Малачханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // Ученые записки Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1965. Т. 14. С. 175—203.

он [1]. Джувейни и Рашид-ад-Дин оставили весьма важные сведения об освободительной борьбе, развернувшейся здесь в тот период против монгольских захватчиков. Ее возглавили черкесский предводитель Тукар, асский руководитель Качир-Укуле и половецкий вождь Бачман. В их числе были и сасаны (вайнахи): «Кадан и Бури выступили против народа сасан и после троекратного сражения победили этот народ» [2]. Монгольские феодалы долго не могли ликвидировать это сопротивление, причинившее завоевателям так много неприятностей. И только усилиями больших отрядов во главе с Менгу, Субедеем и Бури освободительное движение коренных народов Северного Кавказа было жестоко подавлено.

Грандиозный поход Батыя в Восточную Европу против Руси и стран Северного Кавказа был предпринят, по образному выражению Вассафа, «за то, что они поставили ногу состязания на черту сопротивления» [3]. Источники сохранили немало сведений о героическом сопротивлении, оказанном жестоким завоевателям городскими низами. Зимой 1238—1239 годов Гуюк-хан, Менгу-хан, Кадан и Бури со своими туменами окружили хорошо укрепленную столицу Алании — Магас. Город долго не могли взять. Не помогали и стенобитные машины. После долгой осады, продолжавшейся полтора (по свидетельству китайской хроники — даже три) месяца [4], город, с помощью переметнувшихся на сторону пришельцев некоторых аланских феодалов (в частности, Матарши), был взят и разрушен [5]. О том, какое значение имел этот город для завоевателей, говорит хотя бы тот факт, что из всех намеченных для покорения и разрушения городов Восточной Европы и Кавказа в китайской и монгольской хрониках упомянуты только Киев и Магас [6].

После этого монгольский предводитель Букдай взял город-крепость Дербент, который затем был превращен в место стоянки

---

[1] Магомедов Р. М. Дагестан в эпоху татаро-монгольского ига. Махачкала, 1940. С. 13—19; Шихсаидов А. Р. О пребывании татаро-монголов в Рича и Кумухе (1239—1240) // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 5—11; Гарданов В. К. Народы Северного Кавказа в XIII—XV вв. // Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 74—79; Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // Истроия СССР. 1965. № 5. С. 98—102; Ичалов Г. Борьба народов Дагестана с татаро-монголами в первой половине XIII в. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974. Т. 1. С. 95—105.

[2] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М., 1960. Т. 2. С. 45; Хизриев Х. А. Из истории освободительной борьбы народов Северного Кавказа против монголо-татарских завоевателей // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный, 1979. С. 38—48.

[3] СМИЗО... Т. 2. С. 85.

[4] СМИЗО... Т. 2. С. 23, 37; Иванов А. И. История монголов «Юань-ши» об асах-аланах // Христианский Восток. Спб., 1914. Т. 2. Вып. 3. С. 283.

[5] Лавров Л. И. Нашествие монголов... С. 99; Кузнецов В. А. Алания... С. 36—37.

[6] Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941. С. 189, 192; Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингисова /Пер. с кит. Бичурина. Спб., 1829. С. 274.

монгольского сторожевого отряда. По свидетельству французского путешественника Рубрука, монгольские воеводы «разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравняв башни со стеною»[1]. Завоеватели переименовали Дербент в «Тимур-Кахалка» («Железные ворота»). Затем они направились в горы Дагестана, где разрушили Ричу и Кумух[2].

Феодальная раздробленность стран Северного Кавказа облегчила монголам ведение здесь захватнических походов, обусловила успех завоевательной кампании кочевников. Другой причиной послужило предательство местной феодальной верхушкой интересов своих народов. Измена ряда феодалов, переметнувшихся ради сохранения своих классовых привилегий на сторону врага и поднявших оружие против соотечественников, имела тяжелые последствия[3].

В китайской хронике «Юань-ши» приводится, например, имя аланского военачальника Матарши, который вместе со своим братом участвовал в штурме Магаса. За верную службу новым хозяевам феодалы получали от них признание своих владетельных прав, новые феодальные владения, военные награды и должности, дорогие подарки. Например, когда Менгу-хан взял город асского владетеля Арслана и последний выразил ему свою покорность, Менгу «выдал Арслану грамоту на управление народом асу»[4]. Другой владетель (Хан-хусы) получил от монголов золотую пайцзу на управление своими угодьями и подвластным населением, а его старшему сыну Атачи Хубилай-хан «пожаловал 500 лан серебра и 3500 связок ассигнациями, а также 1630 дворов из числа усмиренных жителей»[5]. Надо полагать, что такие ярлыки получили и другие правители и князья[6].

В «Юань-ши» приводятся имена еще около 20 алан, находившихся во второй половине XIII века на службе в Монгольской империи. В Китае алано-овсы составили отборную пекинскую гвардию монголов численностью (по преувеличенным данным И. Мариньоли) более 30 тысяч воинов[7].

Монгольская кочевая аристократия умело использовала в своих целях феодальные междоусобицы, послав, например, дружину Матарши на Магас, а аварские отряды на Кумух[8].

---

1 Путешествие в восточные страны... С. 187.

2 Ичалов Г. Борьба народов Дагестана с татаро-монголами... С. 101—102; Лавров Л. И. Нашествие монголов... С. 100.

3 Кузнецов В. А. Алания... С. 38.

4 Бретшнейдер В. А. Русь и асы на военной службе в Китае // Живая старина. Спб., 1894. Т. 14, вып. 1. С. 94.

5 Иванов А. И. История монголов «Юань-ши»... С. 285.

6 История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 206.

7 Осетины глазами русских и иностранных путешественников /Составитель Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967. С. 22.

8 Мухаммед Рафи. Указ. соч. С. 26; Лавров Л. И. Нашествие монголов... С. 100; Ичалов Г. Указ. соч. С. 104.

Иноземное нашествие сопровождалось разорением городов, крепостей и селений, а также массовым истреблением населения. Один за другим были захвачены цветущие города Дербент, Магас, Дедяков и другие [1]. Упорное сопротивление горцев вынуждало завоевателей прибегать к длительным осадам населенных пунктов. К сороковым годам XIII века плоскостная часть Северного Кавказа оказалась в составе золотоордынской военно-политической системы с центром в низовьях Волги (г. Сарай) [2].

Но это еще не означало окончательного порабощения монгольскими захватчиками народов густонаселенного, пестрого в этническом отношении, но единого в своем стремлении к свободе региона. Исторические факты свидетельствуют о различных формах освободительной борьбы народов Северного Кавказа против завоевателей.

Монгольское нашествие, как известно, вызвало значительные перемещения этнических групп, послужив тем самым не только определенным историческим рубежом в политической и экономической жизни северокавказского населения, но и сыграв заметную роль в формировании отдельных народов Северного Кавказа [3]. Поредела плоскость, завоеватели перебили всех сопротивлявшихся, а «остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою [4], и ею овладели пришельцы, которые превратили Предкавказье в свои кочевья. В результате в горах оказался значительный контингент плоскостного населения, попавшего в крайне тяжелые экономические условия. Таким образом, можно говорить о бегстве населения как об одной из форм выражения протеста против завоевателей [5]. Миграция населения и продажа людей в рабство приняли на Северном Кавказе массовый характер [6].

Большое число крестьян-беглецов, а также пленников, проданных и вывезенных в рабство захваатчиками, осело в Закавказье, в Византии, Западной Европе, Китае, Египте и Сирии [7]. Навсегда

[1] Рашид-ад-Дин. Указ. соч. С. 39; СМИЗО... Т. 2. С. 23; ПСРЛ. Т. 10. С. 155—156.

[2] Лавров Л. И. Нашествие монголов... С. 101; Гарданов В. К. Указ. соч. С. 74.

[3] Алексеев Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 161; Гарданов В. К. Указ. соч. С. 75; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 25; Батчаев В. М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980. Вып. 1. С. 79—95.

[4] СМИЗО... Т. 1. С. 3.

[5] Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959. С. 182; Кузнецов В. А. Алания... С. 41; Березов Б. П. Указ. соч. С. 11.

[6] Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 106; Калоев Б. А. Осетины. 2-е изд. М., 1971. С. 30—31.

[7] Византийские историки. Спб., 1862. Т. 1. С. 201; Кузнецов В. А. Алания... С. 41—44. Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // Византийский временник. 1926. Т. XXIV. С. 5—6; Амин-аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV веках / Перев. с арабского. М., 1962. С. 12.

оторвавшись от своих народов, они постепенно ассимилировались с местным населением. Вследствие злоупотреблений и разорения, учиненных завоевателями, большая часть крестьян покидала свои насиженные места и обосновывалась в чужих краях, а города и деревни оставались пустыми [1].

Массовое переселение обитателей порабощенной части Северного Кавказа было обусловлено подорванностью экономической основы их существования — население лишилось своих земельных участков, облагалось непосильными поборами [2].

Определенный научный интерес представляет собой сообщение византийского историка Георгия Пахимера о том, что со временем социальные верхи алан, зихов, готов, русов и других, приняв обычаи и язык монголо-татар, стали союзниками завоевателей [3]. Как видим, разные социальные слои в условиях монгольского владычества вели себя по-разному. Если трудовые массы, как свидетельствуют изложенные факты, вели борьбу с захватчиками, то верхи, как правило, находили с ними общий язык, получали ханские ярлыки и, став вассалами Золотой Орды, собирали дань со своих соплеменников, деля ее с завоевателями [4].

Чтобы обеспечить себе исправное поступление податей от покоренного населения [5], император Менгу назначил некоего Аргуна главным сборщиком в «западных» странах и с согласия Бату, который присоединил к нему от себя Тура-агу, в 1254 году отправил его «со многими другими чиновниками — произвести перепись всем народам, им подчиненным» [6], в том числе — населения Северного Кавказа.

Другой, широко распространенной формой протеста, обычной во всех покоренных областях, являлось обращение податного населения к баскакам, к высокопоставленным чиновникам и к самому хану с различными жалобами и просьбами. Крестьяне и горожане просили ликвидировать взяточничество, сообщали о фактах злоупотребления служебным положением, требовали справедливого решения судебных вопросов, просили уменьшить налоги и всевозможные повинности. Однако эти жалобы чаще всего не удовлетворялись или вопрос решался в пользу власть имущих [7].

Что касается духовенства захваченных районов, то золотоор-

---

[1] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.—Л., 1946. Т. 3. С. 251.

[2] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 44; Багаев М. Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII—XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1968. Т. 2. С. 62.

[3] Византийские историки. Спб., 1862. Т. 1. С. 317; Кузнецов В. А. Алания... С. 43.

[4] Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 96,116.

[5] Иакинф (Бичурин). История четырех ханов. Спб., 1829. С. 264.

[6] История монголов по армянским источникам. Спб., 1874. Вып. 2. С. 78.

[7] Рашид-да-Дин. Сборник летописей. М.—Л., 1960. Т. 2. С. 142.

дынские ханы поставили часть его себе на службу, освободив от всяких податей и государственных повинностей. Из-за отсутствия источников, относящихся к Северному Кавказу, приведем содержание одного ярлыка, выданного русским митрополитам: «Пожаловали попов и чернецов и всех богоделных людей, да правым сердцем молят за нас Бога и за наше племя без печали и благославляют нас, и не надобе им дать и тамга... во всех пошлинах не надо ни никоторая царева пошлина...» [1]. Покровительствующей, видимо, была политика монгольских ханов и на Северном Кавказе по отношению к церкви и мечети [2]. Золотоордынские правители, по справедливому замечанию академика Б. Д. Грекова, видели в духовенстве политическую силу и умело использовали ее в своих интересах [3]. Ханы освобождали духовенство не только от податей, но и от воинской, ямской и других повинностей. Поэтому крестьяне, не находившие выхода из своего нестерпимого положения, стремились попасть в число «слуг господних». Отвлечение трудоспособного населения от производительного труда и переход его к паразитическому образу жизни усугубляли и без того тяжелое положение хозяйства.

Как известно, монгольские нойоны при захвате тех или иных районов производили массовое и беспощадное ограбление населения. Ф. Энгельс писал, что «достаточно бывало одной опустошительной войны, чтобы обездолить страну и уничтожить ее цивилизацию на сотни лет» [4].

Вот один из примеров обращения монгольских чиновников с населением покоренных областей: «В каждом околотке, где располагался на постой гонец, тамошние жители сразу подвергались стеснениям и мучениям, ибо их (гонцов) рабы и военные слуги с крыши спускались во дворы соседей, стреляли из луков в голубей и кур и часто случалось, что стрелы попадали в детей жителей. Все, что они находили из съестного, напитков и корма для животных, кому бы то ни принадлежало, они грабили для себя. Они ставили в садах верховых и вьючных животных и в один день разоряли сад, который с тысячью трудностей благоустраивали в течение десяти лет» [5]. Население всячески уклонялось от выполнения различных повинностей и поборов [6].

Во всех завоеванных районах были назначены наместники. По китайским источникам, это дарагуци, по монгольским — тань-

---

1 Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Т. 2. С. 5—6.

2 Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 22; Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969. С. 183—184.

3 Греков Б. Д. Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 223.

4 Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 28. С. 221.

5 Рашид-ад-Дин... Т. 3. С. 260.

6 Клавихо Р. Г. Дневник путешествия к двору Тимура в Самарканд 1403—1406 гг. Спб., 1881. С. 212.

мачи, а также военные представители, по русским летописям — баскаки. Они осуществляли общий надзор за ходом дел, обеспечивали проведение переписи населения, сбор дани и доставку ее ко двору хана, устройство почтовых сообщений и набор войск из покоренных народов. Монгольские ханы принуждали насильно мобилизованных к участию в боевых действиях [1]. Во время боя монголы первыми «заставляли их наступать и драться, а если они возвращались, то убивали их. Таким образом, они бились поневоле и были достойны жалости» [2]. Нежелание служить монгольским ханам и бегство из баскаковских отрядов также являлись формами протеста.

Трудовые массы Северного Кавказа не ограничивались пассивным сопротивлением захватчикам и сблокировавшимся с ними местным социальным верхам, но вели активную освободительную борьбу.

Касаясь событий, происшедших после похода Бату и образования Золотой Орды, необходимо подчеркнуть, что все исследователи, отмечая непрекращающуюся борьбу народных масс Северного Кавказа против захватчиков, говорят о безуспешных усилиях монгольских феодалов завладеть горной полосой, сообщают о различных формах затяжного освободительного движения [3].

Так, проехавший в 1246 году через Северный Кавказ Плано Карпини в числе земель, «доселе еще не подчинившихся» монголам, называл и «некую часть аланов». Он же сообщал, что монгольские отряды уже в течение 12 лет ведут осаду «одной горы в земле аланов», которые, оказав мужественное сопротивление, убили многих наступавших, «и притом вельмож» [4]. Несколько лет спустя (в 1253—1255 гг.) здесь побывал направленный к монголам французский посол Гильом Рубрук, который, в частности, отметил, что в горах черкесы, аланы, десги (дагестанцы) «не подчинены» монголам, и на борьбу с ними отвлечена пятая часть войск Сартака, чтобы они «не выходили из гор для похищения их стад на равнине» [5]. Имеются сведения о частых набегах кочевников на адыгов и о сопротивлении последних [6].

В этот период на Северном Кавказе разгорается партизанская борьба против пришельцев [7], проявившаяся в форме абречества.

---

[1] Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 41.

[2] СМИЗО... Т. 1. С. 18.

[3] Ванеев З. Н. Средневековая Алания... С. 174—175; Магомедов Р. М., Криштопа А. Е. Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды // Известия СКНЦВШ (Общественные науки). 1978. № 3. С. 9—16.

[4] Путешествие в восточные страны... С. 57, 64.

[5] Там же. С. 111, 186; Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 205.

[6] Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 127—134.

[7] История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 84.

По свидетельству Рубрука, русские, аланы и представители других народов «собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого (знатного монгола. — *Х. Х.*), кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей... Наш проводник (монгол. — *Х. Х.*) сильно боялся такой встречи»[1].

Рашид-ад-Дин, отражая отношение монгольской кочевой аристократии и господствовавшей местной феодальной верхушки к абрекам, называют их «ворами», «бродягами», «разбойниками». На самом же деле это были беглые крестьяне, лишившиеся хозяйства и вынужденные отстаивать свое право на жизнь. Абреки пользовались поддержкой народа, так как они расправлялись с иноземными поработителями, а также с местными богатеями.

Повстанцы «во всех городах держали лазутчиков, чтобы они извещали о выезде разного состояния людей»[2]. Конечно, нельзя рассматривать каждый разбой как проявление классовой борьбы, а каждого разбойника как выразителя крестьянских интересов. Но то, что они угоняли скот, лошадей у завоевателей, захватывали и разоряли имения феодалов[3], убивали жестоких чиновников-угнетателей и предателей, опиравшихся на оружие завоевателей, позволяет говорить о наличии серьезного социального протеста, об одной из форм освободительной борьбы — «разбойничестве», характерном в то время для многих покоренных стран, в том числе — для Руси и Северного Кавказа.

Здесь уместно отметить, что особенностью ряда городских и крестьянских движений XIII—XIV веков являлось одновременное сопротивление монгольскому игу и гнету местных господствующих классов. Эти крестьянские выступления носили стихийный характер и, естественно, жестоко подавлялись завоевателями. Иногда враждовавшие между собой Джучиды Золотой Орды и Хулагиды Ирана объединяли свои усилия для ликвидации очагов восстания. Так, в 1301 году монгольский правитель Ирана Газан-хан переловил и перебил многих повстанцев Дагестана, «которые с давних пор, бунтуя и восставая, скрывались в тех неприступных горах»[4].

Чтобы удержать население в покорности, захватчики вынуждены были оставлять крупные военные отряды по берегам Кубани, Терека, а также в городах Татартуп, Нижний Джулат, Дербент[5] и других местах. Так, по арабским источникам, в стране асов находился 10-тысячный карательный отряд[6]. И все же в некоторых

---

1 Путешествие в восточные страны... С. 117.
2 Рашид-ад-Дин. Указ. соч. Т. 3. С. 268.
3 Там же. С. 268—269.
4 Там же. Указ. соч. Т. 3. С. 189.
5 Магомедов Р. М., Криштопа А. Е. Указ. соч. С. 10.
6 СМИЗО... Т. 1. С. 116, 160.

случаях сопротивление достигало такой степени, что для его подавления вызывались вооруженные силы из других областей.

В русских летописях сообщается о крупном восстании на Северном Кавказе 1278 года в «славном ясском городе Дедякове». Город был взят штурмом и сожжен. Победители захватили большую добычу. О большом размахе этого восстания и о том, какое смятение оно вызвало в стане врага, говорит тот факт, что хан Менгу-Темир, не надеясь на силу своего войска, вызвал на подмогу дружины подвластных ему русских князей [1]. А при Узбек-хане в 1327 году произошло крупное вооруженное выступление горцев против Орды, был убит предводитель монгольского войска Хасан [2].

Все эти движения вызывались тем, что монгольское иго, как подчеркнул К. Маркс, «не только подавляло, но растлевало и иссушало самую душу народа, который ему подпал. Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства» [3].

Господство Золотой Орды в степной полосе Северного Кавказа было периодом тяжелых испытаний для коренных жителей. Постоянная угроза нападения принуждала людей не расставаться с оружием. Автор XV века Интериано писал, что черкесы даже спят с «кольчужной рубахой под головой, вместо подушки, и с оружием наготове и, пробудившись внезапно, тотчас же надевают на себя этот панцирь и оказываются сразу же вооруженными» [4].

В XIII—XIV веках горцы Северного Кавказа играли заметную роль и в судьбе грузинского и азербайджанского народов. Это прослеживается по горным районам Закавказья, населенным племенами и обществами, родственными предкам современных народов Северного Кавказа [5]. Горная Грузия и прилегающая к ней территория расселения адыгов, алан, вайнахов, дагестанцев и других народов превратилась «в один из очагов сопротивления монгольским завоевателям в Закавказье» [6], что способствовало сближению представителей названных народов с грузинами и азербайджанцами.

---

1 ПСРЛ. М., 1965. Т. 1. С. 155, 156; Кучкин В. А. Указ. соч. С. 171; Марковин В. И., Ошаев Х. Д. О местоположении ясского города Дедякова // Советская археология. 1978. № 1. С. 84—85; Магомадова Т. С. Первые сведения в русских летописях о территории Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1972. Т. 9, вып. 1. Ч. 2. С. 104—108.

2 СМИЗО... Т. 2. С. 92, 143.

3 Marx K. Secret diplomatic history of the Eighteenth Century. London, 1899, p. 78.

4 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. /Составитель В. К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 49.

5 Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I—XV вв. Тбилиси, 1961. С. 28—29; Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 74—75.

6 Цулая Г. В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // КЭС. М., 1980. Т. 7. С. 195.

В трудные минуты опасности и во время карательных экспедиций кочевников, осевших в Иране, не только грузинские крестьяне и горожане, но и царь со своими князьями укрывались в горах Кавказа [1]. Так, во время правления Газан-хана грузинский царь Давид скрывался в Дарьяльском ущелье в крепости Гвилети [2]. И наоборот, отдельные представители правящей верхушки северокавказцев (например, Алании) с подвластными им людьми переходили в Грузию, где находили приют, тогда как на своей территории их ожидала гибель [3].

Эта взаимопомощь, ставшая традиционной, нашла свое практическое воплощение и в период вторжения Тимура в Грузию. Первый раз он вторгся туда в 1386 году, а второй раз — в 1394 году, то есть перед нашествием на Северный Кавказ. В то время он, учинив страшное разорение Грузии, добрался до Дарьяльского ущелья: «Прибыло войска Тимура столько, что не могли вместить теснины ущелья, спешились. И спустились им навстречу Виршел и близкие его и стали метать стрелы, затем обнажили сабли. И не могло напасть одновременно все войско; и повернули передние воины Тимура, ибо убиты были многие из них. И ушло все войско» [4]. Как подчеркивает грузинский источник, одной из причин вторжения Тимура в 1395 году в горы Северного Кавказа являлось желание наказать горцев за то, что они постоянно подкрепляли войско Грузии [5], то есть он хотел обезопасить свои закавказские владения (поход 1395 года из-за хронологического смещения источника проходит под 1400 г.).

Таким образом, мирная жизнь народов Северного Кавказа в XIII—XIV веках сочеталась с освободительной борьбой против иноземных захватчиков. Она имела различные проявления — от бегства и подачи жалоб до восстаний крестьян и горожан. Источники свидетельствуют о том, что предки чеченцев и ингушей вместе с другими народами Северного Кавказа принимали активное участие в движении сопротивления против агрессии монгольских завоевателей [6].

В отличие от князей, феодалов и родоплеменной знати, народные массы никогда не мирились с иноземным гнетом и не складывали оружие в борьбе с завоевателями и перешедшими к ним на службу «своими» верхами. Эта борьба масс вначале проявлялась

---

1 Там же. С. 197, 201—202; Багратиони Д. История Грузии. Тбилиси, 1971. С. 124, 129.

2 Какабадзе С. С. Хроника ксанских эриставов начала XV в. // Письменные памятники Востока: Ежегодник за 1968. М., 1970. С. 113.

3 Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 45.

4 Какабадзе С. С. Указ. соч. С. 119.

5 Джанашвили М. Указ. соч. С. 54.

6 Рашид-ад-Дин. Указ. соч. Т. 2. С. 27—28, 45.

в пассивных формах, а затем выливалась в повстанческое движение, которое расшатывало устои Золотой Орды.

Опыт освободительной борьбы народов Северного Кавказа против монгольских захватчиков нашел применение и в последующем — при отражении агрессии нового завоевателя — Тимура.

НАШЕСТВИЕ ТИМУРА НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ НА ТЕРЕКЕ

ПОДГОТОВКА И НАЧАЛО БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Монгольская феодальная империя, созданная Чингис-ханом, была искусственным государственным образованием, объединившим различные в хозяйственном, социально-политическом, этнокультурном и религиозном отношении страны[1]. Она держала власть над культурным оседлым населением Кавказа, Восточной Европы, Средней Азии, Афганистана, Ирана, Китая и других стран с помощью грубой военной силы[2].

Лет через 30 после смерти Чингис-хана империя распалась, и к западу от Монголии образовались три самостоятельные государства — Золотая Орда, Чагатайский улус (Средняя Азия) и монгольский Иран, между которыми не замедлили начаться междоусобные войны[3]. Население покоренных стран, в том числе и кочевое (половцы), мечтало о падении власти монгольских феодалов и полном своем освобождении[4].

Главной особенностью социального развития Северного Кавказа в золотоордынский период было превращение плоскостной части данной территории в земли танма или тама, то есть в пограничный военный округ для содержания постоянного контингента ордынского войска. В этом аспекте одним из характерных для периода и был военно-феодальный институт танма (наподобие сельджук-

---

[1] Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953. Т. 3. Ч. 2. С. 412—415; Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.—Л., 1940. С. 117.

[2] Гимади Х. Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 183—225; Фахрутдинов Р. Г. Последствия монгольского завоевания в Волжской Булгарии // Исследования по историографии Татарии. Казань, 1978. С. 114—125.

[3] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 55, 502. Чингис-хан, предчувствуя, что его держава, созданная мечом, от меча может и погибнуть, даже умереть-то не смог со спокойной душой. Весьма показательно в этом отношении то, что он приказал сыновьям не обнародовать свою смерть. См.: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952. Т. 1. Кн. 2. С. 233; Абдул-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1914. С. 117.

[4] Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 3—274.

ского уджей) [1], представляющий собой специальные конные отряды для охраны рубежей государства, члены которых получали в обмен за службу землю, вернее доход с земли для кормления [2].

Все население Северного Кавказа, как и весь улус, делилось на два крыла и центр. Крылья и центр состояли из туменов (десять тысяч), в которые входили тысячи, сотни и десятки. Монгольский тумен — терминологически не только войсковая единица, но также единица административного деления: тумен — округ, с которого должны были поступать 10 тысяч воинов или средства на их содержание [3]. Дагестан составлял левое крыло, где находился монгольский военно-административный округ — тумен, от которого осталось название Тюменский городок [4]. Территория Алании входила в центр, где располагался 10-тысячный отряд [5]. Северо-Западный Кавказ представлял правое крыло и назывался черкесским туменом.

Пограничные военные округи были образованы Батыем сразу же после покорения Восточной Европы и плоскостной части Северного Кавказа. Так, в «Сокровенном сказании» записано, что он возвратился из похода, поставив там для управления даругачи и для охраны танмачи [6].

Известны и имена некоторых военных наместников пограничного округа. При Батые танмачином Северного Кавказа был его брат Берке, затем при Берке-хане эту должность получил Ногай. В конце XIII — начале XIV века здесь командовал Тама — Токта [7].

Северокавказский пограничный округ имел 30-тысячное постоянное войско, состоявшее, надо полагать, в основном из представителей коренного населения (а на Руси — 50—60 тыс.) [8]. В степной части его блокировали тумены монголо-тюрков, кочевавших от моря до моря. В этом нет ничего удивительного. Покоренное население наряду с другими поборами и повинностями обязано было выставлять одного воина от каждого десятка человек. Об этом свидетельствуют все современники. «У султана этого государства, — сообщает Эломари, — рати черкесов, русских, и ясов» [9]. Каждый

---

[1] Гусейнов Р. А. Земли уджей (Из истории института феодальных пожалований в XI—XII вв.) // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979. С. 33.

[2] Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941. Т. 1. С. 193—194; Рашид-ад-Дин. Указ. соч. Т. 1, кн. 1. С. 99.

[3] Рашид-ад-Дин. Указ. соч. Т. 1, кн. 2. С. 13.

[4] Лавров Л. И. Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 163—175; СМИЗО... Т. 2. С. 78—79.

[5] СМИЗО... Т. 1. С. 116, 160.

[6] Сокровенное сказание... С. 194.

[7] Путешествие в восточные страны... С. 117; СМИЗО... Т. 2. С. 71, 91; Рашид-ад-Дин. Указ. соч. Т. 2. С. 74, 85.

[8] СМИЗО... Т. 1. С. 231; Т. 2. С. 17, 99; Путешествие в восточные страны... С. 55, 69.

[9] СМИЗО... Т. 1. С. 231.

воин обязан был предъявлять на смотр оружие, коня и снаряжение. Известны случаи, когда в отдельных семьях продавали своих детей, чтобы выступить в поход [1].

Пограничное войско зафиксировано и в Древней Руси. В 1245 году Плано Карпини на правом берегу Днепра видел крупный, 60-тысячный пограничный отряд, несомненно состоявший в основном из русских, ибо можно допустить, что в улусе Джучи (в начале он получил 9 тыс. человек) после покорения Восточной Европы могло остаться только 20—30 тысяч монгольских воинов. Всего в Золотой Орде, по словам Вассафа, было 100-тысячное пограничное войско [2], но во время войны она могла выставить до 300 тысяч воинов. Это является красноречивым доказательством в пользу утверждения о военно-феодальном характере данного государства.

Вскоре, с воцарением Берке-хана, Северный Кавказ стал местом ханской кочевки. Ханские кочевые ставки в разное время зафиксированы в Маджаре, Пятигорье, Джулате, в междуречье Терека, Сунжи и Сулака [3]. У станицы Старогладовской (ЧИР) Р. М. Даутова обнаружила новое золотоордынское поселение [4]. Золотоордынские культурные слои отмечены на ряде поселений края [5]. Место равнинного Предкавказья в государственной системе Золотой Орды просматривается и по монетным находкам [6].

Перенос летней ханской кочевки на Северный Кавказ был связан с тем, что с выделением Золотой Орды из состава Монгольской империи народы края повели затяжную освободительную борьбу против оккупантов. Положение трудовых масс усугублялось начавшейся в 60-х годах XIII века войной золотоордынских ханов с их родичами — ильханами Ирана, владевшими Закавказьем. Это явилось второй причиной пребывания здесь ханов, ибо при ханской ставке всегда находилось определенное количество постоянного войска. Война Джучидов с Хулагидами с переменным успехом продолжалась почти целое столетие [7]. Тохтамыш и Тимур выступили продолжателями этой традиционной военной политики монгольских улусов.

---

1 СМИЗО... Т. 1. С. 235.

2 Там же. Т. 2. С. 83.

3 СМИЗО... Т. 1. С. 289, 323—324, 515—516; ПСРЛ. Т. 10. С. 184; Семенов Н. Мурза-Эдиге // Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Тифлис, 1895. С. 413—454; Ртвеладзе Э. В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // СА, 1969. № 4 С. 262—265; Полимпестова Т. Б., Рунич А. П. О Ессентукинских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. 1974. № 2. С. 229—239.

4 Даутова Р. А. Новые данные о средневековых памятниках Чечено-Ингушетии // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 105—106.

5 Егоров В. Л. География городов Золотой Орды // СА. 1977. № 1. С. 121.

6 Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1957. Вып. 7. С. 63—67.

7 Али-Заде А. А. Указ. соч. С. 300—329; Криштопа А. Е. Дагестан XIII—XIV вв. ... С. 96—118; Ичалов Г. Х. Дагестан — арена военных столкновений... С. 172—179.

Через 100 лет самостоятельного существования, то есть к середине XIV века, эти номинально монгольские государства (так как монголы к тому времени в основном уже ассимилировались) стали дробиться на мелкие улусы[1]. Междоусобная борьба, налоги и повинности достигли своего апогея, это привело к резкому ухудшению положения низов, создались предпосылки для крупных городских и крестьянских восстаний.

Все это вызвало у феодальной верхушки стремление к созданию волевыми методами централизованных государств и сильной власти. В этих условиях стало возможным появление на исторической арене новых завоевателей — Тимура (Чагатайский улус) и Тохтамыша (Золотая Орда), а на западных границах монгольского Ирана (улуса Хулагу) — османского султана Баязида I Молниеносного. В отличие от них Русское централизованное государство складывалось и набирало силы на основе внутреннего развития и выдвинуло впоследствии своего освободителя в лице Дмитрия Донского.

Конец XIV века для истории Восточной Европы, Кавказа, Средней Азии, Афганистана, Индии, Ирана, Турции характерен тем, что на «мировое господство» стал претендовать Тимур, создавший в Средней и Передней Азии государство Тимуридов. На международной арене у него оказалось два серьезных противника — золотоордынский хан Тохтамыш и османский султан Баязид I Молниеносный. Тимур, обосновавшись в Самарканде, хотел возродить распавшуюся Монгольскую империю в границах завоеваний Чингис-хана и его потомков[2]. Для достижения своей цели он пытался использовать и политический вариант — на некоторых окраинах посадить послушных ханов, превратить их в вассалов и проводников своей политики. В частности, для Золотой Орды он пригрел у себя претендента на ханский престол — Тохтамыша. Низложив правителя Заволжского улуса Урус-хана (1378 г.), воспользовавшись полным ослаблением временщика Западного улуса Мамая (которого Дмитрий Донской разбил на Куликовом поле в 1380 г.), Тохтамыш, при поддержке Тимура, захватил власть в Золотой Орде (1381г .). Затем в 1382 г. сжег Москву[3] и распространил свое влияние на Русь.

Тохтамыш считал себя законным потомком Чингис-хана и, став ханом, захотел восстановить былое великодержавие Золотой Орды. Тогда и началась борьба за власть между ним и его прежним по-

---

[1] Заходер Б. Империя Тимура // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 78—80; Якубовский А. Ю. Тимур (Опыт краткой характеристики) // Вопросы истории. 1946. № 8—9. С. 49, 56—57, 61—64; Новосельцев А. П. Об исторической оценке Тимура... С. 9, 15.

[2] Гафуров Б. Г. История таджикского народа. 3-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 330; Строева Л. В. Указ. соч. С. 64—87.

[3] Полное собрание русских летописей... Т. XI. С. 72—75.

кровителем Тимуром на почве широких политических амбиций[1].

Как известно, Тимур происходил из монгольского племени барлас. Его предок в пятом поколении — Карачар в качестве опекуна был приставлен к Чагатаю[2]. По ясе Чингис-хана, потомки ханского рода, происходившие от наложницы или от женской линии, могли претендовать только на должность начальника войска, но не на ханский престол[3]. Видимо, к этой категории чингизидов относился и Тимур, так как он держал при себе слабовольных ханов (ранее там известен Бури, а в Золотой Орде таковыми узурпаторами были Ногай, Мамай и Едигей).

Военные действия с обеих сторон носили захватнический, грабительский характер. И Тохтамыш и Тимур стремились к богатой добыче для удовлетворения алчных потребностей военной знати, на которую они опирались, к захвату рабов, торговых центров, военных коммуникаций, а также к покорению новых земель.

На почве обоюдного стремления к господству над важнейшими караванными путями, соединявшими Азию с Европой, их интересы столкнулись в Хорезме и Южном Азербайджане (1386—1389 гг.). Оба завоевателя поочередно разорили крупнейшие торгово-складочные пункты транзитной торговли того времени — Ургенч и Тебриз[4]. Затем в 1391 г. сошлись в местности Кундузча (Поволжье), где в крупной битве (в эти бои были втянуты и представители Предкавказья) Тохтамыш потерпел поражение, но не сложил оружия[5]. Тогда Тимур решил подорвать военную мощь и материальную основу Золотой Орды[6]. Учитывая, что глава Золотой Орды обладал большим политическим весом, огромной территорией, значительными людскими ресурсами и военным потенциалом, Тимур тщательно готовился к будущему сражению[7]. Чтобы нейтрализовать возможных союзников Орды, он активизировал свою

---

1 Новосельцев А. П. Об исторической оценке... С 16; Абдураимов М. А. Указ. соч. С. 88; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 208.

2 Сокровенное сказание. М.—Л., 1940. С. 176; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952. Т. 1. Кн. 2. С. 275; Семенов А. А. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гури-Эмире // Эпиграфика Востока. М.—Л., 1948. Т. 2. С. 53, 57—58; Хондемир. История монголов от древнейших времен до Тамерлана. Спб., 1834. С. 32, 109.

3 Путешествия в восточные страны П. Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 56—57. Вопрос о происхождении Тимура требует дальнейшей разработки.

4 Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.—Л., 1939. Т. 1. С. 515—524; Бартольд В. В. Соч. М., 1965. Т. 3. С. 548; М., 1971. Т. 7. С. 208.

5 Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 360.

6 Всемирная история. М., 1957. Т. 3. С. 573.

7 Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963. С. 69.

политическую деятельность в Китае и развернул военные действия на Ближнем Востоке, а также в Закавказье [1].

Тохтамыш же в свою очередь заручился союзом короля Польско-Литовского государства и стал усиленно подстрекать египетского султана Баркука (черкеса по происхождению) к войне с Тимуром. Так, в начале 1394 г. в Дамаск прибыло ордынское посольство с просьбой, чтобы султан и Тохтамыш «были одной рукой на мятежника злодея — Тимура» [2]. Тохтамышу удалось заключить союз против Тимура даже с османским султаном Баязидом (пленен Тимуром в 1402 г.) [3].

В конце 1394 г. Тимур, перед тем, как сразиться с Тохтамышем, прервал сирийский поход и остановился на зимовку в Северном Азербайджане. Здесь он стал собирать и приводить в порядок свое войско. При этом он умело использовал антиордынское настроение части населения, вызванное предыдущими погромами со стороны Тохтамыша. Для расположения к себе войска он раздавал военачальникам подарки и награды, устраивал пиры [4].

28 февраля 1395 г. Тимур двинул свое многочисленное войско на Северный Кавказ, где в то время кочевал хан и располагались главные силы Золотой Орды. Чтобы выиграть время и усыпить бдительность Тохтамыша, он под предлогом заключения мира направил к нему опытного посла Шемс-ад-дина Алмалыки [5]. Красноречивому послу почти удалось достичь своей цели, но советники Тохтамыша доказали ему, что угроза со стороны Тимура неминуема, враг неумолимо приближается. Тогда хан, одарив посла, отправил его назад для вручения ответа и спешно стал собирать свои силы и готовиться к отражению противника. В письме высказывалось сомнение в миролюбии Тимура и содержалась угроза в его адрес.

Тимур дошел уже до реки Самур (Дагестан) и стоял здесь лагерем, когда вернулся посол. Ознакомившись с отрицательным

---

1 Кацитадзе Д. В. Грузия на рубеже XIV—XV веков: Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1968. С. 3—47; Киракосян Г. Е. Социально-экономическая и политическая история Армении в последней четверти XIV и XV вв.: Автореф. канд. дисс. Ереван, 1971. С. 3, 19; Табатадзе К. Г. Борьба грузинского народа против иноземных завоевателей на рубеже XIV—XV веков: Автореф. док. дисс. Тбилиси, 1975. С. 3—40.

2 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Спб., 1884. Т. 1. С. 363, 448, 453; Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египетом. М., 1966. С. 95.

3 Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 161.

4 Архив Востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 371. Намеченный Тимуром пятилетний поход продолжался. После погрома Передней Азии и Закавказья (1392—1394 гг.) он не вернулся в Мавераннахр, только жен своих отправил в Самарканд, а обоз — в Султанию (Иран). Вместе с ним находились часть награбленного, захваченные женщины, пленники и рабы.

5 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л., 1941. Т. 2. С. 119, 174.

ответом Тохтамыша, он пришел в ярость и отдал приказ к последнему осмотру войск [1]. Предлог для войны был получен...

Тимур произвел личный осмотр войска, которое, по свидетельству различных авторов, растянулось на 25—30 километров (4—5 фарсангов). Под страшный шум литавр, барабанов, труб и рожков воины его, обнажив мечи в сторону предполагаемого неприятеля, произнесли клятву и издали такой боевой клич, «что от этого крика заколебались горы и заколыхалось море» [2]. Шереф-ад-дин Йезди пишет: «Согласно приказанию, войско, двинувшись в совершенном порядке, выстроилось в линию таким образом, что крайний фланг левого крыла находился у подошвы горы Эльбруза (это название Шами и Йезди распространяли на весь Кавказский хребет. — *Х. Х.*), а крайний фланг правого крыла — на берегу моря Кулзум (Каспийское). Такого значительного по численности и многолюдству войска никто не видел со времени Чингис-хана» [3].

Убедившись в боевом настрое воинов, Тимур 3 апреля 1395 г. направил свое войско из долины Самура в сторону Дербента и, дойдя до Тарки (у современного города Махачкалы), остановился на отдых [4]. В это время Тохтамыш отправил к Тимуру в качестве посла разведчика Утрака. Когда последний приблизился к лагерю, то, пораженный многочисленностью войска, стремительно вернулся и доложил обо всем Тохтамышу. Только после этого хан выслал для охраны переправы через реку Койсу (в Дагестане) авангард своего войска во главе с Казанчи [5], который к утру Тимуром был разбит [6].

Затем Тимур вторгся на территорию плоскостной Чечни и стал лагерем на правом берегу реки Сунжи у впадения ее в Терек (вблизи современного города Гудермеса) [7]. Намереваясь захватить переправы через реку Терек (по Клавихо—Тесина), с правой и левой стороны устья Сунжи, Тимур двигался как можно быстро, потому что других удобных бродов не было [8].

---

[1] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1. 1, д. 14, л. 371 об.; Греков Б. Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 363; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 161—162; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 105.

[2] СМИЗО... Т. 2. С. 175.

[3] Там же. С. 174.

[4] Там же. С. 119, 175; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 364; История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 207.

[5] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 372; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 364; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 162; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 106.

[6] СМИЗО... Т. 2. С. 119, 175.

[7] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 372; СМИЗО... Т. 2. С. 119, 175.

[8] Клавихо Р. Г. Жизнь и деяния великого Тамерлана. Дневник путешествия к двору Тимура в Самарканд 1403—1406 гг. /Перевод И. И. Срезневского // Сбор-

Тохтамыш до подхода Тимура успел переправиться через реку Терек и возвести фортификационные сооружения, укрепив левый берег переправы лесом, арбами, турами, щитами[1]. Тимур, увидев, что переправа защищена, послал к противнику гонца сказать, что напрасно хан это сделал, так как он (Тимур) не хочет воевать, а пришел с изъявлением дружеских чувств[2]. Хитрость на этот раз не удалась. Тогда Тимур, сняв авангард Тохтамыша, с боем переправился через Сунжу.

На другой день в поисках переправы, а также с целью фуражировки и пополнения продовольственных запасов войско Тимура снялось с места и начало продвигаться вверх по правому берегу Терека в сторону Джулата, а хан Золотой Орды, чтобы не дать им возможности переправиться, двинул сторожевой отряд своего войска по другому берегу реки[3]. Таким образом они медленно продвигались 3 дня, останавливаясь друг против друга, уничтожая и грабя притеречные села на территории Чечни, сохранившиеся после погрома Батыя[4]. «На третью ночь, — сообщает Клавихо, — Тамурбек (Тимур. — *Х. Х.*) дал приказ по своему войску, чтоб женщины надели на головы шлемы, чтоб казаться мужчинами, а всем мужчинам приказал скакать как можно скорее и каждому взять двух лошадей: на одной ехать, а другую вести в поводу, оставил стан как он был, женщин, которые казались мужчинами, и с ними рабов и пленников, а сам возвратился назад к переправе, все, что прошел в три дня, он снова проскакал в эту ночь и переправился через реку»[5]. Беспечность дозорных Тохтамыша, можно полагать, позволила Тимуру разметать укрепления на Тереке и спокойно переправиться через реку.

ник отделения русского языка и словесности АН. Спб., 1881. Т. 28. С. 338—339.

На Тереке (с обеих сторон слияния Сунжи) в промежутке от современной ст. Червленная Узловая до селения Брагуны имелось 5 самых удобных бродов, а ниже — между станицами Щедринской и Шелковской — еще 12 главных бродов, через которые Тимур, надо полагать, и хотел переправить свое войско. См. об этом: Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Спб., 1880. С. 258, 375—378.

[1] Клавихо Р. Г. Указ. соч. С. 339; СМИЗО... Т. 2. С. 119, 175. Тохтамыш, видимо, учел ошибку 1391 года и, опасаясь быть прижатым к реке, заранее ее перешел.

[2] Клавихо Р. Г. Указ. соч. С. 339.

[3] Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 372; Клавихо Р. Г. Указ. соч. С. 339; СМИЗО... Т. 2. С. 175.

Некоторые исследователи, не учтя сообщения Мирхонда и Клавихо, ошибочно размещают область Джулат восточнее впадения Сунжи в Терек (см.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 182; Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 108—109).

[4] Археологами зафиксировано там большое количество средневековых городищ и поселений, что говорит о густой заселенности этих мест до монгольского нашествия. См. об этом: Круглов А. П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Записки ЧИНИИИ. Грозный, 1938. Т. 1. С. 5—8.

[5] Клавихо Р. Г. Указ. соч. С. 339—340.

Через некоторое время стало известно, что Тохтамыш-хан, выстроив свое войско, идет по берегу реки Терек и что на этот раз он решился на бой и намерен сражаться. Тимур повернул обратно и пошел ему навстречу, выдвинул правое и левое крыло, выслал вперед авангард и на другой день, подойдя к войску врага, стал лагерем. Оба войска провели ночь друг против друга[1]. На следующий день войска Тимура и Тохтамыша развернулись для решающего сражения.

СРАЖЕНИЕ НА ТЕРЕКЕ ВОЙСК ТИМУРА И ТОХТАМЫША

Прежде, чем перейти непосредственно к описанию сражения на Тереке 1395 г., попытаемся установить приблизительное местонахождение в ту ночь войск Тимура и Тохтамыша. Одни исследователи, считая, что Тимур дошел до Джулата, предполагали, что сражение произошло в районе Нижнего Джулата (у современного г. Майский КБССР), другие — у Верхнего Джулата (у нынешнего села Эльхотово СОССР)[2]. Однако, как нам представляется, Тимур в этот раз до Джулата не дошел. Он прошел по правому берегу Терека вверх расстояние, равное только одному ночному переходу (80—100 км), то есть не далее селения Знаменское (ЧИР). А когда он вернулся назад и перешел на левый берег Терека (у слияния р. Сунжи), ему доложили об опасности. Тогда Тимур развернулся и занял боевую позицию предположительно у современной станицы Щедринской. А Тохтамыш, видимо, стоял на месте Шелковского городища, которое до сих пор известно под названием «Мамаевское городище» (у ногайцев — Чигим-Кале)[3]. Представляется, что именно этот участок назывался и «Ордынским местом».

Достоверные сведения о месте сражения Тимура с Тохтамышем в 1395 г. дает русская летописная хроника. Тимур «поиде с тмочисленными полки на царя Тохтамыша Большиа Орды, — сообщает Никоновская летопись, — и бысть им в поле чистое бой, на месте, нарицаемом Ордынском, на кочевищи Тохтамышя, близ реки Севенчи (Сунжи. — *Х. Х.*) и победи и прогна царя Тохтамыша»[4]. Здесь, между современными станицами Щедринская и Шел-

---

1 СМИЗО... Т. 2. С. 119.

2 История Северо-Осетинской АССР. М., 1958. Т. 1. С. 78; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 85.

3 Ткачев Г. А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911. С. 14—15.

Место впадения Сунжи в Терек в средние века являлось важным стратегическим и торговым пунктом и узлом коммуникаций. Именно важностью этого пункта можно объяснить нахождение здесь обширного Хазарского городища и возникновение впоследствии (XVI век) русской крепости Терки. См. об этом: Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966. С. 166—167.

4 Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. XI. С. 159.

ковская, надо полагать, и произошло грандиозное сражение между войсками Тимура и Тохтамыша. Самые крупные битвы между Джучидами Золотой Орды и Хулагидами Ирана также происходили именно здесь[1]. Полководцы избрали очень удачное место для сражения: для действий конницы здесь имелись степь и луга; для засад, скрытых передвижений, маневров — лес, болота, холмы, реки, переправы и вблизи — Терский хребет. В случае отступления это место было выгодно для войска Тохтамыша и не выгодно для войска Тимура, ибо последнему пришлось бы переправляться через Терек.

Какова же была численность войск Тимура и Тохтамыша перед сражением и сколько воинов пало в трехдневных боях? К сожалению, ни один из источников прямо не отвечает на эти вопросы, кроме русской летописи, которая исчисляет войско Тимура в 400 тыс. человек[2], что, видимо, является преувеличением. Поэтому попытаемся определить их численность, исходя из структуры организации войска.

Из надписи у горы Улу-тау (Казахстан, Джезказган) известно, что войско Тимура во время похода 1391 г. состояло из 200 тысяч воинов[3]. Все войско подразделялось на 7 войсковых соединений — кулов по 3—4 тумена в каждом (условно назовем их «корпусами»). Центральный «корпус» превосходил по численности все остальные. Арьергардный (резервный) «корпус» был меньше других и состоял из 20 полков[4].

Учитывая, что полк насчитывал 1000 воинов (это была обычная для войска Тимура и Тохтамыша боевая единица во главе с тысячником, а тьма — 10-тысячный отряд во главе с темником), можно подсчитать, что каждый кул — своего рода «корпус» — состоял приблизительно из 30 тысяч человек или трех туменов. Сложив общее количество воинов шести «корпусов» с 20 тысячами резервного «корпуса» Тимура, мы и получаем цифру: 200 тысяч человек. Примерно столько было войска у Тимура в 1391 г.

При сражении на Тереке в 1395 г. был применен такой же боевой порядок (как и в 1391 г.), но арьергард (резерв) Тимура состоял уже из 27 полков, то есть был увеличен на 7 полков или на одну треть. Так как Йезди и другие авторы утверждают, что «такого многочисленного войска (как в 1395 г.) никто не видел со времени Чингис-хана»[5], резонно предположить, что соответственно

---

[1] Гандзакеци К. История Армении /Пер. Л. А. Ханларяна. М., 1976. С. 237; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей... Т. 3. С. 60.

[2] ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 152.

[3] СМИЗО... Т. 2. С. 161; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 357; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 153.

[4] Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 372 об.

У Тимура были и пятисотенные отряды — вроде современного батальона (500 воинов).

[5] СМИЗО... Т. 2. С. 174.

резервному «корпусу» была увеличена численность и остальных войсковых соединений — «корпусов».

Соответственно численность каждого основного «корпуса» (кула) должна была быть увеличена хотя бы на 10 тысяч человек и доведена до 40 тысяч воинов, то есть до четырех туменов. Добавим сюда главные силы центра. Суммарную численность войска Тимура перед сражением, таким образом, можно определить примерно в 300 тысяч человек (русский летописец указал 400 тысяч человек). По сообщению автора XVII века Эвлия Челеби, также выясняется, что Тимур имел под рукой войско «три раза по сто тысяч», то есть 300 тысяч воинов» [1].

Здесь нужно иметь в виду то, что Тимур до похода на Северный Кавказ к захваченному им улусу Чагатая (Средняя Азия) присоединил и улус Хулагу (Иран и Закавказье). Джучиды и Хулагиды даже без Чагатайского улуса обычно выставляли друг против друга от 300 до 350 тысяч воинов [2]. Из такого же количества воинов, видимо, состояло и войско Тохтамыша, так как Ибн Арабшах сообщает, что золотоордынское войско было похоже «на песок по многочисленности своей, и на горы по громадности своей» [3]. Не будь у него подобной внушительной военной силы, он бы не смог на протяжении трех дней выдерживать самое кровопролитное сражение.

Трудно судить, кто первым ввел порядок членения войска на 7 частей, но этот же боевой порядок применял и Тохтамыш. Такое построение, приписываемое Тимуру, имело большое преимущество. Назовем его условно «тактикой ежа». Нам оно представляется в следующем виде:

1 Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 142.

2 Хондемир. История монголов от древнейших времен до Тамерлана /Перевод В. Григорьева. Спб., 1834. С. 39; Марко Поло. Книга Марко Поло /Перевод И. П. Минаева. М., 1955. С. 229—230; СМИЗО... Т. 2. С. 100, 102; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей... /Пер. А. К. Арендса. М.—Л., 1946. Т. 3. С. 68.

3 СМИЗО... Т. 1. С. 465.

Посередине боевого порядка выстраивался центр (орда) с авангардом (мангалай) и арьергардом (кечке), затем по обе стороны центра располагались правое крыло (барунгар) и левое крыло (джунгар) с фланговыми авангардами (канбулами) [1]. Авангард центра выдвигался вперед и выполнял роль своеобразного ударного клина. Арьергард в боевом порядке выполнял одновременно функции резерва и охраны командующего войском, который располагался позади центра боевого порядка [2]. Войска противника, прорвавшись через один из упомянутых заслонов, неминуемо должны были встретить сопротивление следующего заслона [3].

Первая линия вообще была легко вооруженной и предназначалась для завязки боя, разрыва и расстройства рядов противника. Вторая линия была тяжеловооруженной и принимала на себя основной удар. Центральный корпус был главным и внушительным по численности. Пехота, игравшая важную роль в оборонительном бою, стояла впереди конницы главного авангарда, центра и флангов. Авангарды флангов и арьергард состояли только из конницы. Эти войсковые соединения во главе с военачальниками были самостоятельны в тактическом отношении и ответственны лишь перед командующим [4].

В чем же заключалось преимущество данного боевого порядка? Во-первых, он позволял пехоте и коннице наносить мощный массированный удар по противнику, наращивая усилия из глубины, и осуществлять более широкий маневр. Во-вторых, расположением войска в две линии, наличием авангарда и арьергарда обеспечивалась надежная кольцевая оборона на случай флангового удара или захода с тыла. Так, в 1391 г., когда Тохтамыш зашел в тыл Тимуру, тот быстро развернул свое войско и прогнал противника [5]. В-третьих, можно было более рационально и надежно управлять войском, используя резерв, влиять на ход и исход сражения. Кроме того затруднялся доступ противника к большому знамени войска, падение которого на Востоке означало поражение и часто приводило к бегству войска с поля боя.

---

1 СМИЗО... Т. 2. С. 116—117, 167—168; Якубовский А. Ю. Тимур // Вопросы истории. 1946. № 8—9. С. 70; Греков В. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 351; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 154.

2 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 372 об.

3 Заходер Б. Н. Империя Тимура // Исторический журнал. 1941. № 6. С. 86.

4 История Узбекской ССР в 4-х томах. Ташкент, 1967. Т. 1. С. 455. Боевой порядок Тимура, представленный в книгах Е. А. Разина «История военного искусства» (М., 1957. Т. 2. С. 234) и М. И. Иванина «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане» (Спб., 1875. С. 155—161) и в приложенном чертеже № 6, близок к походному порядку кочевников и отличается от рассмотренного боевого порядка. А. Н. Кирпичников обратил внимание на сходство боевых порядков Д. Донского и Тимура (Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 53—54).

5 СМИЗО... Т. 2. С. 117, 170.

Подобного боевого порядка («тактики ежа») в миниатюре придерживались и командиры тактических единиц внутри самого же войска (начальники «корпусов», темники и др.). Это видно по устройству центрального «корпуса» внука Тимура (сына умершего Джехангира): «Мухаммед-Султана он назначил в главный корпус, а фланги корпуса укрепил смельчаками, разрывающими боевые ряды» [1].

Источники утверждают, что ордынское войско состояло не только из монголо-татар, но и из народов покоренных стран, в частности Руси, Булгарии, Крыма, Северного Кавказа и других. Воины этих народов, участвуя в сражении на Тереке, вынуждены были проливать кровь и умирать за чуждые им интересы. Вместе с тем они преследовали и свою цель — хотели остановить Тимура и оградить свою территорию от новых погромов. Шереф-ад-дин Али Йезди прямо указывает, что неисчислимое войско Тохтамыша состояло «из русских, черкесов, булгар, кипчаков, аланов, жителей Крыма с Кафой и Азаком, башкирдов и М. К. С.» [2].

А войско Тимура состояло из монголов, народов Средней Азии, персов, курдов, афганцев и насильно завербованных представителей Закавказья [3].

В исторической литературе было высказано мнение, что Тимур в однодневном сражении нанес поражение Тохтамышу и заставил его бежать [4]. При первом знакомстве с текстом Шами и Йезди у читателя действительно складывается такое представление. Однако в своих записях современники свидетельствовали, что сражение длилось с переменным успехом 3 дня. Об этом сообщали Эльмакризи, Эласади и Эласкалани со слов очевидца — египетского посла Тулумена Алишаха [5], который был тогда при Тохтамыше.

Ибн Арабшах, побывавший при дворе Тимура и позже посетивший Астрахань, Северный Кавказ и Крым, также писал, что «длился этот бой и погром около 3-х дней» [6]. То же самое мы находим в «Родословной тюрков», где говорится, что Тохтамыш на поле боя несколько дней давал сражение за сражением [7]. Совокупность

---

1 Там же. С. 176.

2 Там же. С. 156.

3 В устройстве и организации своего войска Тимур руководствовался боевым опытом монголов и правилами Чингис-хана. Согласно описаниям Абдар-Реззака Самарканди, каждый воин, выступая в большой поход, должен иметь с собой и предъявлять на смотр лук с 30 стрелами, колчан, щит и холодное оружие. На каждые два человека полагалась запасная лошадь. Отряд в 10 человек должен был иметь палатку, две киркн, мотыгу, серп, пилу, топор, шило, 100 иголок, аркан, бурдюк, котелок и кроме того — запас продовольствия на год (СМИЗО... Т. 2. С. 191—192).

4 Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 366.

5 СМИЗО... Т. 1. С. 442, 448, 454.

6 Там же. С. 466.

7 Там же. Т. 2. С. 207.

этих сведений заслуживает доверия. При внимательном критическом анализе можно обнаружить, что текст Шами и Йезди также распадается на три самостоятельных повествования, хотя конкретно в них и не говорится о каждом дне отдельно.

Итак, во вторник 14 апреля 1395 г. противники, сблизившись, стали на ночь лагерями друг против друга. Тимур, опасаясь ночной атаки, предпринял все меры предосторожности. По его приказу воины вокруг лагеря со всех сторон вырыли ров, укрепили его кольями и поставили щиты. Затем воины опоясали ров еще одним — наружным — рвом. Было указано, чтобы ночью никто не оставлял своего места и не подавал голоса, чтобы сохраняли бдительность и были готовыми к отражению ночного нападения[1]. Меры предосторожности Тимура оказались не напрасными.

Чтобы вызвать панику в лагере Тимура, Тохтамыш в полночь предпринял против него ложную атаку. Приблизившись к лагерю, ордынцы ударили в барабаны и литавры, затрубили в рога и стали выкрикивать боевой клич[2]. «В ту ночь (во время атаки Тохтамыша) Инаиндж Углан (Кундже-оглан. — *Х. Х.*) из потомства Джучихана, исцарапав лицо верности ногтями вероломства, убежал из лагеря Тимура»[3].

Из этого можно заключить, что ночная атака Тохтамыша была небезуспешной, ему удалось оторвать от противника царевича (сына Урус-хана) с отрядом. Не исключена возможность, что между Тохтамышем и Кундже-огланом была тайная связь, а разведка боем была произведена для того, чтобы отряд Кундже-оглана мог ускользнуть в суматохе из лагеря Тимура. Отсюда видно, что войско Тимура было не такой уж монолитной силой, какой ее представляют Шами и Йезди.

На рассвете войска обеих сторон пришли в движение, стали разворачиваться для решающего сражения и подняли боевые знамена. Это было в среду, утром 15 апреля 1395 г. Тимур и Тохтамыш, разделив свои войска на семь «корпусов», применили такой же боевой порядок, что и при битве 1391 г.

Не успел Тимур выстроить свое войско, как с левого фланга прискакал гонец с известием, что правое крыло войска Тохтамыша под командованием воевод Кундже-оглана, Бек-Ярык-оглана, Актау, Давуд-Суфи и Удурку совершило нападение на авангард левого крыла Тимура. Произошел бой. Вскоре отряды Тохтамыша обратились в ложное бегство. Тимур послал в погоню по 50 человек из каждого полка резервного «корпуса», что явилось его большой тактической ошибкой. Бегущие ордынцы развернулись

---

[1] СМИЗО... Т. 2. С. 176.

[2] Там же.

[3] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 372 об. (Извлечения из сочинения Мирхонда «Сад чистоты»).

около центра своего войска и внезапно обрушились на преследователей [1].

Часть вырвавшихся вперед воинов Тимура была окружена и перебита, а другая, отброшенная назад стремительным ударом ордынцев, в панике обратилась в бегство. Воины Тохтамыша, воодушевленные этим успехом, погнались за бегущими (так как они устремились на свои прежние места) и на их плечах ворвались в стан Тимура и чуть не захватили полководца в плен. В результате этого войско, окружавшее Тимура, смешалось и на время потеряло управление. Жизнь завоевателя оказалась в большой опасности, и только вовремя подоспевшие на помощь военачальники спасли его. Первым около Тимура оказался Шейх-Нур-ад-дин Сабука, который, рискуя жизнью, прорвался к своему властелину [2]. Спешив отряд, он придержал наступавших ливнем стрел. Другие военачальники — Мухамед-Азад, брат его Али-шах и Тукельбаурчи захватили и притащили каждый по одной арбе и все три арбы связали перед Тимуром вместо щитов [3].

К этим связанным арбам, за которыми укрывался Тимур, подходили отряд за отрядом, и вокруг них развертывался кровопролитный бой, унесший тысячи человеческих жизней. По словам Гиясаддина Али, «каждый их (воинов) блестящий кинжал ежесекундно сбрасывал на землю по одной голове, а каждый их горящий меч все время пускал на ветер смерти по одной человеческой жизни» [4]. Численность выручавших Тимура пополнилась подоспевшим отрядом Алаздада (Аллах Дада) с полком Вефадара, которые спешились возле отрядов Шейх-Нур-ад-дина. К ним присоединились Зирбек Чаку со своим полком и Хусейн-Мелик-Каучин с подчиненными ему воинами [5].

Если отряды Тимура, собираясь вокруг него, занимали кольцевую (таборную) оборону и прилагали неимоверные усилия для улучшения создавшегося положения, то действия воинов Тохтамыша носили совершенно иной характер. Тохтамыш с самого начала перехватил инициативу и спокойно посылал непрерывным потоком отряд за отрядом к скопищу войска Тимура. Стремительные атаки его конницы, не давая опомниться противнику, ударами сабель, мечей, кинжалов и копий выводили из строя отборные полки Тимура [6]. Спешившиеся отряды Тимура, отбиваясь, едва сдерживали натиск противника.

---

1 СМИЗО... Т. 2. С. 120, 176.
2 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 372 об.
3 СМИЗО... Т. 2. С. 176.
4 Гиясаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию /Перевод А. А. Семенова. М., 1958. С. 57.
5 СМИЗО... Т. 2. С. 120, 177.
6 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 373; СМИЗО... Т. 2. С. 120, 177.

Положение Тимура продолжало оставаться критическим, пока на выручку не подоспел его внук Мухаммед-Султан с сильным отрядом центра. Они развернули знамена, ударили в барабаны и литавры, затрубили в трубы и рога, затем кинулись в атаку, которая вскоре захлебнулась [1]. Они также вынуждены были обороняться. Не намного улучшил их положение и подошедший на помощь Устуй с отрядом.

Бой продолжался. Целые потоки крови пролились в этом бою, груды тел мешали атакующим [2]. Тимур совершенно потерял управление войском. Только инициативные и самостоятельные действия воевод спасли его от неминуемой гибели. К исходу дня Худад Хусейн, находившийся на левом фланге, зашел в тыл Кунче-оглана и Актау, которые сражались против Тимура, и стал осыпать их стрелами [3]. В этот момент, по утверждению Мирхонда, отряды Джехан-шаха и Хаджи-Сейф-ад-дина ударили из засады по левому флангу Тохтамыша [4], что не позволило ему одержать победу в первый день сражения.

Правда, Шами и Йезди последний удар, в угоду Тимуру, приписывают Мухаммед-Султану. В данном случае, нам кажется, ближе к истине Мирхонд, так как любимец Тимура командовал центральным «корпусом» и не имел права, нарушив боевой порядок, находиться на фланге. Кроме того, родственные чувства скорее могли увлечь его на выручку Тимура в самый критический для последнего момент.

Первый день сражения между Тимуром и Тохтамышем завершился в пользу Тохтамыша. Войска остановились на отдых, а полководцы занялись разбором прошедшего боя и подготовкой следующего.

На второй день так же, как и в первый, бой начался с атаки войск Тохтамыша. Хан Золотой Орды двинул теперь в бой свой левый фланг, состоявший из «корпуса» Иса-бия (брата Едигея) и Бахши-Хаджи (другой вариант — Яхши). Опрокинув авангард противника, они окружили и расстроили тумен Хаджи-Сейф-аддина, находившийся на правом фланге войска Тимура. Многие воины обратились в бегство. Тогда темник быстро сошел с коня и приказал своему тумену спешиться. Окружавшие его воины выставили перед собой щиты и, припав на колени, стали осыпать стрелами наступавших. Увидев стойкость однополчан, бежавшие остановились и присоединились к своему отряду. В критический момент на помощь Хаджи-Сейф-ад-дину подоспел Дженахшах-бахадур со своим туменом. Тимур-Хаджи-Акбуга также вступил в бой с про-

---

1 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 373; СМИЗО... Т. 2. С. 120, 177.
2 Архив востоковедов... ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 373; ПСРЛ... Т. XI. С. 158.
3 СМИЗО... Т. 2. С. 177.
4 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 373.

тивостоящим ему золотоордынским отрядом. Наконец внук Тимура Рустам (сын умершего Омар-Шейха) двинул на противника свой тумен [1]. Снова закипела кровавая сеча. Противники не раз отступали и вновь наступали друг на друга. Но в этот день ни одной из сторон не удалось добиться заметного успеха, ибо Тимур извлек урок из своей ошибки. Оба войска бились насмерть, понесли большие потери и к концу дня, обессиленные и обескровленные, остановились на отдых.

Решающий, третий день сражения не предвещал Тохтамышу ничего хорошего. Во время разбора прошедшего боя среди его военачальников начались раздоры и разногласия, которые к утру повлекли за собой драматические события. Перед самым началом сражения третьего дня один из военачальников правого крыла золотоордынского хана по имени Актау потребовал от Тохтамыша выдачи ему другого начальника «корпуса» и разрешения убить его. На это хан ответил, что его просьба будет уважена после сражения и что сейчас не время для сведения личных счетов [2]. Но Актау стал настаивать: «Нет, мне он нужен сейчас, а коли нельзя, то нет тебе от меня ни послушания, ни повиновения!» [3].

Хан, понимая, к чему может привести распря перед началом боя, стал уговаривать взбунтовавшегося Актау: «Мы находимся в тяжком горе, которое озабочивает нас более твоего желания, и в мрачном положении, которое кручинит нас более твоей беды, так потерпи и не торопи... Не заставляй же слепого искать убежища на обрыве...» [4].

Но все уговоры и угрозы оказались тщетными. Поводом для недовольства Актау могло быть перемещение в рядах войска, по которому отряды правого крыла на третий день перебрасывались на левое крыло и наоборот. Перегруппировка была произведена из-за того, что каждый день войско правого крыла Тимура одолевало войско левого крыла Тохтамыш-хана, и таким образом войско правого крыла Тохтамыш-хана показывало превосходство над войском левого крыла Тимура. Когда таким образом произошло несколько боев, Тохтамыш-хан посоветовался с вельможами своей державы и составил план перемещения и перемены в рядах своего войска [5].

В поисках подлинной причины имевших место раздоров в лагере Тохтамыша мы наталкиваемся на упоминание одного интересного лица, находившегося в лагере Тимура. По свидетельствам Ибн Арабшаха, Муин-ад-дин Натанзи («Аноним Искандера») и Клави-

---

[1] СМИЗО... Т. 2. С. 120—121, 177; Архив востоковедов., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 373.
[2] СМИЗО... Т. 1. С. 465.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] СМИЗО... Т. 2. С. 207.

хо, достоверно выясняется, что интриган и карьерист Едигей не только был участником сражения против Тохтамыша, но и главным проводником Тимура[1], тогда как Шами и Йезди совершенно не упоминают о нем, описывая сражение 1395 г. Ибн Арабшах даже утверждает, что Едигей был главным виновником столкновения двух завоевателей[2]. Ход событий показывает, что встреча противников была неизбежной и без вмешательства Едигея. Но он действительно стремился ускорить их столкновение (впоследствии он стал жертвой собственного коварства).

Согласно установившейся традиции, связанной с расположением кочевий, Едигей должен был сражаться на правом крыле войска Тимура. Как раз ему противостоял его старший брат Иса-бек, «корпус» которого располагался на левом крыле войска Тохтамыша. Едигея, властолюбивого претендента на престол Золотой Орды, не устраивала победа ни Тимура, ни тем более Тохтамыша. Он скорее предпочитал, чтобы оба войска уничтожили друг друга на поле сражения[3]. Нам кажется, что Актау не без оснований подозревал Иса-бека в тайных связях со своим братом Едигеем и, желая расправиться с ним, требовал его выдачи. Иначе трудно объяснить поведение храброго Актау, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к Тимуру, так как он не перешел на его сторону и впоследствии на Днепре бился с ним[4].

Итак, рано утром 17 апреля 1395 г. Актау, начальник «корпуса» правого крыла Тохтамыша, на глазах всех воинов демонстративно покинул поле боя. Он вместе с Бек-Ярык-огланом и Таштемир-огланом направился в сторону Дона и Днепра[5]. Это, несомненно, отрицательно сказалось на моральном состоянии войска и воодушевило противника. «Вследствие этого расстроилось войско Тохтамышево и стрелы желания его не попадали в то место, в которое они пускались»[6].

Как видим, начало третьего дня сражения характеризуется такими моментами, как перегруппировка войска Тохтамыша и уход Актау. Тохтамыш оказался в трудном положении. Он выстроил конницу и пехоту, усилил центр и фланги, затем бросил в лобовую атаку наиболее отважных воинов с надеждой перехватить инициативу боя.

Ибн Арабшах оставил образное описание этого боя: «Затем обе рати сошлись, ударили друг на друга, смешались и запылали ог-

---

1 СМИЗО... Т. 1. С. 465—468; Т. 2. С. 133; Клавихо. Указ. соч. С. 341.

2 Там же. С. 459.

3 Там же. С. 468—469.

Едигей одно время был доверенным лицом Тохтамыша, командовал его войском. Но по какой-то причине они поссорились, и Едигей бежал к Тимуру. Возможно, это случилось после поражения Тохтамыша от Тимура в 1391 г.

4 СМИЗО... Т. 2. С. 179.

5 СМИЗО... Т. 1. С. 465.

6 Там же.

нем сражения. Столкнулись враги с врагами, простерлись воины под мечами рубящими и подверглись груди копьям бьющим; помрачились лица и покрылись пылью; оскалили зубы волки боевые и завыли; ожесточились тигры злобные и выпрямились к прыжку; сцепились львы полчищ и встали дыбом; покрылись кожи перьями стрел и вздрогнули; опустились чела вождей и головы глав... погрузились в море крови все — и знатные и простые»[1].

Как же складывались дела на левом фланге войска Тохтамыша? Сюда был переброшен с правого фланга один из «корпусов», начальник которого занимал вместе с тем нечто вроде должности начальника общественного надзора (ичкий). Йезди и «Родословная тюрков» именуют его Яглы-бай-бахадур из племени бахрин[2], а Мирхонд называет его Али-беком[3].

На восходе солнца Яглы-бай, возглавив левое крыло войска Тохтамыша, ринулся в бой. Однако Тимур прекрасно знал, что, несмотря на усиление, левый фланг противника все же остается слабым звеном войска Тохтамыша, и для закрепления успеха, достигнутого им в предыдущем бою, свой главный удар нацелил именно сюда. И действительно, раненые и павшие духом воины левого фланга Тохтамыша после жаркой схватки, не выдержав натиска врага, пустились в бегство[4]. Яглы-бай со своим «корпусом» остался один против нескольких «корпусов» противника. Удрученный своим бессилием остановить бегущих, он приказал наложить путы на своего коня и вызвал на единоборство Осман-Бахадура (по Мирхонду — Осман-и-Аббаса), стоявшего на правом фланге тимуровского войска[5].

Произошел жестокий бой, и с обеих сторон пало множество воинов. В ход пошли булавы, дротики, копья и другое оружие. Когда Осман добрался до Яглы-бая, они преломили друг о друга копья, поломали сабли и схватились руками. Лошадь Яглы-бая не могла двигаться из-за пут. При ее падении вместе со всадником Осман оказался сверху. Воспользовавшись этим, он отрубил голову Яглы-баю[6].

Это событие произвело удручающее впечатление на золотоордынских воинов. Но, тем не менее, они решили отбить у врага отрубленную голову своего военачальника. Оба войска смешались; воины Яглы-бая старались заполучить и вынести его останки, а противная сторона оказывала им упорное сопротивление. Завихрился смертоносный клубок[7]. Этот бой был очень похож на бой

---

1 СМИЗО... Т. I. С. 466.
2 СМИЗО... Т. 2. С. 177, 207.
3 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 373.
4 СМИЗО... Т. 2. С. 208.
5 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 373; СМИЗО... Т. 2. С. 177.
6 СМИЗО... Т. 2. С. 208.
7 Там же.

первого дня сражения. Только тогда борьба шла за спасение жизни Тимура, теперь же бой шел вокруг убитого военачальника. Кроме того, на этот раз в окружении и в крайне критическом положении оказался весь левый фланг войска ордынского хана, а инициативу перехватил Тимур. Упорный бой длился целый день. В источнике утверждается, что были навалены целые холмы из убитых. В «Родословной тюрков» приводится интересное сообщение: «Труп Яглы-бай-бахадур-бахрина в конце концов вытащили... из-под 800 человек юношей с черными кольчугами на груди, верхом на белых лошадях и с белыми кутасами на шее. Людей же с цветами и видами иными, чем сказанные, не считали» [1].

Испуганные кони носились по полю и топтали людей, «ручьями лилась кровь по степи» [2]. К концу третьего дня победа стала склоняться на сторону Тимура. Воевода Осман, наконец, опрокинул и обратил в бегство левое крыло войска Тохтамыша [3]. Затем Тимур перешел в наступление по всей линии, разбил, рассеял и разогнал войско Золотой Орды [4]. В первый день сражения победа клонилась к Тохтамышу, второй день не принес успеха ни одному полководцу, а на третий день Тимуру разными уловками удалось вырвать победу. Так закончилось трехдневное кровопролитное сражение между двумя завоевателями, которое слагалось из нескольких боев.

Царевичи, нойоны и нукеры Тохтамыша в беспорядке бежали в разные стороны, ордынское войско распалось на отдельные части. Одна группа ушла на Дон, Днепр и в Крым, другая, во главе с Удурку, бежала к горам Центрального Кавказа (Джулат), а хан со своими приближенными отступил к низовьям Волги, затем в Булгарию, наконец ушел к Витовту.

После сражения Тимур пустился в погоню за Тохтамышем [5]. В районе современного города Кизляра он остановился на отдых, раскинул свой стан на берегу старого русла Терека (Курай) [6]. Здесь все подчиненные завоевателя поздравили его с победой. Тимур радостно обнимал своих военачальников и хвалил их за проявленное усердие.

Церемония поздравлений вылилась в большие торжества. Тимур особо почтил Шейх-Нур-ад-дина, так как он, рискуя жизнью,

---

1 СМИЗО... Т. 2. С. 208. Видимо, имелись какие-то отличительные знаки.

2 Там же. Т. 1. С. 466.

3 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 373.

4 СМИЗО... Т. 2. С. 178.

5 Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 373 об.

6 СМИЗО... Т. 2. С. 121, 178. Курай не следует смешивать с рекой Курой (Ставр. край); Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Спб., 1809. С. 5.

спас его в первый день сражения. Он дал ему в награду 100 тысяч кепекских динаров, подарил прекрасного коня, шитую золотом одежду и на несколько ступенек повысил в должности. Все остальные также были одарены деньгами и другими милостями [1].

Попытаемся определить приблизительные потери войск Тимура и Тохтамыша. Во время сражения на Тереке внук Тимура Пир-Мухамед был начальником 10-тысячного отряда, то есть темником, а после сражения, когда Тимур отправлял его в Шираз (для охраны своего улуса), то в его отряде осталось лишь 6 тысяч человек, то есть 40% воинов полегло на поле сражения. У другого темника — Шемс-ад-дин Аббаса, направленного для охраны Самарканда, осталось 3 тысячи воинов [2], таким образом, потери здесь составили 70%. Следовательно, можно предположить, что почти половина войска Тимура пала на поле сражения у Терека. Эвлия Челеби сообщает, что к моменту бегства Тохтамыша у Тимура оставалось 200 тысяч человек [3]. Русский летописец пишет: «И толики бысть побито от обою в соймех тех, аки некыя великие сенные валы лежаще обоих избиенных, в коемь же снятии мест тех тмы тмами бесчисленно много мертвых» [4], то есть из десятков тысяч убитых образовались целые валы. Видимо, еще большие потери понесло разгромленное наголову войско Тохтамыша.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПОРАЖЕНИЯ ТОХТАМЫША

Несметные богатства и сокровища, захваченные во время похода, Тимур оставил при обозе со своим сыном Миран-шахом, который еще до битвы упал с лошади и сломал себе руку. Охранять трофеи было поручено еще отрядам Ядгар-барласа и Хаджи-Сейф-ад-дина, а сам Тимур погнался за Тохтамышем, «чрезвычайно быстро днем и ночью шел по следам его» [5].

Он дошел до паромной переправы на Волге, которая называлась Тура-тур (буквально: стой-жди), потом до города Укека. Разорил и ограбил Булгарию, Южную Русь [6], Крым и, вернувшись назад, на Северный Кавказ, устроил здесь страшную резню и погром [7]. Его полчища двигались с запада на восток и проникали в

---

1 Архив востоковедов..., ф. 52, оп. 1, д 14, л. 373 об.
2 СМИЗО... Т. 2. С. 179.
3 Эвлия Челеби. Указ соч. С. 142.
4 ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 159.
5 СМИЗО... Т. 2. С. 178.
6 ПСРЛ... Т. XI. С. 152; СМИЗО... Т. 2. С. 179.
7 Источники сообщают, что после погрома на Северном Кавказе каждый воин Тимура возвращался с 5—6 девушками и огромной добычей на арбах (см.: СМИЗО... Т. 2. С. 187).

такие непроходимые места горных ущелий, куда до этого никогда не ступали копыта монгольских коней [1].

Остановимся теперь на причинах поражения Тохтамыша в войне 1395 г.

Во-первых, войско Тохтамыша еще не оправилось от тяжелых ран войны 1391 г. Тохтамыш в начале военных действий 1395 г. выглядел нерешительным и несколько растерянным [2]. Он упустил возможность дать авангардные бои в укрепленных местах Дагестана (Дербент, Тарки), измотать и деморализовать войско Тимура.

Во-вторых, у Тохтамыша слабо была организована разведывательная служба. Она не сумела угадать маневр Тимура до перехода реки Терек. Из-за оплошности ордынских дозорных Тимуру удалось, применив хитрую тактическую уловку (маскировку), без потерь легко переправиться через Терек. Неудачная перестановка отрядов, произведенная на третий день Тохтамышем, внесла в войско разлад и ослабила сильный правый фланг. В решающий день сражения военачальники Тохтамыша поссорились между собой и часть войска покинула поле сражения, что деморализующе подействовало на остальных, решив в итоге исход боя.

В-третьих, учинив в 1382 г. разгром и сожжение Москвы, Тохтамыш настроил против себя Северо-Восточную Русь, тем самым ослабил свой тыл, что не могло не сказаться на поведении его войска. После поражения на Тереке он через Булгарию бежал к Витовту. Тимур, узнав об этом, не пошел на Московскую Русь. Он из г. Елец (Рязанской области) резко повернул на юго-запад, продолжая преследовать Тохтамыша [3].

В-четвертых, покоренные народы не сочувствовали Золотой Орде. Они страдали от частых войн и междоусобиц, они устали от них. Особенно тяжелыми для подвластных Золотой Орде были годы с 1360 по 1380. В течение 20 лет сменилось около 25 ханов с сопутствующими им междоусобными войнами [4]. Все это наложило отпечаток на исход сражения 1395 г.

В-пятых, определенное значение, видимо, имело и то, что в сражении на Тереке Тимур применил огнестрельное оружие. Конечно, огнестрельное оружие к тому времени было известно и в

---

[1] Лавров Л. И. Черкесия в XIII—XIV веках // Красная Черкесия. 1941. 13—14 июня; Гарданов В. К. Указ соч. С. 76; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 107; Алиев Б., Шихсаидова Р. С. О маршруте Тимура в 1395—1396 годах через Дагестан // Ученые записки Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX. С. 221—235; Джиоев М. К. Походы Тимура в Аланию // Проблемы истории СССР. М.: МГУ, 1980. С. 3—18; Березов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С. 11—16.

[2] ПСРЛ. Т. XI. С. 158.

[3] Там же. С. 159; СМИЗО... Т. 2. С. 121, 178—179.

[4] Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ соч. С. 272; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 111—112.

Булгарии, и на Руси. Так, казанцы еще в 1376 г., а москвичи в 1382 г., по сообщению русских летописей, применяли тюфяки-пушки [1]. Описывая сражение, Йезди упоминает об «огненосных копьях» [2], отличая их от «метательных копий» [3]. Под «огненосными копьями», на наш взгляд, подразумевается огнестрельное оружие, причем не пушки, а ружья (пищали). Понятно, что в то время они были примитивными, громоздкими и неудобными для применения сидя на коне [4]. Видимо поэтому воины Тимура очень часто спешивались. Ружья (их, конечно, было мало) не столько поражали ордынскую конницу огнем, сколько наводили ужас и панику грохотом выстрелов и клубами дыма и расстраивали отряды противника. Применение «огненосных копий» помогло Тимуру выйти из окружения и спастись от, казалось, неминуемой гибели в первый день сражения.

В-шестых, в ходе сражения роковую роль сыграли предательство военачальников Тохтамыша и козни Едигея [5]. По словам Ибн Арабшаха, Муин-ад-дин Натанзи и Клавихо, при возвращении Тимура после победы над Тохтамышем в 1396 г., Едигей под предлогом того, что собирается навестить свое племя, обманом ушел от него и, провозгласив подставного хана (он по традиции, как и Тимур, не имел права быть ханом), узурпировал власть в Золотой Орде [6]. Через некоторое время и Тимур и Тохтамыш поняли, что их обоих провел хитрый Едигей. Повествуют, что впоследствии Тохтамыш якобы 15 раз сразился с ним [7], а Тимур от досады даже обещал (в 1405 г.) вернуть золотоордынский престол своему противнику Тохтамышу [8].

В-седьмых, одну из причин поражения Тохтамыша определил известный востоковед А. Ю. Якубовский, методом конкретно-исторического подхода к явлениям и раскрытия их

---

1 Мавродин В. О появлении огнестрельного оружия на Руси // Вопросы истории. 1946. № 8—9. С. 99.

2 СМИЗО... Т. 2. С. 177.

3 Там же.

4 В конце XIV в. огнестрельное оружие было уже распространено на Востоке. См., например: Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI веках // Известия Таджикского филиала АН СССР. 1949. № 15.

5 Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 802.

6 СМИЗО... Т. 1. С. 468, 471; Т. 2. С. 133; Клавихо. Указ. соч. С. 341.

7 СМИЗО... Т. 1. С. 470.

8 СМИЗО... Т. 2. С. 189; Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 802. Весьма любопытно то, что, по сообщению Шами и Йезди, Едигей покинул Тимура не в 1396 г., а после сражения 1391 г. (СМИЗО... Т. 2. С. 118, 172). Критический анализ этих источников по сопоставительному методу раскрывает случай фальсификации исторических событий еще в ту глубокую старину, что долгие годы вводило в заблуждение последующих историков (См., например: Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 802; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 361; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 157—158).

диалектической связи. «Рассматривая события в их исторической связанности, — писал он, — мы должны признать, что победы Тимура над Тохтамышем в 1391 и 1395 годах были обусловлены не только ресурсами Мавераннахра и силой военно-организаторского таланта Тимура, но в первую очередь великой победой русских на Куликовом поле» [1].

Подчеркивая историческое значение сражения на Тереке, А. Ю. Якубовский писал: «Разгром Мамая в 1380 году на Куликовом поле был первым и главным ударом, нанесенным Золотой Орде; поражение на Тереке в 1395 и разгром Сарая являлись завершающим ударом» [2].

Ранее в специальной статье о Тимуре он придавал разгрому Тохтамыша на Тереке несколько иное значение и считал его вторым ударом по Золотой Орде [3], а не «завершающим», что, на наш взгляд, более точно. Первый (Куликовская битва — 1380 г.) и завершающий (1480 г.) удары по Орде нанесла Русь, тем самым освободила русских и способствовала освобождению других народов от мрачного иноземного ига [4].

Необходимо иметь в виду, что, если славная победа на Куликовом поле облегчила освобождение Руси и других стран от монгольского ига, то Тимур таковой задачи перед собой не ставил и захват им власти грозил народам Восточной Европы и Кавказа новыми разрушениями, физическим уничтожением и более тяжелым игом. В этом заключается коренное отличие Куликовской битвы от сражения на Тереке, которое стоило народам Северного Кавказа, Южной Руси, Булгарии и Крыму больших людских жертв. Вместе с тем поражение Золотой Орды в этой войне и уход Тимура из ее пределов объективно ускорили освобождение народов Северного Кавказа и Руси от ига кочевников.

Общеизвестно, что Тимур прежде всего был завоевателем, отстаивающим реальные интересы возглавляемого им класса. Он всю свою долгую боевую жизнь с окровавленным мечом пытался утвердить: «Весь мир не стоит того, чтобы иметь двух царей» [5].

Завоевателю очень хотелось превзойти самого Чингис-хана. Для этого ему оставалось покорить Китай, и такая мысль не покидала его даже в преклонном возрасте. Только смерть прервала намеченный им поход в Китай [6]. По свидетельству очевидца событий, армянского историка Фомы Мецопского, для достижения своей

---

1 Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 374.
2 История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. С. 356.
3 Якубовский А. Ю. Тимур // Вопросы истории. 1946. № 8—9. С. 64.
4 История Монгольской Народной Республики. М., 1967. С. 134; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 44.
5 Бартольд В. В. Соч. М., 1968. Т. 5. С. 175.
6 Якубовский А. Ю. Тимур... С. 73.

цели Тимур не гнушался никакими средствами: «Одних он подкупал ложными обещаниями, других — клятвами, некоторых усыновлял, а некоторым отдавал в жены своих дочерей, с помощью которых он убивал своих зятьев и захватывал их земли»[1]. Поэтому армянский историк и называет его безжалостным, бессовестным и беспринципным[2]. Эту же характеристику можно отнести и к Тохтамышу.

Итак, перед нами встают фигуры двух завоевателей — продолжателей дела Чингис-хана, способных полководцев и дипломатов, крупных правителей, деятельность которых в чужих странах была направлена не на созидательный труд, а на разрушение и грабеж всего ценного, что создано человеческим трудом.

Анализ боевой деятельности Тимура и Тохтамыша показывает, что их военные маршруты на Кавказ, Русь, в Булгарию, Крым и другие страны были залиты кровью, усеяны трупами, отмечены памятными башнями из человеческих голов и следами гибели материальных и культурных ценностей. К. Маркс, отмечая сложный и противоречивый характер Тимура, обратил внимание, что в своей столице Самарканде он издал вполне приемлемые указы, а в других странах «он всюду разрушал города, предавал их огню, а жителей замучивал насмерть»[3].

Как видим, общую отрицательную оценку исторического значения монгольского завоевания и экспансии Тимура, принятую советской историографией, следует считать в целом верной[4].

Подведем некоторые итоги. Тимур, преследуя свои захватнические цели, желая превзойти Чингис-хана и стать единоличным «правителем мира», нанес два сокрушительных удара Золотой Орде, воспользовавшись ее поражением от русских на Куликовом поле (Заволжскому улусу — в 1391 г. при Кундузча и Западному улусу — в 1395 г. на Тереке). Во время этих сражений, особенно после второго, Тимур уничтожил людские ресурсы Золотой Орды и своими разрушениями и грабежом подорвал и ослабил материальную основу ее уже поколебленной мощи и свел ее на поло-

---

[1] Мецопский Ф. История Тимур-Ланка, /Пер. с арм. Т. И. Тер-Григоряна. Баку, 1957. С. 56.

[2] Там же. С. 55.

[3] Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. М., 1939. Т. 6. С. 185.

[4] Всемирная история. М., 1957. Т. 3. С. 574; Очерки истории СССР. XIV—XV вв. Т. 3. Ч. 2. С. 661; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 37, 516; Новосельцев А. П. Об исторической оценке... С. 20; Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа... С. 124—131, 147—171; Али-Заде А. А. Указ. соч. С. 122—134, 193—257; Бабаян Л. О. Указ. соч. С. 99—118. 283—308; Сихарулидзе Ю. М. Указ. соч. С. 50; Лавров Л. И. Нашествие монголов... С. 98—102; Магомедов Р. М., Криштопа А. Е. Указ. соч. С. 9—16; Каргалов В. В. Указ. соч. С. 173—216.

жение второстепенного государства [1]. Это объективно сыграло положительную роль (вопреки воле и желаниям обоих завоевателей).

После погрома, учиненного Тимуром, наметился резкий упадок ордынских городов, рынков и ремесленного производства. Через некоторое время начался процесс распада Золотой Орды на отдельные ханства и образования новых народностей. Но было бы неверно полагать, что Тимур при этом руководствовался стремлением освободить Русь и Северный Кавказ от иноземного ига. Это был результат той эволюции, которая произошла во взглядах Тимура по отношению к Золотой Орде в середине 80-х годов XIV века, когда Тохтамыш стал серьезным соперником его далеко идущих замыслов [2]. Сражение на Тереке между войсками Тимура и Тохтамыша в 1395 г. явилось определенным этапом в жизни восточноевропейских и азиатских стран.

Необходимость изучения данного вопроса напрашивается не тем, чтобы показать героизм или слабость враждующих сторон, ибо и Тимур и Тохтамыш вели захватнические грабительские войны. Главная цель заключалась в том, чтобы представить во всей полноте трагическое положение воинов коренных народов Восточной Европы, которые сражением на Тереке хотели остановить нашествие Тимура. Из 300-тысячного войска Золотой Орды монголы составляли от силы 30—40 тысяч человек, а остальная часть была укомплектована из русских, половцев, народов Поволжья, Казахстана, Крыма и Северного Кавказа. При этом Северный Кавказ поставлял примерно 30 тысяч воинов, а Русь — 50—60 тысяч. Поэтому мы приходим к выводу о том, что описываемое сражение было одним из крупнейших в XIII—XIV веках, вместе с тем оно было бесславным для захватчиков, оборонительным и справедливым для местного населения.

Нельзя забывать и то, что сражение происходило на Северном Кавказе и что его исследование необходимо для того, чтобы получить полное представление о потерях северокавказцев, которые защищали свою исконную территорию, хотя, в силу стечения обстоятельств, в составе войска Тохтамыша. Этот фактор ослабил военные силы горцев, которые вели неравную, но героическую борьбу (уже самостоятельную) против полчищ Тимура при его продвижении непосредственно в горы.

Нашествие Тимура имело для народов Северного Кавказа весьма отрицательные последствия. Есть серьезные основания предполагать, что многие закаленные и боеспособные воины из плоскост-

---

[1] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 548; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 372—373.

[2] Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 215.

ной части Северного Кавказа, нанятые и насильно завербованные в войско Тохтамыша, погибли на Тереке. Вероятно поэтому разобщенные и феодально-раздробленные народы Северного Кавказа впоследствии не смогли выдержать натиск войска Тимура, когда оно через несколько месяцев обрушилось на горцев [1].

---

[1] Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 121—123; Ичалов Г. Х. Борьба народов Дагестана против Тимура // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Т. 2. С. 124—139; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 103—128; Криштопа А. Е. Еще раз о маршруте Тимура... С. 135—144; Джиоев М. К. Походы Тимура в Аланию... С. 3—18; Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966. С. 204—208.

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТИМУРА

НАРОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТИМУРА

Подорвав в апрельском сражении на Тереке (1395 г.) мощь Золотой Орды, Тимур, преследуя войско Тохтамыша, огнем и мечом за полгода прошел Поволжье, Южную Русь и Крым. Возвращаясь оттуда на Северный Кавказ, он разорил Азов — крупный торговый центр в низовьях Дона и в октябре 1395 г. двинулся на юг, к Кубани. Адыги поняли, какая опасность надвигается на них, и применили в борьбе с врагом классическую тактику древних скифов — путь следования тимуровских полчищ превратили в выжженную пустыню, а сами отступили за Кубань.

Придворные историки Тимура Шами и Йезди сообщают, что черкесы (адыги) сожгли луга между Азовом и Кубанью, в результате чего большое количество награбленного завоевателем скота и лошадей погибло в пути следования. На протяжении 7—8 дней войско Тимура было лишено провианта и корма для лошадей [1]. Из-за больших потерь и частых переходов через реки и болота завоеватель подошел к Кубани изрядно измотанным.

Адыги тем временем спешно собрали свои силы на левом берегу Кубани. Тимур не решился сразу же переходить в наступление, опасаясь очередной тактической уловки адыгов, и простоял на правом берегу реки несколько дней [2].

Надо полагать, что он решил дать отдых своему войску и обдумать за это время план действий. Осенью 1395 г., после предварительной разведки, он направил против адыгов (черкесов) [3] большую карательную экспедицию во главе с известными полководцами из своего родственного круга: «Мирзу Мухамед-Султана, Мирзу Мираншаха, эмира Джеханшаха и других эмиров Тимур-завоеватель отправил против черкесов и настойчиво приказал им, что-

[1] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л., 1941. Т. 2. С. 122, 180; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950. С. 370; Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Майкоп, 1957; Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957. С. 10.

[2] СМИЗО... Т. 2. С. 122, 180; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976. Т. 4. С. 112.

[3] Адыги — общее название адыгейцев, черкесов и кабардинцев.

бы они поскорее покорили эту область и вернулись обратно»[1]. По сообщению Эвлия Челеби, отряды дошли до города Анапы и, сохранив крепость, разрушили его[2].

Судя по тексту дошедших до нас источников, сам Тимур в поход не пошел, а остался при обозе. Видимо он, заняв основные переправы, расположился на правом берегу Кубани с частью своего войска, чтобы не допустить обходных действий адыгов и окружения в лесистых дебрях Северо-Западного Кавказа. При этом не исключена возможность, что Тимур, хорошо изучив географическое положение края, решил постепенно прижать адыгов к горам и морю[3].

Известно, что Тимур при помощи перебежчиков, путешественников, купцов, дервишей и других лиц всегда оказывался хорошо информированным как о силе и намерениях своего противника, так и о политической жизни, местных особенностях и географическом положении края. К. Маркс, говоря о войнах Тимура, писал: «Тимур ввел систему шпионажа, причем орудием шпионажа служили ему дервиши, факиры, монахи, от лам до христианских отшельников»[4].

Осенью 1395 г. Северо-Западный Кавказ постигла трагедия, изменившая его политическую и этническую карту и стоившая ему больших людских и материальных жертв. Царевичи и военачальники Тимура «ограбили весь улус черкесский, захватили большую добычу и, благополучно возвратившись, удостоились чести целования ковра»[5]. Здесь ясно проглядывает тенденциозность придворных историков, лишь скупо упоминающих о сопротивлении адыгов тимуровским полчищам. О героизме местных жителей приходится читать между строк в сообщениях историографов Тимура.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, сколько времени длился поход и как происходили военные действия в этом крае. Известно только, по сообщению Абдареззака Самарканди, что завоеватель разорил правую и левую стороны области «до подножия гор и до берега моря»[6], то есть прошел ее вдоль и поперек.

Об этом же писал и адыгский просветитель первой половины XIX века Хан-Гирей. По его данным, черкесы «защищали свою вольность упорно»[7]. Такого же мнения придерживаются и совре-

---

1 СМИЗО... Т. 2. С. 180; Лавров Л. И. Черкесия в XIII—XIV веках // Красная Черкесия. 1941. 14 июня. (№ 138).

2 Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 25.

3 Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 374; СМИЗО... Т. 2. С. 122; Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 112.

4 Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1939. Т. VI. С. 185.

5 СМИЗО... Т. 2. С. 122, 181.

6 Архив востоковедов.., л. 321 об.; СМИЗО... Т. 2. С. 181.

7 Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 92.

менные исследователи. «Адыгские племена и народы, — пишет Т. Х. Кумыков, — оказывали героическое сопротивление войскам Тимура»[1].

Естественно, что нашествие Тимура сильно подорвало экономику и культуру адыгов. Оно, возможно, явилось также причиной перемещения отдельных групп населения, в частности кабардинцев, с прежних насиженных мест в Центральный Кавказ, как это доказывают Э. В. Ртвеладзе и А. Х. Ногоев[2].

При передвижении с Кубани в Пятигорье Тимур решительно покончил с разладом среди своих военачальников (возникшим, скорее всего, из-за дележа награбленного), убив своего ближайшего сподвижника Осман-и-Аббаса[3], несмотря на его особые заслуги при сражении на Тереке.

После окончания черкесского похода Тимур направился на восток — в поход против другого этнического и политического объединения[4], которое, по современным данным, располагалось восточнее верховьев Лабы и Кубани[5].

В источнике указывается, что Тимур со своим войском «повернул к горе Эльбруз»[6]. Анализируя дальнейшие события, описанные в источнике, приходим к выводу, что Тимур после каждого похода в различные этнические и политические области Центрального Кавказа неизменно возвращался в свой стан, расположенный в местности Бештаг или Бешкент, то есть в район современного Пятигорья[7]. Это место служило одной из летних резиденций золотоордынских ханов. Известно, что в первой половине XIV века арабский путешественник Ибн-Батута встретил в Пятигорье Узбек-хана, который отдыхал там[8]. Тимур же застал там правителей «народа асов»[9].

---

1 Кумыков Т. Х. Указ. соч. С. 9—10.

2 Ртвеладзе Э. В. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973. С. 20—21; Ногоев А. Х. К вопросу о расселении кабардинцев // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 123.

3 СМИЗО... Т. 2. С. 181.

4 Там же.

5 Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 77—80; Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. С. 185—196; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 11.

6 Архив востоковедов.., л. 374; СМИЗО... Т. 2. С. 22, 181.

7 СМИЗО... Т. 2. С. 123, 183.

Бештаг и Бешкент — это название одной и той же местности.

тигорск (населенный пункт). Бештаг и Бешкент — это название одной и той же местности.

8 СМИЗО... Т. 1. С. 289.

«Бештаг» в переводе с тюркского означает Пятигорье, а «Бешкент» — Пя-

9 СМИЗО... Т. 2. С. 181.

Более точными являются сведения о том, что Тимур в намерении покорить «неверных» направился в страну Буриберди[1] «на Бураканa, который был правителем народа асов. На этом пути находились леса. Вырубив деревья и проложив дорогу, Тимур оставил эмира Хаджи-Сейф-ад-дина при обозе, а сам с целью джихада (обращения в мусульманство. — *Х. Х.*) взошел на гору Эльбруз»[2]. Местонахождение стана, где оставался обоз (Пятигорье), и было исходным пунктом военной экспедиции Тимура в глубь Кавказских гор.

Таким образом, мы можем предположить, что Тимур после черкесского похода направился с Кубани прямо в Пятигорье. В пути следования и в Пятигорье он, очевидно, встречал сопротивление местного населения. Расположив свой стан в районе Пятигорья, он устроил отдых воинам.

Затем Тимур с войском «взошел на гору Эльбруз»[3]. Этот тщательно подготовленный поход несомненно был направлен против жителей Пятигорья и современной территории Карачаево-Черкесии. Безусловно, завоеватель понимал, какие трудности и непредвиденные опасности ожидают его воинов здесь, высоко в горах. Тимуру пришлось подбадривать свое войско словами: «Поистине наши войска будут победителями»[4].

Карательные отряды Тимура, рассыпавшиеся по горным ущельям, «нашли много крепостей»[5] и встретили мужественное сопротивление местного населения. «В горных укреплениях и защищенных ущельях у него было много стычек... разорили их крепости и милостью судьбы для победоносного войска стала насметная добыча из имущества неверных»[6]. Запустение Зеленчукских храмов и гибель Аланской епархии тоже связываются с разрушительным походом Тимура[7]. Уничтожение материальных ценностей, смерть и грабеж — вот что несли в горы полчища завоевателя, а чтобы оправдать свой разбой, всех сопротивлявшихся называли «неверными».

---

[1] Архив Даг. ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 48, л. 31 (выдержки из «Истории Темур-бека»).

[2] СМИЗО... Т. 2. С. 181; Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 374. В связи с вышеизложенным представляет интерес сообщение народного балкарского поэта Шахмурзаева о том, что карачаевцы и балкарцы город Железноводск называли Борагьан, а Минеральные Воды — Гум-кала // Полевой материал автора. Записан в городе Нальчике 11 декабря 1972 г.

[3] Архив востоковедов.., л. 374—375 об.; СМИЗО... Т. 2. С. 122, 181.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] СМИЗО... Т. 2. С. 181.

[7] Кузнецов В. А. Северный Зеленчукский храм X века // Советская археология. 1964. № 4. С. 150; Его же: Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 24.

Описывая поход Тимура в Карачаево-Черкесию, Е. П. Алексеева пришла к выводу, что разрозненные отряды горцев не могли справиться с мощной ордой Тимура — горцы были побеждены, перебиты или захвачены в плен, а крепости и города их были срыты и разрушены: «Очевидно, в результате похода Тимура погибли такие города, как расположенный у нынешнего селения Нижний Архыз и другие»[1]. Далее она подчеркивает, что поход Тимура нанес большой урон экономике и культуре населения, и считает этот период определенным историческим рубежом в судьбах народов Карачая и Черкесии[2].

Действительно, эти события глубоко врезались в память народа. Имя Тимура запечатлено в преданиях, в топонимике и ономастике народов Карачаево-Черкесии. Неизвестно, сколько времени длился поход Тимура, но сообщение о том, что «много сражались[3], говорит о мужестве и упорстве, проявленных местным населением при защите своей территории. После похода в Карачаево-Черкесию Тимур, вернувшись в Пятигорье, устроил пир и дал недельный отдых своему войску[4].

Источники переносят этнические названия асы и эльбурдзцы как на жителей нынешней территории Карачаево-Черкесии, так и Кабардино-Балкарии. По мнению отдельных авторов, асы проживали там еще в раннее средневековье[5].

Покончив со страной Буриберди и ее владельцем Бураканом на территории Карачаево-Черкесии, Тимур организовал отдельный, третий по счету поход и, отделившись от обоза, пошел против других владельцев — Кулы и Тауса, правивших, как нам представляется, на территории нынешней Кабардино-Балкарии. «Выступив оттуда (из Пятигорья. — *Х. Х.*), — сообщает Низам-ад-дин-Шами, — они отправились на Кулу и Тауса»[6]. Шами называет их владельцами области Иркувун, а Йезди — племени иркувун[7], то есть христиан[8].

О местоположении области братьев Кулу и Тауса[9] до сих пор среди исследователей нет единого мнения. В историографии прослеживаются три варианта третьего похода Тимура — «кабарди-

---

1 Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 107—108.
2 Там же. С. 108.
3 СМИЗО... Т. 2. С. 122; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 113.
4 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 374 об.
5 Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1961. С. 72—73.
6 СМИЗО... Т. 2. С. 122; Архив востоковедов.., л. 374 об.
7 СМИЗО... Т. 2. С. 122, 182.
8 Марр Н. Я. Аркаун, монгольское название христиан. // Византийский временник. Спб., 1906. Т. XII. С 43—44.
9 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 322. (По сообщению Абд-ад-Раззака Самарканди, они были братьями.)

но-балкарский» [1], «осетинский» [2] и «дагестанский» [3]. Наиболее обоснованным считается первый вариант.

Если разместить указанные в тексте антропонимы, топонимы и этнонимы в Дагестане, то это приводит к «сдвигу» туда четырех походов Тимура (кроме черкесского) [4]. Кроме того, это приводит к хронологическому смещению событий, ибо Кулу и Таус упоминаются в конце 1395 г., а основной дагестанский поход состоялся весной 1396 г.

Не приемлем, на наш взгляд, и «осетинский» вариант данного похода, так как при этом получается, будто Тимур, нарушив свою систему, покорил сперва Осетию, а потом Балкарию, что не подтверждается источниками. Добавим сюда, что «иркувун» является монгольским названием христиан независимо от их этнической принадлежности, а не самоназванием осетин, как считают некоторые историки [5].

Вся совокупность фактов убеждает нас в том, что поход Тимура против Кулы и Тауса проходил западнее не только Дагестана, но и Северной Осетии, что подтверждается и фольклорным материалом, записанным в Кабардино-Балкарии. По преданию, начальник отряда, преградивший путь Тимуру в Баксанское ущелье, носил имя Таусо, а в Чегемское — Тотур [6]. Что касается башен, то они имеются и на территории Кабардино-Балкарии.

Письменные источники сообщают, что жители этой области (то есть территории современной Кабардино-Балкарии) имели крепости и укрепления [7], к которым подойти было чрезвычайно трудно. Но Тимур со своим войском с боями прошел по всем ущельям, оставляя за собой вырубленные просеки и груды развалин.

Не имея сил для открытого боя, жители под натиском врага уходили глубоко в горы, устраивали засады, со скал и обрывов скатывали камни и образовывали завалы. Они поднялись так высоко, «что у смотрящего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе

---

1 Ионе Г. Термин расшифрован // Кабардино-Балкарская правда. 1964. 12 мая; Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. С. 86; Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик. 1970. С. 51.

2 Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1946. С. 206; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 114.

3 Криштопа А. Е. Еще раз о маршруте Тимура... С. 137—138.

4 Там же. С. 139.

5 Гаглойти Ю. С. Указ. соч. С. 206; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 114.

6 Это предание С. Шахмурзаев слышал от народного певца Исманла Эттеева, умершего в 1944 г. Запись сделана в г. Нальчике 11 декабря 1972 г. Полевой материал.

7 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 374 об.; СМИЗО... Т. 2. С. 122, 181; Мизиев И. М. Указ. соч. С. 50—51.

горы, как гнездо хищной птицы, на такой вышине, что пущенная стрела не долетела до нее» [1].

Но Тимур, оказывается, заранее предусмотрел особенности горной войны и держал при себе особые отряды, состоящие из племени меркитов — ловких и искусных в ходьбе по горам [2]. Он приказал этим горным отрядам найти какие-либо тропинки, чтобы добраться до крепости Тауса [3]. Однако усилия меркитов оказались тщетными, поэтому они доложили, что крепость неприступна. Этот вопрос стал предметом специального обсуждения Тимура с приближенными. Было решено связать вместе несколько длинных лестниц и, прикрепив их к уступам скал, взойти на вершину. Одна группа скалолазов, вооружившись веревками, стала взбираться наверх и ставить лестницы. Другая, укрепив концы каната к вершине горы, поднималась по канату на противоположную сторону крепости [4].

Обе группы соединились вместе и начали штурм крепости. Защитники ее сражались мужественно. Они осыпали завоевателей градом камней, направляли в них тучи стрел [5]. Но силы оказались неравными. Войска Тимура «овладели таким образом этой крепостью и умертвили множество людей из племени Иркувун (то есть неверных. — *Х. Х.*), которые были в ней. Взяв в плен Кулу и Тауса, которые были предводителями (защитников) той крепости, они убили их» [6].

Историки Тимура донесли до нас сведения о мужественной обороне только одной крепости нынешней Кабардино-Балкарии, жители которой, видимо, проявляли особенное упорство и храбрость при защите своей территории. Народные предания повествуют о том, что Тимур побывал во всех ущельях области и везде встречал достойный отпор.

Если верить народному преданию, то на территории нынешней Кабардино-Балкарии завоеватель уничтожил Трамкалу, Хустоскалу, Гиччи Битикли, Уллу Битикли и другие населенные пункты. Тимур потребовал от жителей дань — 60 девушек. Опасаясь плена, девушки убежали в лес, который Тимур поджог, и они погибли там. По преданию, это место запечатлелось в памяти народа как «место, где сгорели девушки» [7]. Нашествие Тимура отразилось и в ряде других преданий кабардинцев и балкарцев [8].

---

1 СМИЗО... Т. 2. С. 122, 181.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 374 об.

6 СМИЗО.. Т. 2. С. 122, 182.

7 Полевой материал. Записано со слов С. Шамурзаева (г. Нальчик), который слышал об этом от 140-летнего Исхака Айтекова, умершего в 1931 г.

8 Этнографическое обозрение. 1901. № 1. С. 35—85; Семенов Л. П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947 (кабардинское предание о рве Тамерлана); Баранов Е. Певец гор и другие легенды Северного Кавказа. М., 1914. С. 15—29.

«Кровопролитный поход Тимура, — пишет Л. И. Лавров, — оставил глубокий след в памяти кабардинцев. Его войска только в Центральном Предкавказье разграбили и уничтожили десятки поселений, подорвали экономику и истребили значительную часть населения»[1]. В кабардинской ономастике нередки имена, связанные с этими завоевателями («Темир-Аксак», «Темлан», «Тимур»)[2] и др. С именем Тимура связаны и некоторые названия в топонимике Кабардино-Балкарии. В Чегемском ущелье есть камень «Аксак Темир-бодур-кусу», который называют «пугало Аксак-Темира», «молитвенным камнем Аксак-Тимура» или «Хромого Темира Тур (знак)»[3].

Шами и Йезди, описывая этот поход, говорят об однодневном отдыхе Тимура в местности Балкан[4] перед началом нового похода в другую область. «Нам представляется возможным видеть за этим названием несколько искаженное — Балкар, — пишет И. М. Мизиев. — Черекское ущелье и сейчас называется «Малкар» в отличие от всех других ущелий, в общем-то объединяемых в одно название — Балкария»[5]. Догадка такого же рода, связанная с первым упоминанием балкарцев, ранее была высказана Г. Ионе и Л. И. Лавровым[6].

Видимо в это время был разорен некогда цветущий город Нижний Джулат. Во всяком случае, трудно допустить, чтобы он оставил в тылу у себя такой укрепленный город, откуда открывались пути во все основные ущелья области. Ранее высказанное предположение о гибели этого городища при сражении Тимура с Тохтамышем[7] не подтверждается источниками, ибо сражение произошло у слияния рек Сунжи и Терека (на левом берегу). Раскопки, произведенные в последние годы И. М. Чеченовым на городище Нижний Джулат, показали трагическую картину гибели города — обнаружены следы крупного пожара, заваленные саманные стены, развалины крупнейшей на Северном Кавказе соборной мечети, мавзолеев и др.[8]

---

1 История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 85.

2 Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Сборник документов. М., 1957. Т. 1. С. 126; Коков Дж. Н. Вопросы адыгской (черкесской) антропонимии. Нальчик, 1973. С. 130—131.

3 Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970. С. 29.

4 СМИЗО... Т. 2. С. 122, 182.

5 Мизиев И. М. Указ. соч. С. 51—52.

6 Ионе Г. Термин расшифрован // Кабардино-Балкарская правда. 1964. 12 мая; Лавров Л. И. Карачай и Балкария... С. 86.

7 Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 279.

8 Чеченов И. М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. 25. С. 225; Его же: Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 45.

Итак, после окончания военных действий на территории современной Кабардино-Балкарии Тимур из местности Балкан двинулся в свой четвертый поход «к крепости Пулада, в которой укрылся Утурку (Удурку), один из старших эмиров Джучиева Улуса»[1]. Во время сражения Тимура с Тохтамышем на Тереке Удурку командовал одним из «корпусов» правого крыла Тохтамыша. А после поражения он, оказывается, бежал к Пуладу на Центральный Кавказ. Указанные действия, на наш взгляд, происходили уже на территории современной Северной Осетии. Еще дореволюционные авторы называли осетин в числе народов, подвергшихся нашествию Тимура[2].

Исследователи не исключают возможность отождествления крепости Пулада с Джулатом[3]. В таком случае Тимур из Балкана прямо направился в Верхний Джулат, располагавшийся близ современного села Эльхотово (Северо-Осетинская ССР). Пулад был правителем одноименного города-крепости, а возможно и всей области. Чтобы вызвать предлог для войны с ним, Тимур предъявил ему ультиматум о выдаче Удурку[4].

Пулад, уверенный в неприступности своей крепости, ответил: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для войны приготовлены, Утурку нашел у меня убежище, и пока душа будет в теле, я его не выдам, и пока смогу, буду защищать и оберегать его»[5]. Ответ Пулада вызвал гнев у завоевателя, и он двинул свои полчища на его владения.

Так как на пути к городу-крепости был такой густой лес, что, по образному выражению Йезди, «от множества деревьев и сплетения ветвей туда с трудом проходил даже быстрый ветер»[6], по приказу Тимура была прорублена просека шириной на 3 фарсаха (18—21 км). После этого войско Тимура подошло к городу-крепости, расположенному в ущелье. Эльхотовские ворота действительно во все времена имели чрезвычайно важное стратегическое значение. У этих естественных ворот, образуемых узким ущельем Кабардинского хребта, можно было прикрывать со стороны степи дорогу в Дарьяльское ущелье.

Местные жители заняли вход в ущелье и, «отрешившись от жизни, отчаянно начали сражаться»[7]. Ценой больших усилий и многих потерь Тимуру удалось овладеть крепостью. Завоеватель

[1] СМИЗО... Т. 2. С. 182; Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 375.

[2] Пфаф В. Б. Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871. Вып. 5. С. 65.

[3] Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 73. По мнению М. К. Джиоева, крепость Пулад также находилась на территории Северной Осетии. См.: Джиоев М. К. Указ. соч. С. 11.

[4] Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 375; СМИЗО... Т. 2. С. 122, 182..

[5] Там же. С. 182.

[6] Там же.

[7] Там же.

устроил поголовную резню побежденных, а город разрушил[1]. На этом месте остался Эльхотовский минарет, «тут есть и курган Тамерлана»[2]. Все это отголоски пребывания здесь безжалостного завоевателя.

Пулад, видимо, погиб при защите города, ибо он больше в источниках не упоминается, а Удурку бежал «в ущелье горы Эльбруз» (вероятно, в Дарьяльское ущелье Кавказского хребта). В отличие от Йезди, Шами не описал взятие Пулада, но в его сочинении есть упоминание о месте бегства Удурку: «А Удурку занял крепость Кабчигай и ущелье и начал игру жизнью»[3].

На Северном Кавказе было известно три Капчигая — на территории Кабардино-Балкарии (в Чегемском ущелье у Верхнего Чегема)[4], в Дагестане (в 18 км севернее города Буйнакска)[5] и в Северной Осетии (в преддверии Дарьяльского ущелья у современного города Орджоникидзе)[6], куда, надо полагать, и бежал Удурку. Эти события происходили после разгрома территории нынешней Кабардино-Балкарии и до военных действий в Дагестане, ибо между ними располагалась еще незавоеванная Тимуром область Симсим (территория современной Чечено-Ингушетии). Более того, только при локализации данного Капчигая в начале Дарьяльского ущелья удается логично выстроить направление всех походов и понять систему действий Тимура на Северном Кавказе (в тюркском языке «Капчигай» это уменьшительная форма названия Капкай).

В сочинении Абдареззака Самарканди сказано: «Утурку по Апасской дороге двинулся к горе Эльбруз»[7], то есть к Кавказскому хребту по Обезской или нынешней Военно-Грузинской дороге. Г. В. Цулая и другие исследователи полагают, что под «обезами» подразумеваются грузины[8]. Эти новые данные позволяют говорить, что крепость Капчигай, в которой укрылся Удурку, находилась на месте современного города Орджоникидзе, так как в данном случае речь идет о боевых действиях в конце 1395 года, а в Дагестан Тимур двинулся после зимовки на Куме, весной 1396 г.

---

1 Там же.

2 Марков Е. Очерки Кавказа. Спб., 1887. С. 62.

3 СМИЗО... Т. 2. С. 123.

4 Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Указ. соч. С. 84; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 115.

5 Гаджиев Б. Дагестан в истории и легендах. Махачкала, 1965. С. 192.

6 Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 томах. М., 1960. Т. 5. С. 421; Ракович Д. В. Прошлое Владикавказа. Б. М. и Г., С. 3; Владыкин М. Добавление к путеводителю и собеседнику в путешествии по Кавказу. М., 1977. С. 288; Семенов Л. П. Из истории города Дзауджикау. Дзауджикау, 1946. С. 8; Халилов Х. М. Лакский песенный фольклор. Махачкала, 1959. С. 32.

7 Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1, д. 16, л. 322 об.

8 Цулая Г. В. Обезы по русским летописям // Советская этнография. 1975. № 2. С. 101, 104; Сулава Г. Г. Что понимали в древней Руси под названием «обез»? // История СССР. 1957. № 2. С. 158.

Золотоордынский военачальник Удурку (бывший, очевидно, наместником Северного Кавказа) после бегства от Пулада заперся в крепости Капчигай. Тимур быстрым маршем подошел к городу и начал бой. Он штурмом взял крепость и, захватив большую добычу, сжег ее: «После большого сражения он вошел в крепость, убил без числа людей из его (Пулада) области и сжег их дома» [1]. Через некоторое время Тимуру донесли, что три отряда местных жителей, вырвавшиеся из окружения, стоят на склоне горы и готовы к бою. Пришельцы двинулись против них и в завязавшемся бою взяли в плен и сожгли всех [2].

В разгаре боя выяснилось, что Удурку вырвался из крепости и бежал в Апасское (Дарьяльское) ущелье. Сын Тимура Мираншах, командовавший правым крылом, прислал гонца с известием, что он гонится за Удурку и скоро схватит его: «Мы гонимся за Утурку и вошли в горы Эльбруса в местности Абаса» [3]. «Эльбрус» — ориентир весьма сомнительный, так как и реку Самур, и город Дербент в своих сочинениях Шами и Йезди помещают «у подошвы горы Эльбруз» [4].

Л. И. Лавров совершенно правильно отметил, что упоминание «горы Эльбруз» мало помогает разъяснению, так как под этим скрывался весь Кавказский хребет [5]. На наш взгляд, под названием Абаса (обеза, Аяса), пожалуй, можно подразумевать Дарьяльское ущелье и селение Ларс — древнее поселение, известное с XVI в. в русских источниках [6].

Тимур, получив известие Мираншаха, тотчас выступил в ущелье и разбил лагерь в Абасе (Ларсе?) [7]. Сюда и привели плененного Удурку. Тимур приказал заковать его в цепи и держать в заточении. А сам повернул обратно (к своей базе, где стоял обоз) и отдыхал несколько дней со своими воинами в районе Пятигорья и окрестностях его [8].

«Острым клином врезалась в сознание народа, — пишет А. Х. Магометов, — зловещая фигура Тимура, черные деяния которого не могли скрыться за толщей веков» [9]. В подтверждение своей мысли он приводит отрывки из осетинских преданий, записанных М. С. Тугановым. В них сообщается о сражении осетин с Тимуром

1 СМИЗО... Т. 2. С. 123.

2 СМИЗО... Т. 2. С. 182; Гаглойти Ю. С. Указ. соч. С. 207.

3 СМИЗО... Т. 2. С. 123, 183; Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 375.

4 СМИЗО... Т. 2. С. 119, 174—175.

5 Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. 4. С. 87.

6 Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом: Сборник документов. М., 1889. Вып. 1. С. 149.

7 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 375; СМИЗО... Т. 2. С. 123, 183.

8 Там же.

9 Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. С. 27.

на реке Гизель, о рубке леса у села Кора-Урсдон, в которой участвовали плененные аланы [1].

Не исключена возможность, что, когда Тимур двигался из Джулата в Капчигай (Орджоникидзе), отдельные отряды его были направлены в Дигорское ущелье. На это указывает тот факт, что все предания, связанные с нашествием полчищ Тимура, сохранились лишь у дигорцев (песня «Задалески нана», сказания «Ахсак-Тимур», «Как Ахсак-Тимур прибыл в Дигорию», «Задалесская мать», «Аксак-Тимур и Ладарта») [2].

Дарьяльское ущелье с древнейших времен имело не только стратегическое, но и важное торгово-экономическое значение. Здесь проходил торговый тракт или центрально-кавказская ветка Великого шелкового пути, связывавшая Закавказье и Ближний Восток с Северным Кавказом, Русью, Крымом и Поволжьем [3]. В горских легендах («Красавица Эхсина», «Старый гуд», «Шатер Авраама» и др.) упоминается о караванах «высокогорбых верблюдов или низкорослых мулов», направлявшихся в Персию или обратно [4].

Монгольские феодалы неоднократно пытались прорваться в Дарьяльское ущелье, а с образованием Золотой Орды установили здесь свой контроль. Они восстановили города-крепости, имевшие немаловажное торгово-экономическое значение. Это Капчигай (у города Орджоникидзе), Верхний Джулат (селение Эльхотово СОССР), Нижний Джулат (у города Майский КБССР) и Маджар (город Буденовск, Ставропольский край) [5].

Тимур также имел привычку в стратегически важных участках оставлять воинов для удержания населения в покорности [6], а его войско в основном состояло из персов, курдов, афганцев, таджиков и др. Характерно, что осетинские генеалогические предания повествуют о том, что Тимур являлся предком осетин (в отличие от преданий других горцев). Он был якобы женат на трех сестрах-осетинках, от которых произошли дигорцы, иронцы (тагаурцы) и осетины-туальцы [7]. Т. А. Хамицаева считает, что подобные легенды возникли на определенной исторической основе, связанной с вторжением Тимура [8].

---

[1] Туганов М. С. К материалам по изучению истории осетинского народа // Известия Юго-Осетинского НИИ. Сталинир, 1958. Вып. IX. С. 90—91.

[2] Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Вып. 2. С. 74—78; Жантиева Д. Г. Мотивы исторического эпоса северо-кавказских горцев // Записки Северо-Кавказского НИИ. Ростов-на-Дону, 1929. Т. 2. С. 184—185; Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973. С. 71—81; Джиоев М. К. Указ. соч. С. 11; Березов Б. П. Указ. соч. С. 15.

[3] Кузнецов В. А. О чем рассказывают археологические памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1968. С. 39; Его же: Алания в X—XIII вв. ... С. 161.

[4] Светлов В. Кавказские предания и легенды. Спб., 1895. С. 119, 167, 234.

[5] Кузнецов В. А. О чем рассказывают археологические памятники... С. 49—50.

[6] СМИЗО... Т. 2. С. 184; Хамицаева Т. А. Указ. соч. С. 82.

[7] Терские ведомости. 1911. 21 декабря. (№ 268).

[8] Хамицаева Т. А. Указ. соч. С. 82.

На территории современной Северной Осетии Тимур оставил тяжелый след разрушений (сжег два города — Джулат и Капчигай), что пагубно сказалось на жизни населения. Б. В. Скитский справедливо писал: «Многократные нашествия монголов, особенно Тимура, имели для алан тяжелые последствия. Пало аланское объединение, намного сократилось население, погибли культурные памятники» [1].

Таким образом, Тимур совершил четыре похода против жителей Северо-Западного и Центрального Кавказа и везде встречал достойный отпор, но разрозненные отряды горцев не смогли справиться с его многочисленным войском. Следующей жертвой Тимура была область Симсим, которая находилась на территории современной Чечено-Ингушетии.

БОРЬБА НАРОДОВ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ И ПРЕДКАВКАЗЬЯ ПРОТИВ ТИМУРА

После разгрома города-крепости Капчигай [2], локализуемого нами в начале Дарьяльского ущелья, на месте современного города Орджоникидзе, Тимур, как это обычно он делал во время завоевания Северного Кавказа, вернулся после очередного похода в свою кочевую ставку — Пятигорье.

Пока войско отдыхало, занималось переформированием и пополнением подразделений, Тимур вместе со своими высшими военачальниками разрабатывал план нового похода. Очередной его жертвой должна была стать «область Симсим», подвластная правителю Гаюрхану или Кырбеку [3].

В дошедших до нас источниках нет достаточно определенных сведений, ориентиров или деталей, которые могли бы прямо подсказать, какая же область Северного Кавказа именовалась в то время Симсимом. До похода на Симсим (в результате четырех походов) нашествию войска Тимура, двигавшегося с запада на восток, поочередно подверглись народы Северо-Западного Кавказа, а также народы, проживавшие на территории нынешних Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, где был разрушен Капчигай. Поход же Тимура на Симсим начался после взятия Капчигая и закончился вторжением его войск в «Аухар», под

---

1 История Северо-Осетинской АССР. М., 1958. Т. 1. С. 79.

2 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л., 1941. Т. 2. С. 123, 183.

3 СМИЗО... Т. 2. С. 123, 183; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 117, 119. Целесообразность объединения походов на Симсим и Чутур-Казак (страна палаточных казаков), то есть пятого и шестого походов Тимура, вызвана необходимостью соблюдать последовательность, ибо они следуют один за другим. Поход на Чутур-Казак вообще выпадает из цепи северокавказских горных походов 1395 года (как последний).

которым отдельные исследователи подразумевают Аварию[1], Г. Х. Ичалов — Салатавию[2], нами же она локализуется на подступах к Салатавии — в Аухе[3] (пограничный район между Дагестаном и Чечено-Ингушетией). Следовательно, под названием Симсим скрывалась территория современной Чечено-Ингушетии, то есть область, расположенная в промежутке между Осетией и Дагестаном[4]. Конечно, мы не утверждаем, что эта средневековая область точно укладывалась в нынешние административные границы республики. Какие же известия об этой стране можно извлечь из более чем скудных сведений источников?

Во-первых, то, что эта «страна Земзем» или Симсим не относилась к числу слабых и малых, ибо для захвата ее Тимур не ограничился набегом одного из подразделений своего войска, а предварительно отвел все войско на отдых в Пятигорье, чтобы подготовить его к новому походу. Об этом же может свидетельствовать и тот факт, что правитель Симсима не поспешил признать вассальную зависимость от грозного завоевателя даже тогда, когда полчища последнего стояли у самых границ страны, подвергая разгрому соседние области.

Во-вторых, источники свидетельствуют о том, что область Симсим имела своего правителя, который носил имя Гаюрхан (на чеченском языке — ГIайраха. — *Х. Х.*). Можно также предположить, что отдельные районы этой страны были выделены в уделы во главе с вассалами. В частности, одним из них являлся сын Гаюрхана — Мухаммед (по другому списку — Магомед)[5], который во время похода Тимура на Симсим вместе со своим илем (областью и подданными) выступил на стороне завоевателя против своего отца.

В-третьих, надо полагать, что социальные верхи страны Симсим уже приняли или принимали мусульманство, на что указывает имя сына повелителя Симсима — Мухаммед и то, что жители восточной части выступали воителями за веру[6]. С другой стороны, основная часть населения страны, особенно горных районов, придерживалась своих древних языческих верований и христианства. В источниках, например, сообщается, что во время боевых

---

[1] Криштопа А. Е. Еще раз о маршруте Тимура... С.. 141.

[2] Ичалов Г. Х. Борьба народов Дагестана против Тимура... С. 132.

[3] Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы против монголо-татарских завоевателей и Тимура // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1974. Т. IX. Ч. 3. Вып 1. С. 11—13.

Аух — пограничный район между Дагестаном и Чечено-Ингушетией, населенный чеченцами-аккинцами.

[4] Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 118. Под областью Симсим подразумевается только юго-восточная часть Чечни.

[5] Архив Даг. ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 48, л. 36.

[6] СМИЗО... Т. 2. С. 124, 185.

действий войско Тимура в горных районах Симсима разрушало «церкви и капища идолов (бутхане)»[1].

Остановимся теперь на подробностях завоевания Симсима. Войско Тимура одним ударом овладело плоскостной частью области. Однако не пожелавшая покориться завоевателю часть населения Симсима бежала и заняла в горах «неприступные места» для продолжения борьбы с Тимуром (а притеречные села он разорил еще в апреле 1395 года)[2].

По сообщению Абдарезззака Самарканди, Тимур объявил населению Симсима, что всякий, кто изъявит послушание, будет помилован, а всякий, кто станет сопротивляться, будет казнен[3]. Однако это трафаретное обещание завоевателей не возымело ожидаемого результата, о чем свидетельствуют развернувшиеся здесь боевые действия.

Нет точных данных и о том, какие города существовали к моменту нашествия Тимура на плоскостной территории современной Чечено-Ингушетии. Правда, при подведении итогов нескольких походов завоевателя по Восточной Европе, среди покоренных областей и городов упоминается и город Магас (Микес)[4], локализуемый исследователями на территории нынешней Чечено-Ингушетии, который тогда был известен далеко за пределами Кавказа. Если город отмечен в источнике тимуровского времени, то надо полагать, что он был восстановлен после сокрушительного монгольского погрома[5] и просуществовал до нашествия Тимура.

Одни исследователи отождествляют Магас с Алхан-Калинским городищем, другие размещают там город Дедяков. Как бы то ни было, «город был исключительно густо населен, хозяйственные занятия его обитателей (земледелие, скотоводство, рыболовство, металлургия, гончарное дело, ткачество и т. д.) были разнообразны и совершенны для того времени»[6].

Интересный материал о крепости Окоп (Алхан-Кала) был собран М. Федотовым и опубликован под названием «Документы Тимура (Тамерлана)». Он, в частности, пишет: «Некоторые старожилы-чеченцы, по преданиям и некоторым записям, передают, что там жил со своими полчищами грозный вождь — хромой Тимур, при котором в этой крепости имелось 1900 домов»[7]. Русские

---

[1] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 375.

[2] СМИЗО... Т. 2. С. 175.

[3] Архив востоковедов.., л. 322 об.

[4] СМИЗО... Т. 2. С. 185.

[5] Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР. 1965. № 5. С. 98—99; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. ...С. 36—37.

[6] Марковин В. И., Ошаев Х. Д. О местоположении Ясского города Дедякова // Советская археология. 1978. № 1. С. 83—96; Мамаев Х. М. О городе Дедякове и Алхан-калинском городище // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 112—120.

[7] Терские ведомости. 1911. 20 августа.

послы XVI века останавливались на Холопенском городище (Алхан-Кала), «что был город Темир-Аксака»[1].

По другой публикации, войско грозного Тимура двигалось в горы территории нынешней Чечено-Ингушетии вверх по течению Аргуна и Сунжи. Для этого оно переправилось на правый берег реки Сунжи недалеко от того места, где ныне расположен город Грозный. Именно здесь, согласно преданиям, по приказу Тимура был построен мост через Сунжу, от чего и сама переправа через реку в этом месте получила название «Копыр-Аксак-Тимур», то есть «мост Хромого Тимура»[2].

Как раз на подступах к предгорьям Чечено-Ингушетии было разгромлено основное войско Симсима. И по сведениям Шами и Йезди, именно после этого сын Гаюрхана Мухаммед, «повязавшись поясом повиновения и послушания», перешел со своим илем (областью и подвластными) на сторону Тимура и, «удостоившись чести целования ковра, вступил в число слуг двора»[3]. В источнике подчеркивается, что после поражения на плоскости не все жители Симсима поступили таким образом. В отличие от Мухаммеда, «другая группа жителей этих мест бежала и, укрывшись в горах, ушла в такие недоступные места, куда и пеший с трудом мог добраться»[4]. Если бы бежавшие выразили свое нежелание подчиняться Тимуру только таким образом, как бегство, вряд ли расчетливый агрессор погнал бы свои полчища на горные кручи. Дело, видно, было в другом.

Уцелевшие плоскостные жители Симсима соединились с соотечественниками, жившими в горах, для продолжения борьбы с завоевателями. После захвата плоскости Тимуром война эта, несомненно, для местного населения превратилась из войны правящей верхушки в партизанскую народную войну. Эта война приняла широкий размах, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что придворные историки Тимура не посчитали нужным описать судьбу владетеля Гаюрхана, а сосредоточили все свое внимание на действиях войска Тимура в горах.

О силе сопротивления горцев говорит и тот факт, что историографы нашли нужным подчеркнуть, что «Тимур лично отправился

---

1 Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом: Сб. док. М., 1889. С. 149.
2 Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 257.
3 СМИЗО... Т. 2. С. 183.
Побеги, видимо, были и со стороны противника. Любопытно ингушское генеалогическое предание о тюркском происхождении фамилии Баркинхой: «Баркин был одним из приближенных Тамерлана. На Кавказе между ним и завоевателем самаркандским произошел какой-то разлад. Тогда Баркин, чтобы избежать нависшей угрозы, ночью бежал из лагеря Тимура... Баркин женился и остался жить в Галгае. От него и пошли Баркинхоевы». См.: Далгат У. Б. Указ. соч. С. 231—232 (записано И. Дахкильговым у Х.-Б. Банхаева).
4 СМИЗО... Т. 2. С. 185.

против них...»[1]. Переходя к дальнейшему изложению событий, они сообщают, что вдобавок ко всем трудностям, которые пришлось испытать скопищу Тимура от отрядов горцев, было много неприступных мест, укрепленных башнями и крепостями[2], которые Тимур завоевывал и разрушал, а защитников сбрасывал в пропасти. Можно предположить, что Тимур разрушил целый ряд замков в горной Чечено-Ингушетии, о существовании которых говорят современные исследователи.

Здесь невольно напрашивается аналогия из исторического предания «Башня птичье крыло», в котором говорится: «В местности Башин-Кале есть гора Башин, вершины которой упираются в облака, и у смотрящего шапка валилась с головы. На одной стороне ее имеется отвесная скала. Местные богачи на ее неприступной вершине соорудили каменные башни до которых даже пущенная стрела не долетала. Войско Хромого Тимура, которое решило штурмовать крепость, назвало замок «Гонат-кала». На их языке «гонат» означает «крыло»[3].

В Чечено-Ингушетии и теперь находятся не только отдельные башни и башенные поселения, но и целые комплексы замкового характера, своей строительной традицией уходящие к XIII веку. Это наскальные замки-убежища, замки-цитадели, вынесенные на естественно защищенные места и дополнительно укрепленные оборонительными стенами или боевыми башнями, замковые комплексы, обнесенные оборонительной стеной. Датировка их сложна[4].

В одном из вариантов сочинения Йезди, который в XVIII веке был издан Пети де ля Круа во французском переводе, события в горах Симсима переданы в следующей редакции: «...Но имелось много жителей этих мест, которые убежали в горы и мужественно держались в крутых местах, где только с трудом могла пройти человеческая нога. Тимур сам отправился разыскивать их, он поднялся в эти трудные места, и его солдаты страдали от многих трудностей, атакованные ими оказали сильное сопротивление. Но, од-

---

1 Там же. С. 123, 183.

2 Там же. С. 183.

3 Чеченский фольклор. Грозный, 1964. Т. 2. С. 109 (на чеч. яз.). О местоположении этих крепостей в Аргунском ущелье см.: Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. Ч. 1. С. 157.

4 См. об этом: Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963. С. 160; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 58—113; Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII—XVII вв.: Автореф. канд. дисс. М., 1970. С. 15; Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977. С. 19—48; Марковин В. И. В стране вайнахов. М., 1969. С. 120; Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. С. 41—117; Даутова Р. А. Разведка позднесредневековых памятников в Майсте // Тезисы VI Крупновских чтений в Краснодаре. М., 1976. С. 18—19.

нако, в конце концов они были приведены к Тимуру, и он приказал сбросить их с вершин гор вниз» [1].

В условиях войны в труднодоступных ущельях незнакомых гор неоценимую услугу войскам Тимура, видимо, оказал переметнувшийся на сторону завоевателя Мухаммед. Но не столько тем, что пополнил их живую силу своим отрядом, сколько тем, что «сделался проводником». И должно быть поэтому войско Тимура оказалось способным нападать на горцев «в местах, на которые, по непомерной высоте их, даже воображение не в силах забраться...» [2].

Нам представляется, что после занятия плоскости войско Тимура отдельными отрядами рассредоточилось по ущельям и передвигалось по горам с запада на восток, захватывая и разрушая по пути крепости и замки [3], расположенные в основном в горной части современных Назрановского, Сунженского, Ачхой-Мартановского и Шатойского районов. Затем, после боевых действий в Аргунском ущелье, они, видимо, повернули на северо-восток, углубились в лесную зону нынешних Веденского и Ножай-Юртовского районов, вплоть до Андийского хребта. Об озлобленности завоевателя сопротивлением горцев говорит следующий факт: «Жителей тамошних, по приказанию Тимура, связав, сбросили с горы» [4].

Источники отмечают, что во время боевых действий в Симсиме воины Тимура «взяли много владений» (вариант — «бесчисленные области») [5]. Стремление Тимура расправиться с непокорными горцами было столь велико, что, по его приказу, войско с боем забиралось в такие места, «с которых ни конному, ни пешему нельзя было спуститься, а следовало оттолкнуться и скользить вниз» [6]. Подчеркивая необычайную силу сопротивления населения территории Чечено-Ингушетии, ожесточенность боевых действий в сложнейших горных условиях, Йезди с трепетом писал, что и сам властитель Тимур «подвергался этим ужасам и опасностям» [7].

Разъяренный Тимур «покорил — даже нет, уничтожил — врагов в таких местах, где Рустем, сын Дастана, оказался бы не в силах» [8]. На высших точках гор Симсима, заселенных людьми, «один-

---

1 Архив Даг. ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 48, л. 36 /Пер. с фран. З. Кидаловой.
2 СМИЗО.. Т. 2. С. 183.
3 Там же. С. 123, 183.
4 Там же. С. 128, 183. По первому варианту: «...жителей, связав, бросили с крепости вниз».
5 Там же.
6 Там же. С. 183.
Поход проходил глубокой зимой в самом конце 1395 г., когда непроходимые лесные дебри после опадания листьев стали доступными для 300-тысячного скопища Тимура, которое свыше месяца грабило население.
7 Там же.
8 СМИЗО... Т. 2. С. 123.
По мнению Э. В. Ртвеладзе, здесь дается сравнение с эпическим персидским богатырем, чьи подвиги считаются на Востоке высшим мерилом силы и героизма.

два дня огонь гнева его так пылал, что сжег и сухое и влажное, и он разорил и уничтожил все церкви и капища их»[1].

«Слустившись оттуда», то есть с гор Симсима, на плоскость, Тимур направил свое войско в набег на предгорный район Аухар, населенный чеченцами-ауховцами (аккинцами). В сочинении Мирхонда сказано, что Тимур, вернувшись с гор Симсима на плоскость, «пришел к подножию горы Демень и напал на иль и улус этой равнины»[2], что может быть сопоставимо с монгольским военно-административным округом — туменом, существовавшим в XIII—XIV веках в междуречье Терека и Сулака[3].

Предварительное исследование, проведенное М. Б. Мужухоевым в районе Ауха, дало эпиграфический материал XVI века[4]. Что касается этнического состава этого района, то, по мнению А. В. Гадло, археологические раскопки показывают, что еще в раннем средневековье проживали там вайнахи[5]. Эти новые данные ставят под сомнение попытку некоторых исследователей провести данный отрезок маршрута Тимура по высокогорной Аварии[6]. Шами и Йезди сообщают, что Тимур «сделал набег на предгорья горы Аухар»[7]. В другом месте источника Аухар выступает как отдельный район, владение. Аух — пограничный район между Дагестаном и Чечено-Ингушетией, встретившийся Тимуру после Симсима при продвижении с плоскости в горы. А с Кумыкской низменности до Салатавских гор можно дойти только через Аух. Тюркоязычные народы Дагестана называют чеченцев-аккинцев и их территорию «Аух», во множественном числе добавляется суффикс «-лар» — «Аухар». Кстати, почти все аккинские села оканчиваются на термин «Аух»[8].

Дополняя сообщение придворных историков Тимура, Г. Э. Алкадари и А. К. Бакиханов пишут, что этот завоеватель вторгся с Кумыкской низменности в восточные окраины Чечни и после сильного сопротивления жестоким штурмом взял и разорил город Алмак[9], имевший 7—8 тысяч домов, а жителей окрестных мест переселил на равнину.

---

1 СМИЗО... Т. 2. С. 123, 183.

2 Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 375.

3 Лавров Л. И. Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 163—175.

4 Мужухоев М. Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 127—128.

5 Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 148—149. Однако этническая атрибуция этого района очень спорна.

6 Криштопа А. Е. Еще раз о маршруте Тимура... С. 141—142.

7 СМИЗО... Т. 2. С. 123, 183.

8 Наше мнение по этому вопросу изложено в статье: К истории чеченцев и их борьбы против монголо-татарских завоевателей и Тимура // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1974. Т. IX. Ч. 3, вып. 1. С. 11—13.

9 Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 29; Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 64. Ныне там, у одноименного села, находятся развалины городища.

Маршрут отряда, посланного в набег Тимуром, пролегал скорее всего вверх по рекам Ямансу, Ярыксу и Акташу, далее по Салатавии и Андийскому Койсу вверх до Аварии. Войско привезло оттуда «много добычи, корма и пищи»[1]. Видимо, в этом и заключалась его задача. Отсюда отряд вернулся к своему обозу в Пятигорье.

Сведения источников дополняет предание «Тамерлан и зеркало». В нем перечисляются награбленные и захваченные им дивные кони, красивые женщины, различные ткани, сосуды, оружие, шлемы, щиты, панцири, копья, луки, мечи и др. Все это и манило взоры завоевателя и его приспешников[2]. Как правильно подчеркнул А. П. Новосельцев, «Тимур понимал, что его держава, созданная мечом, будет существовать лишь до той поры, пока он способен в интересах знати совершать свои победоносные, приносящие добычу походы»[3].

На территории нынешней Чечено-Ингушетии во время нашествия Тимура в источниках упоминаются владения и владельцы, которые могли появиться лишь в результате довольно резко выраженного имущественного расслоения общества и зарождения в нем феодальных отношений[4]. «В этой горной области они взяли много владений»[5].

Чечено-Ингушетия в своем развитии шла тем же путем, что и соседние области, хотя были и свои специфические особенности. Нашествие же Тимура нарушило весь ход общественного развития и оставило тяжелые последствия в экономике. В частности, Чечено-Ингушетия в своем развитии была отброшена на несколько веков назад. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что «достаточно простых случайностей, вроде вторжения варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала»[6].

Изложенные факты позволяют говорить о правомерности и для Чечено-Ингушетии утверждения академика В. В. Бартольда о том, что в чужих странах ревность к вере была для Тимура только предлогом для достижения политических целей[7].

---

[1] СМИЗО... Т. 2. С. 123.

[2] Цаликов А. В горах Кавказа: Быль, очерки и легенды. М., 1914. С. 100. Предание «Тамерлан и зеркало», видимо, записано от чеченцев или кумыков, так как он работал учителем в Чечено-Ингушетии и в с. Аксай, где в основном проживали чеченцы и кумыки. У осетин это предание неизвестно.

[3] Новосельцев А. П. Об исторической оценке Тимура // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 5.

[4] Гриценко Н. П., Хасбулатов А. И. Классы и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в XI—XIX вв. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный, 1979. С. 10.

[5] СМИЗО... Т. 2. С. 183.

[6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 54.

[7] Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 159.

По приказу Тимура его воины вырубали в стране Симсим лес, уничтожали сады, растаптывали возделанные поля, разрушали города и села, башни и культовые сооружения, уводили скот и материальные ценности, забирали в рабство молодежь и ремесленников — одним словом, подрывали производительные силы и все, что было достигнуто многовековым трудом народа [1]. Как подчеркивал К. Маркс, «политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и, таким образом, всюду наводить ужас» [2].

Территория современной Чечено-Ингушетии подвергалась неоднократным опустошительным нашествиям иноземных захватчиков, и в народе выработалась своеобразная военная игра, связанная, в частности, с именем Тимура. Она являлась своего рода военным ученьем, а для молодежи служила экзаменом на зрелость. Эта военная игра была известна как сражение у «рва Тамерлана», в ходе которой брались «пленные», требовали выкуп, имитировали убийства, ранения и т. д.

Большой интерес вызывают имевшие место у вайнахов драматические действия на основе исторических событий (подобно представлению русской народной драмы «Как француз Москву брал») [3]. По записи А. И. Краснова, театрализованные представления проходили так: «Горцы, собиравшиеся из многих окрестных аулов, делились на две партии. Одна партия называлась войском Тамерлана, другая — народным. «Войска» располагались на противоположных сторонах «рва Тамерлана». Разыгрывавшиеся поединки представляли настоящую картину боя» [4]. Такой след в памяти народа оставили события более чем полутысячелетней давности.

Имя завоевателя глубоко запечатлелось в ономастике и топонимике Чечено-Ингушетии — это имена Тимарбек, Тамерлан, Тимар, Тимарсолта [5]. Еще в прошлом веке среди чеченцев и ингушей было широко распространено мнение о наличии так называемого «рва хромого Темира», который будто бы тянется от Каспийского

---

[1] СМИЗО... Т. 2. С. 123—124; 183—185; Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 29; Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 126; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 127.

[2] Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. М., 1939. Т. VI. С. 185.

Жестоким он запечатлен и в фольклоре чеченцев и ингушей. Их легенды даже утверждают, что эти черты были заметны в нем с детства. Стремление отца обуздать Тимура якобы явилось причиной его хромоты. См.: Чеченский фольклор. Грозный, 1964. Т. 2. С. 112 (на чеч. яз.); Ингушский фольклор. Грозный, 1967. Т. 2. С. 123 (на инг. яз.)

[3] Дахкильгов И. А. Ингушская литература. Грозный, 1975. С. 18.

[4] Краснов А. И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963. С. 54. Запись сделана со слов долгожителя Х. А. Айбасова, родившегося в 1835 г. в селении Шали, отец которого много раз участвовал в фехтовальных поединках у «рва Тамерлана».

[5] Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965. С. 216.

до Черного моря и проходит по территории Чечено-Ингушетии [1].

Рассмотрим теперь следующий, шестой по счету поход Тимура. Покорив область Симсим, то есть территорию современной Чечено-Ингушетии и район западного Дагестана, Тимур, согласно Шами и Йезди, повернул назад и направился на отдых к своей базе в Пятигорье (Бешкент) [2].

После небольшого отдыха он двинулся в новый поход и разорил область Чутур-Казак (область палаточных казаков), которая, на наш взгляд, географически совпадает с Предкавказьем, нынешней территорией Ставропольского края. «Предав всех заблудших, живших в этих горах, сжигающему зло мечу, бойцы за веру победоносного войска разорили иль Чутур-Кавказский, овладели большой добычей и захватили также множество меду», — свидетельствует Йезди [3].

Основанием для локализации описанных событий на Ставропольской возвышенности (Предкавказье) является не только то, что этот поход совершенно выпадает из цепи северо-кавказских горных походов, но и то, что после завершения боевых действий в Чутур-Казаке Тимур остановился на зимовье в «местности Бугаз-Кум», то есть на Куме. Он обычно перемещал свой обоз поближе к району боевых действий. Добавим сюда, что в одном из списков источника сообщается о направлении движения Тимура в начале данного похода со своей кочевой ставки — Пятигорья — на Север [4]. Кроме того, есть прямое указание Йезди (правда, в другом месте) о разорении Тимуром Маджара [5] — крупного торгово-ремесленного города Предкавказья. Остатки города Маджар располагаются у г. Буденовска в Ставропольском крае.

В период подчинения степной части Северного Кавказа Золотой Орде город являлся крупнейшим административным центром, через который проходил важнейший торговый тракт, связывавший Европу с Азией [6]. Поэтому нам хочется более подробно остановиться на значении указанного города (городище имеет в длину примерно 4 км и в ширину — 2 км).

В письменных источниках домонгольского времени город под названием Маджар не встречается, но это не исключает возмож-

---

1 Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 17; Ахриев Ч. Канава Тимура Хромого // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 20.

2 СМИЗО... Т. 2. С. 123, 183.

3 СМИЗО... Т. 2. С. 184.

4 Архив Даг. ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 48, л. 37.

5 СМИЗО... Т. 2. С. 185.

6 Минаева Т. М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1953. Вып. 5. С. 131—167; Волкова Н. Г. Маджары // КЭС. М., 1972. Т. 5. С. 41—66; Ртвеладзе Э. В. К истории города Маджар // СА. 1973. № 3. С. 149—163.

ность существования этого города под другим названием. Большинство известных монет Маджарского чекана относятся к периоду 1291—1395 гг., то есть появляются в конце XIII и исчезают в конце XIV в.[1]. Видимо, на указанный период падает расцвет Маджара, что связано с общей обстановкой — в Золотой Орде наметился с середины XIII века переход от грабительских войн к развитию ремесел и торговли, созданию новых городов с целью получения от них больших доходов.

Город Маджар был не только ремесленным, но и торговым центром на Северном Кавказе. Он находился на путях, соединявших в то время Закавказье и Малую Азию с устьями Дона и Волги, далее — с Крымом и Средней Азией. Пути эти определились задолго до эпохи Золотой Орды и были хорошо известны тогдашнему торговому миру. Недаром Ибн-Батута называл Маджар «одним из лучших городов тюркских», где имелись базары и соборные мечети[2].

Процветала в то время здесь еще одна отрасль торговли — это торговля рабами. Рабы вывозились в Крым, в Генуэзские колонии. Оттуда они направлялись дальше. Вывозились рабы также в Египет и в восточные страны. Эль-Омари писал, что большая часть войска египетского состоит из невольников и беглецов с Северного Кавказа, которые вошли в историю под названием мамлюков. В середине XIII века мамлюки захватили власть в Египте и установили свою династию, длившуюся около трехсот лет[3].

Мощь и успехи мамлюкского государства были весьма внушительны, что доставляло немало неприятностей Тимуру. В частности, нельзя исключить и этот фактор, который мог сыграть свою роль в его решении покончить с городом Маджар. Исполнив свой замысел, Тимур расположился на зимовье в местности Бугаз-Кум (в низовьях реки Кумы).

А в это время отдельные части его войска были заняты покорением прикаспийских рыбаков. Тут к нему в лагерь прибыл посланец эмира Табина (наместника Тимура в Нижнем Поволжье) и доложил о готовящемся восстании жителей Астрахани во главе со старшиной Мухамеди[4].

Тимур сам возглавил карательный поход против города Хаджи-Тархана (Астрахани), жители которого осмелились возмутиться его наместником, а часть войска направил на город Сарай. После окончания «астраханской» карательной экспедиции и разрушения города Сарая Тимур с огромной добычей и большим количе-

---

[1] Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев, областей Кавказа. Баку, 1957. Вып. 7. С. 98—101, 108—109; Ртвеладзе Э. В. Из истории городской культуры на Северном Кавказе. С. 11—15.

[2] СМИЗО... Т. 1. С. 287, 288.

[3] Босфорт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971. С. 101.

[4] СМИЗО... Т. 2. С. 184.

ством пленных вернулся назад на зимовье в Бугаз-Кум, то есть на Куму [1].

В ту зиму из-за сильных холодов большая часть скота погибла и цены на провиант и фураж резко возросли. Возникли продовольственные затруднения в войске. Одного барана, как указывают источники, невозможно было купить за 250 кебекских динаров, а один ман проса (3—4 кг) стоил 70 динаров [2]. Для того времени это являлось неслыханной ценой: по определению А. Ю. Якубовского [3], 1 кебекский динар в золотом исчислении был равен 50 копейкам. Трудности вызвали упадок духа воинов, ослабла дисциплина. Поэтому Тимур вынужден был своим интендантам отдать распоряжение поделить между воинами добычу, вывезенную из Астрахани и Сарая — хлеб, деньги и скот. Это несколько смягчило солдат [4].

Но Тимур все же не думал останавливаться на достигнутом. Йезди подчеркивал: «Когда все области Дешт-и-Хазара, правое и левое крыло улуса Джучиева и прочие северные страны были покорены, когда подобные небосводу войска, сделав набег на области и места того края — земли Укека, Маджара, русских, черкесов, башкирдов, Микеса, Бальчимкина, Крыма, Азака, Кубани и аланов со всем к ним принадлежащим и относящимся, — высказали свою силу и полную власть, а из врагов те, которые остались в живых, оказались бродячими, растерянными и бездомными, Тимур-завоеватель в начале весны 798 г. (16/I 1395 — 4/X 1396), соответствующего году мыши, благополучно выступил из зимовья Бугаз-Кум и направился в сторону Дербента и Азербайджана» [5].

Так закончились пятый и шестой походы Тимура. Во время этих походов он разрушил три города (Магас, Маджар, Алмак). Боеспособное население, отстаивая свою свободу и независимость, под натиском превосходящих сил врага вынуждено было отступить с плоскости в горные ущелья для продолжения борьбы. Тимур, покончив с плоскостью, преследуя сопротивлявшихся, совершил долговременный карательный поход глубоко в горы и стал истреблять местных жителей, уничтожать их материальную культуру и подрывать экономику. Не случайно, например, в чечено-ингушском фольклоре он выступает как сугубо отрицательный персонаж.

Опустошение и ограбление городов и сел обусловили упадок в них торговли и ремесленного производства. Резко сократилось население страны. Происходил распад нахского этноса на отдельные общества, а страны Симсим на мелкие «землицы», которыми бы-

---

[1] Лавров Л. И. Черкесия в XIII—XIV веках // Красная Черкесия. 1941. 14 июня. (№ 138).

[2] СМИЗО... Т. 2. С. 185.

[3] Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 372.

[4] СМИЗО... Т. 2. С. 185.

[5] Там же.

ла представлена Чечено-Ингушетия XVI—XVII веков[1]. Предкавказье же вообще почти потеряло оседлых земледельцев, и его территорию заняли кочевники. И все же «о покорении не может быть и речи, — пишет Л. И. Лавров, — так как завоеватель не закрепил за собой Северный Кавказ, а ограничился разорением, после чего покинул его пределы»[2].

Нашествие Тимура имело для рассматриваемых областей самые отрицательные последствия. Как видим, вайнахи не были союзниками Тимура. Предки чеченского и ингушского народов так же, как и другие народы Северного Кавказа, героически отстаивали свою территорию, свободу и независимость от экспансии Тимура, но силы оказались неравными.

Однако им удалось нанести противнику чувствительные удары, и Тимуру понадобилось несколько месяцев для приведения своего войска в порядок, чтобы выступить в новый поход — на Дагестан.

БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ЭКСПАНСИИ ТИМУРА

Стратегия Тимура на Северном Кавказе заключалась в том, чтобы, во-первых, разрушениями и грабежом подорвать его экономику; во-вторых, расправиться с горцами за то, что они осмелились выступить против него, и террором обессилить их; в-третьих, захватить Северный Кавказ и наделить землею и властью благосклонно расположенных к нему местных правителей. Таким образом, Тимур намеревался содействовать установлению такой расстановки сил, которая оказалась бы благоприятной как для него самого, так и для его новых ставленников. Поэтому он, не останавливаясь перед большими потерями, стал вести боевые действия глубоко в горах Северного Кавказа, в частности — Дагестана.

Основную карательную экспедицию против народов Дагестана Тимур начал весной 1396 г. Но боевые действия горцев против него начались еще за год до этого, то есть, в 1395 г., когда Тимур шел через Дагестан для сражения со своим главным противником — Тохтамышем. Тогда Тимур пытался расположить горцев к себе и стремился обострить их антиордынское настроение подкупами и обещаниями[3].

3 апреля 1395 г. Тимур направил свое войско из долины Самура в сторону Дербента. Источники умалчивают об обороне этого неприступного города-крепости, но определенные формы сопротивле-

[1] Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963. С. 62; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 144.

[2] Красная Черкесия. 1941. 14 июня.

[3] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 371; Ичалов Г. Х. Борьба народов Дагестана против Тимура.. С. 124—139; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 119—123.

ния в его округе все-таки были. Об этом может свидетельствовать, в частности, мимоходом высказанное замечание Низам-ад-дина Шами о том, что через Дербент прошли, «одолевая справа и слева» [1].

Жители Дагестана не испугались многочисленных тимуровских полчищ и смело вступили с ними в бой. За Дербентом кайтагцы преградили Тимуру дорогу, но у них не хватило сил остановить его. Кайтагцы были объявлены Тимуром сторонниками Тохтамыша и «неверными», и он отдал приказ уничтожить и истребить этот народ [2]. «Войско внезапно бросилось на них и так потрепало края и стороны их, что из тысячи не спасся и один, всех ограбили и деревни их сожгли» [3]. Этим было положено начало захватническим набегам Тимура в Дагестан.

Так как Тимур спешил встретиться с Тохтамышем, он не стал углубляться в горы, а прямо двинулся на север, грабя по пути приморскую часть Дагестана. Был взят и разграблен Тарки. Та же участь постигла и другие населенные пункты [4]. Дойдя до Тарки (у современного г. Махачкала), он решил дать войску отдых и разбил здесь свой стан [5]. Только после этого Тохтамыш спохватился и выслал для охраны переправы через р. Койсу авангард своего войска во главе с Казанчи [6]. Через некоторое время разведка донесла Тимуру о расположении противника. Тогда он с отборным войском совершил ночной марш из Тарки до современного Кизил-Юрта (предположительно) и утром, переправившись через реку Койсу, разбил Казанчи. «Тимур, преследуя его, перебил много людей, и без числа воинов» [7].

Оттуда завоеватель быстрым маршем прошел Кумыкскую низменность и на Тереке разбил войско Тохтамыша, что являлось главной целью Тимура. Этим событием заканчивается первый этап похода Тимура на Северный Кавказ. Второй этап, охватывающий дальнейшие действия войск Тимура, происходившие на территории Поволжья, Руси и Крыма, выходит за рамки нашей темы. Третий этап начинается с выступления Тимура из Азова и охватывает боевые действия его войска непосредственно с горцами Северного Кавказа и заканчивается их уходом из Дагестана [8]. В тот период

---

[1] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... Т. 2. С. 119.

[2] Айтберов Т. М., Шихсаидов А. Р. Из дагестанских памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 109—110.

[3] СМИЗО... Т. 2. С. 175; Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 371 об.

[4] Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 122.

[5] СМИЗО... Т. 2. С. 119, 175; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 364; История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 207.

[6] Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 372; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 364; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 162.

[7] СМИЗО... Т. 2. С. 119, 175.

[8] Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 111.

Тимур, совершив пять походов, разорил многие районы Северо-Западного Кавказа, территорию Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии (Симсим). Ни одна область Северного Кавказа не осталась нетронутой завоевателем.

Наконец, спустившись с гор Симсима на плоскость глубокой зимой 1395 г., он «сделал набег на предгорья горы Аухар» — пограничный район между Дагестаном и Чечено-Ингушетией, населенный чеченцами-ауховцами (аккинцами) [1]. Это была первая территория после Симсима, на которую ступил завоеватель при продвижении с плоскости в горы. Продвигаясь по этой земле, после того, как местное население оказало ему сильное сопротивление, Тимур взял и разорил город Алмак [3], который был расположен на весьма важном стратегическом узле, прикрывавшем дорогу в Западный Дагестан вверх по р. Акаш и Андийскому Койсу. Ныне там, у одноименного села, находится обширное городище (Казбековский район).

Оттуда, как мы полагаем, он направился в Салатавию, а далее (по горной дороге, которая в народных преданиях сохранила название «дорога Тимура») подступил к Аварии. Здесь осадил укрепленные селения Берктау, Алхастау, Чубантау и Батлух (Ботлих) [4]. Горцы храбро защищались, но все-таки не смогли устоять перед превосходящей силой противника. Тимур разрушил эти села, а жителей окрестных мест якобы переселил на равнину и основал некоторые новые поселения [5].

Если правомерно отождествление Батлуха с Ботлихом, то Тимур не ограничился разорением Салатавии, а по Андийскому Койсу пошел в глубь гор до Андии и Аварии. Добавим, что «жители с. Гагатль Ботлихского района сохранили до наших дней предание, в котором рассказывается о кровавой расправе тимуровских войск с жителями этого селения» [6].

---

[1] СМИЗО... Т. 2. С. 123, 183; Хизриев Х. А. К истории чеченцев... С. 12—13.

[2] Отождествив Аухар с Салатавией, Г. Х. Ичалов (см.: Указ соч. С. 132) правильно определил данный отрезок маршрута Тимура и был близок к истине. Однако А. Е. Криштопа не учел сообщение источника о том, что Тимур прежде чем пойти на «Аухар», спустился с гор Симсима на плоскость и предложил новый маршрут — через высокогорную Аварию (см.: Криштопа А. Е. Еще раз о маршруте Тимура... С. 141—142).

[3] Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 29; Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 64; Магомедов Р. М. История Дагестана... С. 122.

[4] Ичалов Г. Х. Указ. соч. С. 132. Следует оговорить хронологическое смещение событий этого маршрута в статье Г. Х. Ичалова, где действия 1395 г. отнесены к 1396 г. и наоборот.

[5] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 208; Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. О маршруте похода Тимура... С. 208.

[6] Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. Указ. соч. С. 225. Текст предания см.: Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. II. С. 265.

Из Западного Дагестана Тимур повернул назад и направился на отдых к своему обозу в Пятигорье (Бешкент) [1]. После некоторого отдыха он выступил оттуда в Предкавказье и разорил область Чутур-Казак. «Оттуда Тимур прибыл в местность Бугаз-Кум и расположился на зимовье» [2]. Под этой местностью скорее всего подразумевались низовье реки Кумы и территория нынешнего Ногайского района (ДССР) [3]. Правители и феодалы Кумыкской низменности и Гази-Кумуха, боясь потерять свои сословные привилегии, явились в зимнюю ставку ко двору Тимура на Куму и изъявили ему свою покорность [4]. Но кумыкские крестьяне и рыбаки, жившие между Тереком и Сулаком, и не думали покоряться. Многие ушли в камышовые заросли и болотистые места для ведения партизанской борьбы. Эти люди, удачно используя местность и водную преграду, причиняли завоевателю немало неприятностей. Обозленный Тимур, как только реки покрылись льдом, направил против них карательные отряды, которые ограбили их и забрали в плен [5].

Затем, среди зимы, Тимур совершил поход на Волгу, где сжег Сарай и Астрахань. Захваченную добычу он раздал воинам и тем самым спас их от начавшегося голода. Только после этого завоеватель начинает основной поход в горы Центрального Дагестана. До его начала Тимур на протяжении 1395 г. успел разновременно разорить и разгромить Приморскую, Северную и Западную части Дагестана. При этом он имел уже опыт ведения горной войны.

Ранней весной 1396 г. Тимур выступил из зимовья и двинул свои войска для покорения горцев Центрального Дагестана: «Переправившись по льду через реку Терек и придя в Тарки, Тимур отделился от обоза, устроил победоносное войско и с целью священного набега двинулся на Ушкудже» [6].

Действия Тимура, на наш взгляд, происходили в районе нынешнего города Буйнакска. Упоминание в источниках сел Кадар, Дургели и других населенных пунктов ясно указывает на это [7]. Чтобы наказать жителей Центрального Дагестана, Тимур должен был

---

1 СМИЗО... Т. 2. С. 123, 183.

2 Там же. С. 123, 184.

3 Лавров Л. И. Черкесия в XIII—XIV веках //Красная Черкесия. 1941. 14 июня. (№ 138); Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 76—77. У ногайцев сохранились легенды о пребывании Тимура на их территории. В одной из них говорится о том, что Тимур потребовал от ногайцев огромную дань, которую они не в состоянии были уплатить. Записано в 1972 г., со слов восьмидесятилетнего Солтан-Ахмета Кандаурова, жителя г. Хасавюрта. Полевой материал.

4 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 375 об.; СМИЗО... Т. 2. С. 123, 184.

5 Там же.

6 СМИЗО... Т. 2. С. 123, 185.

7 Там же. С. 124, 187; Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 29; Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 64.

непременно овладеть этими воротами. Исследователи не отрицают факт пребывания этого завоевателя в районе Буйнакска [1] и даже связывают с его именем название данной местности (а неувязка происходит из-за допущенного хронологического смещения — события конца 1395 г. в Западном Дагестане поданы как происшедшие весной 1396 г. и наоборот) [2].

В сведениях, собранных еще в первой трети XVIII века путешественником И. Г. Гербером, сообщалось, что основной бой дагестанцы дали при продвижении Тимура в Центральный Дагестан: «Когда он здесь подле моря лежащих мест разорил, часть под себя побрал, то он и к ним внезапно приступил и с немалым числом войска в самую средину Дагестана вошел. Дагестанцы, прадеды их, вскорости заложили все дороги и проходы, собрались и напали на него и войско его побили...» [3].

Кроме всего прочего, необходимо иметь в виду то, что Ушкудже являлся первым населенным пунктом, встретившимся Тимуру при продвижении в Центральный Дагестан после выхода из Тарки. Значит, Ушкудже располагался на расстоянии не более одного перехода от Тарки, что опять ведет нас в район г. Буйнакска. Чтобы дойти до Акуши или Усиши (тем более — в Табасаран) [4], он должен был совершить долговременный поход в глубь Дагестана. При глубоком рейде Тимур подвергся бы нападению местных жителей, что непременно нашло бы отражение в источниках того времени.

Вернемся теперь к событиям, развернувшимся в связи со «священным» набегом Тимура на «неверный» Ушкудже. Вероятно, именно здесь, в районе современного г. Буйнакска, на этом стратегически важном участке и решили дать бой Тимуру-завоевателю объединенные войска горцев. На помощь местному населению пришли «шаухал Кази-кумухский и Аухарский с 3 тысячами человек» [5].

Тимур, узнав об этом, оставил основные силы для штурма Ушкудже, а с 500 отборными всадниками лично погнался за шамхалом [6]. В это время отряд шамхала беспечно отдыхал за холмом, отпустив лошадей на пастбище. Тимур срочно призвал к себе остальные отряды. Захватчики не замедлили воспользоваться удачей и

---

[1] Марковин В. И. Дорогами и тропами Дагестана. М., 1974. С. 65; Гаджиев Б. Ворота в горы Дагестана. Махачкала, 1966. С. 8; Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. Указ. соч. С. 227.

[2] Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 71; Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. Указ. соч. С. 226; Ичалов Г. Х. Борьба народов Дагестана против Тимура... С. 133—134.

[3] История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958. С. 78.

[4] Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. Указ. соч. С. 230; Ичалов Г. Х. Указ. соч.

[5] Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 376; СМИЗО... Т. 2. С. 124, 185.

[6] Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 376; СМИЗО... Т. 2. С. 124, 185; С. 135; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура... С. 191.
Маршаев Р. Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // Ученые записки института ИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1959. Т. 6. С. 170—171.

перебили часть горцев, а остальных захватили в плен. Голову убитого шамхала и пленных доставили к Тимуру[1]. Тот стал упрекать горцев за то, что они, будучи мусульманами, выступили против него — воителя за веру[2].

В данном случае подтверждаются слова академика В. В. Бартольда: «В чужих странах ревность к вере была для Тимура только предлогом для достижения политических целей»[3]. В частности, Тимур, манипулируя религиозными лозунгами, внимательно учитывал местную социальную специфику. Сообщение источника о том, что «у области Гази-Кумук и войска Аухара был обычай, что они каждый год и месяц (видимо, один месяц в году. — *Х. Х.*) сражались с неверными в Дагестане»[4], никак не может служить оправданием для Тимура. Оно говорит только о господстве здесь монотеистической религии, характерной для классового общества.

Закрепление областей за «старшинами, кадиями и вельможами»[5], практиковавшееся Тимуром в Дагестане, и выдача им ярлыков свидетельствовали о наличии здесь социальных верхов, на которые он хотел опереться. Так, в районе Ушкудже Тимур уничтожил большое количество людей и воздвиг гору из убитых[6]. Но зато за знатными людьми он закрепил их земли и, устроив пир, отпустил к себе домой с условием, чтобы они верно служили ему. Тимур «обласкал их разными милостями: почетными халатами, золототканными одеждами, золотыми поясами для мечей и арабскими конями»[7].

Цель — грабеж, опора — имущие классы; в этом и заключалась сущность политики завоевателя, которую он преследовал, как и повсюду в Дагестане[8]. Ярким подтверждением этого является то, что как только завоеватели дошли до Ушкудже, Тимур «разослал в разные стороны войска», которые «поспешили... громить и грабить»[9]. Ушкудже наконец взяли, население вырезали и опустошили всю их область.

Покончив с Ушкудже, Тимур двинулся дальше. «Затем была крепость по имени Нергес, — свидетельствует Шами. — Войско Тимура там также много сражалось, много народу было убито, и в конце концов ее взяли»[10]. Трудно понять трагическую судьбу крепости Нергес (Аркас?), пока не будет установлено ее местона-

---

[1] Там же. По Мирхонду, шамхала убил ширваншах Ибрагим. См. об этом: Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 376.
[2] СМИЗО... Т. 2. С. 124, 186; Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 376.
[3] Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 159.
[4] СМИЗО... Т. 2. С. 124.
[5] Там же. С. 124, 186.
[6] Там же.
[7] СМИЗО... Т. 2. С. 124, 186.
[8] Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 128.
[9] СМИЗО... Т. 2. С. 123, 185.
[10] Там же. С. 124.

хождение. В данном случае нам может помочь сопоставление отдельных фактов. Обращает на себя внимание то, что Тимур долго не мог взять Нергес, «много бился», «много народу было убито». Знают ли о такой крепости или городе местные источники? Да, таким «орешком» для Тимура был город Кадар с населением 7—8 тысяч семейств [1] (в нынешнем Буйнакском районе).

После долгой осады, чтобы овладеть городом, Тимур прибег к хитрости — впервые применил своего рода тактику «троянского коня». Под видом подарков он отправил в город множество сундуков, внутри которых спрятал воинов. Жадная знать города польстилась на подарки и пропустила караван. Как только тот вошел в город, воины Тимура выскочили из сундуков, перебили стражу и, открыв ворота, пропустили главные силы. Безжалостный Тимур жестоко расправился с городом, разрушил его до основания, а всех жителей перебил [2].

Придворный историк Тимура, конечно, не мог обойти молчанием такое крупное событие. Но непосредственно у селения Кадар нет городища, археологически сопоставимого с таким крупным городом. Таким обширным поселением является средневековое городище Аркас (X—XV вв.) [3], расположенное сравнительно недалеко от Кадара, которое и можно отождествить с крепостью Нергес [4]. Примечательно, что у кадарцев до сих пор сохранилось предание, согласно которому они считают себя выходцами из Аркаса.

Вслед за тем, как была уничтожена и сравнена с землей крепость Нергес-Аркас, Тимур устроил облаву на непокорившихся горцев. Уцелевшие жители крепости и близлежащих сел бежали и укрылись в ущельях и пещерах окрестных высоких гор (видимо, Гимринского хребта) и продолжали отчаянное сопротивление захватчикам [5]. Когда все средства наступления и устранения не привели горцев к покорности, завоеватели решили их уничтожить. Чтобы добраться до сопротивлявшихся, Тимур приказал посадить своих вооруженных воинов в ящики и опустить их на веревках по отвесным скалам до уровня пещер и горных расщелин. «Ударами дротиков и стрел они истребили тех несчастных... и ограбили все их добро и имущество» [6], — в такой редакции дошел до нас источник, запечатлевший этот драматический и вместе с тем героический эпизод борьбы дагестанских горцев за свою свободу и независимость.

---

[1] Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 29; Бакиханов А. К. Указ соч. С. 64.

[2] Магомедов Р. М. История Дагестана... С. 122.

[3] Атаев Д. М. Раскопки Аркасского городища: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР: Тезисы докладов. Баку, 1965. С. 128.

[4] Алиев Б. Г. и Шихсаидова Р. С. отождествляют Крепость Нергес с даргинским селением Герга.

[5] Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 376; СМИЗО... Т. 2. С. 124, 186.

[6] Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 376; СМИЗО... Т. 2. С. 186.

Затем Тимур ограбил и уничтожил укрепления в нынешнем Буйнакском районе — Мика, Балу и Деркелу (Доргели) [1]—и оттуда, «повернув обратно», с добычей возвратился к своей базе (то есть в Тарки). Видимо к этому времени и относится сообщение о том, что один из кумыкских предводителей одноглазый Губден со своим отрядом был осажден полчищами Тимура. Обдумывая выход из тяжелого положения, Губден попросил свидания лично с Тимуром. Представ перед завоевателем верхом на быке, он в форме шутки спросил: «Я, слепой, приехал спросить тебя, хромого, для чего ведешь с нами войну и что у нас есть такого, чтобы ты мог взять?». Повествуют, что якобы Тимуру понравилась простота и откровенность местного вождя, за что он подарил ему землю, раскинувшуюся вокруг нынешнего селения Губден, получившего свое название в честь упомянутого предводителя [2].

Это предание доносит до нас память о фактах передачи в наследственные владения определенных земель с правом взимания с их жителей налогов и податей — распространенная «восточная форма лена» — суюргал, как отмечает А. Р. Шихсаидов [3]. Таким пожалованием Тимур рассчитывал увеличить ряды своих сторонников, укрепить свою власть и ослабить позиции своего противника — Тохтамыша.

Отдохнув в Тарки, Тимур вновь выступил в глубь гор внутреннего Дагестана. Надо полагать, именно во время этого горного рейда завоеватель дошел до лакского селения Кази-Кумух и встретил там отпор, хотя и безуспешный, что отразилось в фольклоре. У лакцев сохранилась эпическая песня «Парту Патима», записанная в селении Кумух. Это сказание о лакской девушке-воительнице, подвиги которой приурочиваются к эпохе борьбы с жестоким Тимуром:

Клинки о щиты ударяться устали,
Друг с другом противники драться устали,
Устали скакать скакуны боевые.
Монгольское войско смутилось впервые,
Тимур не запомнил подобных боев! [4]

Очевидно в этот период войско Тимура огнем и мечом прошло также территорию, заселенную даргинцами, что отразилось и в

[1] СМИЗО... Т. 2. С. 187.
По мнению Э. В. Ртвеладзе, крепости Мика и Балу — лакские села Мекеги и Балхар (?), а Деркелу — даргинское село Кадар. См.: Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 123.

[2] Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 30; Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 65.

[3] Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969. С. 186—187.

[4] Поэзия народов Дагестана. Махачкала, 1954. С. 54; Халилов Х. М. Лакский песенный фольклор. Махачкала, 1959. С. 80.

преданиях этого народа. Они тщательно собраны и введены в научный оборот Б. Г. Алиевым и Р. С. Шихсаидовой. Согласно им, тимуровские полчища проходили села: Усиша, Муги, Герга, Мегеги, Мюрего и др.[1]. При этом от тамошних жителей Тимур требовал девушек, корма и покорности, а непокорных растаптывал своей конницей, то есть завоеватель оставался верен своей политике, которая, по меткому выражению К. Маркса, заключалась в том, чтобы «всюду наводить ужас»[2].

Полчища Тимура продвинулись в глубь гор до Кумуха, затем, продолжая путь по даргинской территории облавой на восток, дошли до «области Зирихгеран» (Кубачи)[3]. Тимур был осведомлен о высоком мастерстве кубачинских оружейников и поэтому хотел без боя привлечь их на свою сторону[4]. Надо полагать, что и кубачинцы предпочитали избавиться от жестокого завоевателя подарками собственного производства, лишь бы он не разорил их жилища. Наверно поэтому в источник легла запись о том, что кубачинцы покорились Тимуру и «поднесли ему множество броней и кольчуг»[5]. Завоеватель высоко оценил мастерство кубачинцев и удостоил их разными почестями и наградами.

Передвигаясь из Кубачи к морю, Тимур вновь оказался в области Кайтаг. Тут надо иметь в виду то, что кайтагцы еще за год до этого имели возможность встретиться с завоевателем и при этом оказали ему отчаянное сопротивление, из-за которого подверглись страшному погрому. Вот почему при вторичном появлении Тимура они вынуждены были покориться и просить пощады[6].

Историки Тимура не скрывают неблаговидные дела своего кровожадного властителя. Более того, они преподносят их как подвиги. Так, например, после окончания северокавказских походов, в частности, после покорения Центрального Дагестана, воины Тимура «шли каждый с пятью-шестью стройными, как кипарис, и прекрасными, как розы, девушками в объятиях и с огромной добычей на арбах»[7]. Там, где проходили полчища Тимура, как отмечает Р. М. Магомедов, все было залито кровью[8].

Выйдя из гор на приморскую часть, Тимур прибыл в Дербент. Обычно при завоевании Дагестана Тимур разрушал городские стены, крепости, уничтожал все укрепленные сооружения и препятствовал их восстановлению. С Дербентом он поступил иначе. Принимая во внимание хозяйственное, торговое и стратегическое зна-

---

[1] Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. Указ. соч. С. 231—233.
[2] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1939. Т. VI. С. 185.
[3] Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 376; СМИЗО... Т. 2. С. 187.
[4] Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 72.
[5] СМИЗО... Т. 2. С. 187; Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 376.
[6] СМИЗО... Т. 2. С. 124, 187.
[7] Там же. С. 187.
[8] Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 122.

чение Дербента, а также возможность использования этой крепости для прикрытия своих владений в Закавказье и Иране от нападений Золотой Орды, Тимур весной 1396 г., покидая Северный Кавказ, приказал воздвигнуть в Дербенте оборонительные сооружения и укрепить стены города [1].

В Таджикистане недавно найдена редкая монета, чеканенная в Дербенте, на которой выбито: «Султан Махмуд-хан, да продлит Аллах его царствование, великий эмир Тимур» [2]. Видно, Дербент временно попал в сферу влияния Тимуридов.

Двигаясь далее на юг по территории, заселенной лезгинами, Тимур не мог не чувствовать враждебного отношения к себе со стороны местного населения. Источники повествуют, что завоеватель был очень обеспокоен этим обстоятельством и приказал своему вассалу — правителю Ширвана Шейх-Ибрахиму, чтобы тот «следил за границей» [3].

Современник описываемых событий архиепископ Персии И. Галонифонтибус оставил весьма ценные для нас сведения о борьбе лезгин против Тимура. Он сообщает, что Тимур во главе 100-тысячного войска сделал попытку проникнуть в лезгинские горы. Но лезгины встретили непрошеных пришельцев «перед густым лесом и нанесли им такие потери, что Тимур-ленг приказал отступить» [4].

Действия Тимура в Южном Дагестане и ответная реакция жителей нашли отражение в легенде «Каменный мальчик». Исследователь фольклора Н. В. Капиева пишет: «Прекрасен образ лезгинского мальчика — безымянного пастушонка, не потупившего взгляда перед грозным Тимуром, слова не промолвившего под пытками» [5]. Согласно легенде, Тимур проник глубоко в ущелье, но нашел там покинутые аулы, испорченные родники. Захватчики стали страдать от жажды. Во все стороны были разосланы гонцы, которые вернулись без воды и проводников. Правда, они нашли мальчугана-пастушонка, но он не захотел помочь завоевателям. Тогда воины Тимура сначала подвергли его пытке раскаленным железом, затем уже предлагали ему золото, но так и не узнали дорогу к роднику. Затем мальчику выкололи глаза, лишили его языка, и тогда мальчик, чтобы преградить завоевателю обратный путь, якобы превратился в скалу [6]. Заканчивается легенда пламенным призывом:

---

1 СМИЗО... Т. 2. С. 124, 187.

2 Подольский А. Редкая находка // Советская Россия. 1980. 18 сентября.

3 Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д. 14, л. 376; СМИЗО... Т. 2. С. 187.

4 Галонифонтибус И. Д. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1980. С. 26.

5 Песни народов Дагестана /Вступ. статья и сост. Н. В. Капиевой. Л., 1970. С. 14.

6 Поэзия Дагестана: Антология. Махачкала, 1971. С. 34—36.

Разве можно горцам Дагестана
Примириться с горькою годиной?
Разве можно горцам Дагестана
Не вступить в борьбу семьей единой?! [1]

Военные действия Тимура в Дагестане завершились тем, что «когда все крепости и области на той стороне горы Эльбруса» (Кавказа) были покорены, войско захватчиков «с торжеством двинулось дальше» [2]. Но на самом деле о покорности не могло быть и речи. Мы не располагаем никакими данными о зависимости и о выплате дани жителями Дагестана ни Тимуру, ни тимуридам. На Северный Кавказ, в том числе в Дагестан, Тимур больше не возвращался.

Гегель в своей «Философии истории» образно сравнил государство Тимура с лесным потоком, который все уничтожает на своем пути, а затем исчезает [3]. Правда, после своего пребывания в Дагестане завоеватель здесь оставил имя свое в многочисленных топонимах и антропонимах (Темир, Тамир, Темирхан) [4], недобрую память о себе, груду развалин и тот самый ров, известный у народов Северного Кавказа под названием «Ров Тимура» [5]. А. К. Бакиханов считал, что «Теймур желал определить им границы и с тем вместе показать свою силу и могущество» [6].

Как видим, военная экспедиция Тимура в Дагестан состояла из 4-х разновременных набегов (рейдов). Хотя он и осуществил свой замысел, но не смог воспользоваться плодами своих завоеваний. Погромом городов и ряда местностей он, разумеется, нанес большой урон экономике, культуре и численности населения. Однако намерениям Тимура — закрепить Дагестан под своей эгидой — не суждено было осуществиться. Всюду, куда бы ни проникали орды завоевателя, они встречали отпор, несмотря на чинимое насилие, грабежи, разорение, убийства и угон в рабство.

«Никогда еще, даже после арабского и татаро-монгольского завоевания, — пишет Р. М. Магомедов, — Дагестан не переносил таких больших жертв и разрушений, как при нашествии Тимура. Его войны были непродолжительны, но они отличались исключительными зверствами и разрушениями» [7].

---

[1] Там же. С. 34.
[2] Архив востоковедов.., ф. 52, оп. 1, д 14, л. 376; СМИЗО... Т. 2. С. 187.
[3] Гегель. Соч. М.: Соцэкгиз, 1935. Т. VIII. С. 85.
[4] Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 32; Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965. С. 117, 126.
[5] Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 30; Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 65; Хизриев Х. А. Историческое и легендарное о Тимуре в преданиях горцев // Аргун. Грозный, 1976. № 4. С. 54—57 (на чеч. яз.).
[6] Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 65.
[7] Магомедов Р. М. История Дагестана.... С. 123.

Угроза иноземного ига сплотила народы Дагестана и объединила их. Они выступили против Тимура в совместном сражении в местности «Ушкудже». Тимуру ни страхом, ни подкупом, ни религиозной фразеологией не удалось расстроить боевой союз горцев. Борьба за свободу и независимость против полчищ Тимура, особенно совместное выступление горцев, заслуженно считается одной из славных страниц истории народов Дагестана [1].

Таким образом, «нашествие Тимура на Северный Кавказ сопровождалось страшными жестокостями, грабежами и опустошениями. Все населенные пункты, встречавшиеся на пути тимуровских полчищ, подвергались, как правило, разорению, многие жители были убиты или уведены в плен. До Тимура монгольские ханы никогда так далеко не проникали в глубь Кавказских гор. Вырубая леса и прокладывая дороги, Тимур добирался до самых отдаленных горных районов. Поэтому его набеги нанесли большой ущерб не только жителям долин, но и горцам, обитавшим в труднопроходимых местах» [2].

---

[1] История Дагестана. М., 1967. С. 207—209.

[2] Гарданов В. К. Народы Северного Кавказа в XIII—XV вв. // Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 76.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монгольское нашествие и экспансия Тимура нанесли огромный ущерб экономическому развитию всех стран, по которым проходили их отряды. Прежде всего страдали цветущие и многолюдные города. Наблюдался заметный упадок ремесла и торговли на Северном Кавказе. Эта агрессия привела к гибели сотен и тысяч непосредственных производителей материальных благ, что оказало огромное отрицательное воздействие на поступательный ход развития экономики и культуры.

Накануне нашествия Тимура главными отраслями экономики населения Северного Кавказа являлись земледелие и скотоводство, несмотря на пагубные последствия золотоордынского ига. Ценились ремесленные изделия некоторых аулов и отдельных городов, в особенности оружейные и ювелирные изделия. Практиковалась обработка металла, камня, дерева, шерсти, кожи, гончарное производство.

По Северному Кавказу проходил крупнейший транзитно-торговый путь, связывавший Азию с Европой, и коренные народы были втянуты в торговый и меновой обороты. Существование экономических и культурных связей Северного Кавказа с соседними странами прослеживается как по письменным источникам, так и по материалам археологических раскопок. Важную роль играли известные для того времени города, городская жизнь продолжалась, хотя города находились в руках генуэзцев и кочевников.

Несмотря на тяжелый гнет иноземных захватчиков, материальные и духовные силы народных масс не были сломлены. Жители же горной полосы Северного Кавказа вообще не покорились монгольским феодалам. Людские потери, несомненно, были большими, и тем не менее горные районы, куда не дошли завоеватели, оставались густонаселенными. Коренное население постепенно набирало силы: восстанавливалось хозяйство, упорядочивалась внутренняя жизнь, налаживались внешние связи. В этих условиях нашествие Тимура на Северный Кавказ и учиненный им погром явились еще более страшной трагедией, так как он проникал в та-

кие глухие ущелья, куда никогда не доходили монгольские феодалы.

Захватнические войны Тимура и Тохтамыша охватили территорию Северного Кавказа, Булгарии, Южной Руси и Крыма, где население буквально поголовно истреблялось или уводилось в рабство, что отрицательно сказалось на дальнейшей судьбе покоренных народов. Монгольские ханы привлекали на свою сторону отряды из местных жителей, использовали их в своих войнах, хотя военные предприятия ханов были совершенно чужды интересам местного населения. Поэтому борьба коренных народов против чингизидов носила справедливый, освободительный характер.

Войны же, которые вели оба завоевателя — Тимур и Тохтамыш, были несправедливыми, носили агрессивный, реакционный характер. Реальные факты говорят, что Тохтамыш, ставленник Тимура, был таким же грабителем и захватчиком, как и его бывший покровитель (разгром Москвы, погромы в Закавказье и Средней Азии). В бесчисленных войнах они истощали людские ресурсы своих стран. На Тереке столкнулись два восточных завоевателя, военно-феодальный гнет и господство которых были одинаково ненавистны коренным народам Восточной Европы, стремившимся к свободе. После погрома, учиненного Тимуром, наметился резкий упадок ордынских городов, рынков и ремесленного производства, а через некоторое время начался процесс распада Золотой Орды на отдельные ханства, что объективно ослабило ее позиции на Северном Кавказе.

С другой стороны, трехдневное сражение 1395 г. между войсками Тимура и Тохтамыша имело отрицательные последствия для народов Северного Кавказа из-за разорения огромных территорий и гибели большого числа воинов, убитых или насильно завербованных в войско Тохтамыша. Потери плоскостных жителей края ослабили силы горцев. Впоследствии Тимур вторгся в горы Северного Кавказа для развертывания новых погромов и ограбления горных жителей края. Неравная схватка горцев с полчищами Тимура вновь привела к катастрофическому сокращению местного населения — теперь уже в горных районах.

Роль Тимура и Тохтамыша в истории Азии и Европы является реакционной, так же как и роль их предшественника Чингис-хана. Тимур, безжалостно разрушая покоряемые страны, вместе с тем проводил созидательную работу в своем коренном улусе — Мавераннахре как за счет жестокой эксплуатации трудящихся масс самого Мавераннахра, так и за счет грабежа народов покоренных стран. Не исключена возможность, что средневековый тиран для возвышения своей столицы использовал труд мастеров замечательной башенной архитектуры Северного Кавказа, искусных оружейников и других ремесленников, вывезенных им в рабство.

Что касается маршрутов походов Тимура по Северному Кав-

казу, то в процессе исследования автор пришел к выводу, что их можно понять при локализации основной кочевой ставки Тимура в Пятигорье, при рассмотрении Капчигая, Кулы и Тауса за пределами Дагестана, при отождествлении Симсима с территорией Чечено-Ингушетии и при помещении Ушкудже в Буйнакской котловине, а Чутур-Казака — на Ставропольской возвышенности, что не противоречит сообщениям источников. Это позволило предпринять попытку освещения борьбы всех народов, населяющих Северный Кавказ, и показать их вклад в борьбу против общего врага.

Характеризуя отличие международных войн от войн гражданских, отметим, что «войны международные всегда кончались сделками между имущими классами»[1]. Это произошло и после нашествий Батыя, Тохтамыша и Тимура на Северный Кавказ. И наоборот, внешняя опасность, угроза иноземного порабощения всякий раз вызывали значительный подъем народной энергии, и именно народные массы были той силой, которая на своих плечах выносила всю тяжесть борьбы против завоевателей. Изучение источников и других вспомогательных материалов и их анализ позволяют сделать вывод о том, что борьба народов Северного Кавказа носила справедливый, освободительный характер, ибо коренное население — земледельцы и горожане — боролось за независимость собственной территории и не посягало на чужую.

По приказу Тимура его воины, как и всюду, вырубали лес, уничтожали сады, растаптывали возделанные поля, разрушали города и села, башни и культовые сооружения, грабили скот и материальные ценности, уводили в рабство крестьян и ремесленников — одним словом, подрывали производительные силы и все, что было достигнуто многовековым трудом народа.

В этих условиях на долю народов Северного Кавказа выпали тяжелые испытания, которые они с честью выдержали, несмотря на неравные силы и большие потери. Об этом свидетельствуют различные тактические приемы жителей Северо-Западного Кавказа, используемые ими против завоевателя, упорное сопротивление крепости Кулы и Тауса, городов Пулада, Капчигая, Алмака, Кадара и других, примеры героической борьбы жителей горных районов Симсима и Дагестана. Потери пришельцев были значительными, что вынуждало их после каждого похода останавливаться на отдых для приведения войска в порядок. Если в начале нашествия на Северный Кавказ Тимур имел под рукой 300 тысяч воинов, то после сражения на Тереке и боевых действий с горцами у него упоминается 100-тысячное войско (И. Галонифонтибус).

Возникает вопрос: почему Тимур так долго не мог справиться с горцами, тогда как с грозным Тохтамышем он расправился за три дня? Дело в том, как установил Ф. Энгельс, что нерегулярные

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 366.

войска в открытом поле быстро терпят поражение, но на пересеченной местности «они могут оказывать серьезное сопротивление»[1]. Кроме того, горцы не посягали на чужие земли, а вели справедливую, оборонительную войну. Поэтому в защите своей тысячелетиями ухоженной территории они проявляли большую отвагу и настойчивость.

В Восточной Европе Тимур пробыл всего один год, из них восемь месяцев он потратил для покорения народов Северного Кавказа, совершив в общей сложности десять карательных походов. Результатом этого явилось значительное сокращение численности населения края, а оставшиеся в живых вынуждены были уйти в бесплодные горы. При учете голода, охватившего даже войско Тимура, эпидемий и других бедствий, положение трудовых масс еще более усугубляется.

Народы Северного Кавказа по многим причинам не могли объединиться для совместной борьбы против полчищ Тимура, однако борьба эта все же носила общесеверокавказский характер. Ни одна этническая область не осталась нетронутой пришельцами. Религиозная принадлежность того или иного народа не имела для завоевателя абсолютно никакого значения, хотя Тимур ловко пытался использовать и этот момент для достижения своих целей. Коренное население повсеместно выступало против иноземной экспансии, оказывая упорное сопротивление превосходящим силам завоевателя.

Варварский погром, учиненный полчищами Тимура, надолго задержал процесс прогрессивного поступательного развития народов Северного Кавказа и оставил глубокий след в их памяти. В упадке оказались экономика, торговля и культура края. Это привело к расстройству как внутренних, так и внешних экономических и культурных связей. Крестьяне лишились рабочего и домашнего скота, что привело к сокращению посевных площадей; временно пришло в упадок ремесло, в большинстве областей Северного Кавказа исчезли города и надолго прекратилась городская жизнь.

Изменилась также этническая карта Северного Кавказа, в степях и предгорьях расселились монгольские и тюркоязычные племена. К значительным изменениям в расселении народов Северного Кавказа привело и нашествие Тимура. К XV веку народы Северного Кавказа заняли в основном те местности, в которых мы знаем их и позднее. В XIII—XIV веках часть их была оттеснена в горы, а часть даже перевалила через Кавказский хребет и осела в Закавказье (аланы).

По-видимому в связи с нашествием монголов произошел дальнейший процесс смешения коренных жителей в горах западной части Алании со степными тюркоязычными народами, в частности с половцами, который завершился походами Тимура. В результа-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 169.

те этого сложились новые народности — карачаевцы и балкарцы, близкие по своему языку к половцам, а антропологически и по материальной культуре — к кавказским горцам. С половцами, а ранее с хазарами, надо думать, связаны преемственно и кумыки, которые произошли от смешения пришлого тюркоязычного элемента с коренными кавказцами, ибо антропологически и по материальной культуре они ничем не отличаются от кавкасионов, скажем, от соседних чеченцев, даргинцев и др.

После того, как власть Золотой Орды в северокавказских степях ослабла, постепенно произошло расселение адыгских племен, в частности кабардинцев, на восток. Разгром алан Тимуром открыл для этого благоприятную возможность. Образовались Большая и Малая Кабарда. Судя по археологическим данным и последним исследованиям, произошло это в конце XIV—XV вв.

Мы разделяем мнение о том, что нашествие Тимура на некоторое время прервало не только дальнейшее развитие здесь городской культуры, но, может быть, и оформление государств феодального типа у некоторых местных народностей. Тем не менее мужественное сопротивление против экспансии Тимура является яркой страницей борьбы жителей края за свою свободу и независимость.

Таким образом, целями походов Тимура являлись завоевание новых земель, создание огромного государства монгольского типа, захват богатой добычи, стремление подчинить своему контролю торговые магистрали, в частности северокавказскую дорогу, связывавшую Восток с Западом, подрыв мощи Золотой Орды и сопредельных стран. Целями же народов Северного Кавказа являлись защита родного края и изгнание со своей территории завоевателя. Поэтому сопротивление их было весьма упорным, что неоднократно подчеркивали придворные историки Тимура.

В ходе борьбы против общего врага крепла дружба и взаимопомощь не только между народами Северного Кавказа, но и всего Кавказа. Являясь неразрывной частью общекавказской борьбы с экспансией Тимура, борьба трудовых масс Северного Кавказа внесла значительный вклад в национально-освободительную борьбу конца XIV века. Борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура (1395—1396 гг.) ослабила завоевателя и позволила им сохранить свою независимость. Впоследствии Тимур сюда больше не вернулся. В этом заключается историческое значение борьбы кавказских горцев. Умение горцев использовать рельеф местности, вести одиночный бой, маневрировать во время защиты родных очагов способствовали их длительному сопротивлению превосходящим силам завоевателя.

Несмотря на большие потери, этнические перемещения и упадок экономики, народы Северного Кавказа постепенно стали возвращаться на равнину, на родные пепелища и упорным трудом восстанавливать свое хозяйство.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛЕГЕНДАРНОЕ О ТИМУРЕ В ПРЕДАНИЯХ ГОРЦЕВ

Война, которую вел Тимур за захват территории Северного Кавказа, как известно, носила грабительский, захватнический характер, и этим объясняется тот факт, что в памяти народов, в исторических книгах, летописях Тимур запечатлен как жестокий завоеватель. На оригинальный цикл преданий горцев о Тимуре обратили внимание еще дореволюционные исследователи.

На Северном Кавказе мы имеем публикации отдельных преданий, записанных представителями русской и местной интеллигенции. Пионерами в этом вопросе выступили академик В. Ф. Миллер, просветители Б. К. Далгат, У. Лаудаев, Ч. Ахриев, Н. Семенов, А. Цаликов, Е. Баранов, М. Федотов, П. И. Головинский и др.[1]

В советский период цикл преданий о Тимуре пополнился осетинской песней «Задалесская мать»[2] в записи М. Туганова, ингушским «Преданием о происхождении фамилии Баркинхой»[3], зафиксированным И. Дахкильговым, чеченским «ГIонат гIала»[4] (записал Х. Ошаев) и «Фехтовальными поединками у «рва Тамерлана»[5], обнародованными А. И. Красновым.

По Дагестану мы имеем ряд ценных преданий и исторических песен о нашествии Тимура, правда, все они опубликованы в совет-

---

[1] Миллер В. Ф. Кавказские легенды // Труды этнографического отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1886. Кн. VII; Его же: Дигорские сказания. М., 1902; Далгат Б. К. Страничка из северокавказского богатырского эпоса // Этнографическое обозрение. М., 1901. № I; Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Выпуск VI; Ахриев Ч. Канава Темира Хромого // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII; Семенов Н. Мурза Эдиге // Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Тифлис, 1895; Цаликов А. Тамерлан и зеркало // В горах Кавказа. М., 1914; Терские ведомости. 1911. № 176, 269; Баранов Е. Певец гор и другие легенды Северного Кавказа. М., 1914; Головинский П. И. Соски Солсан // Сборник сведений о терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1; Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Вып. 2.

[2] Песни далеких лет. Орджоникидзе, 1960.

[3] Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 231.

[4] Чеченский фольклор (на чеч. яз.). Грозный, 1964. Т. II.

[5] Краснов А. И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963. С. 54.

ский период. Это весьма ценное кумыкское «Предание о Губдене»[1], лакская песня «Парту-Патима»[2], лезгинская «Каменный мальчик»[3], андийская «Легенда о Гататле»[4] и «Даргинские предания о Тимуре»[5], введенные в научный оборот Б. Г. Алиевым и Р. С. Шихсаидовой, и, наконец, ногайское предание[6], а также новое балкарское предание, записанное нами[7].

Говоря об источниках, относящихся к истории завоеваний Тимура, особенно надо отметить заслуги чл.-корр. Российской АН В. Г. Тизенгаузена по розыску и публикации восточных источников. В 1884 г. вышел в свет его «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», куда вошло ценное сообщение арабского историка Ибн Арабшаха о Тимуре. В. Г. Тизенгаузеном также был начат подбор извлечений из сочинений персидских авторов, оставшихся неизданными при жизни автора. Эти источники были изданы в 1941 г. АН СССР в обработке А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина (II том «Сборника...»)[8]. Туда вошли ценнейшие свидетельства придворных историков Тимура — Низам-ад Дина Шами и Шереф-ад Дина Йезди, а также «Родословное тюрков» анонимного автора, которыми мы и пользуемся в работе.

В дореволюционный период не было попыток осмысления исторического фольклора, в частности, преданий горцев о Тимуре. Это был период накопления знаний, поэтому мы встречаем только публикации текстов преданий.

Уже в конце 20-х годов нашего столетия увидела свет содержательная статья Д. Г. Жантиевой, отображавшая борьбу горцев с Тимуром на основе исторического фольклора[9]. К сожалению, в этой отрасли наметился долгий перерыв, вплоть до 50-х годов, если исключить ценную и удачную газетную статью Л. И. Лаврова «Черкесия в XIII—XIVвв.»[10].

Теперь в распоряжении историков имеются солидные исследования, посвященные историческому фольклору горцев, где не

---

[1] Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 30.

[2] Поэзия народов Дагестана. Махачкала, 1954.

[3] Песни народов Дагестана. Л., 1970. С. 367—370.

[4] Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. II. С. 264—266.

[5] Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. О маршруте похода Тимура в 1395—1396 гг. через Дагестан // Ученые записки Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1970.

[6] Полевой материал автора. Предание о том, как Тимур стал ханом ногайцев; записано в 1970 г. со слов 80-летнего Солтана Ахмета Кандаурова (житель г. Хасавюрта).

[7] Полевой материал автора. Запись сделана в г. Нальчике в декабре 1972 г. со слов народного балкарского поэта С. Шахмурзаева.

[8] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л., 1941. Т. II.

[9] Жантиева Д. Г. Мотивы исторического эпоса Северо-Кавказских горцев // Записки горского НИИ. Ростов н/Д., 1929. Т. 2.

[10] Красная Черкесия. 1941. № 137 и 138.

обойден и цикл преданий о Тимуре: по Чечено-Ингушетии — У. Б. Далгата, по Северной Осетии — Т. А. Хамицаевой, по Дагестану — Х. М. Халилова и др.[1].

При этом надо иметь в виду то обстоятельство, что указанные авторы исследовали эти памятники как художественные образцы народной эпической прозы. Мы же подходим к ним как историки, и в нашу задачу в первую очередь входят поиск и выявление исторического достоверного в данном цикле.

Столь пространный историографический обзор нам понадобился для того, чтобы показать, что без той большой работы, проделанной как по выявлению и переводу источников, так и по исследованию отдельных вопросов, постановка нашей проблемы была бы невозможной и неразрешимой. В разрешении поставленной задачи мы опираемся на труды своих предшественников и на собственные изыскания по всему северокавказскому региону.

Начнем свое исследование по фольклору народов Северного Кавказа по пути движения Тимура, то есть с Запада на Восток. Начиная со второй половины XIII в. ведущей темой адыгского фольклора становится тема борьбы против татаро-монгольских захватчиков. Борьба эта была ожесточенной и кровопролитной. Ей посвящено большое количество сказаний и песен, повествующих о разных периодах борьбы адыгских племен против засилия монголо-татарских орд. Например, у адыгских народов (кабардинцев, адыгейцев и черкесов) мы располагаем только одним преданием о Тимуре, опубликованном В. Миллером еще до революции. Это кабардинская легенда о рве Тамерлана, известная в публикации как «Кавказская легенда»[2]. Все наши поиски и расспросы у фольклористов в Майкопе, Черкесске и Нальчике новых результатов не дали. Поэтому попытаемся кратко его проанализировать.

Аксак-Темир здесь фигурирует в роли царя, который жил в городе Дербенте. В его дочь влюбляется молодой человек из Стамбула и с помощью волшебных сил во время сна вызывает ее к себе. Отец, узнав об этом, со своим войском направляется воевать. Но в Стамбуле он дал свое согласие на брак и конфликт разрешается мирно.

Переплыв на кораблях Черное море, Тимур высаживается на Кавказском берегу. Отсюда он повел свое войско в Дербент. При возвращении от многочисленности его армии остался след в виде глубокого рва, который называется теперь «дорогой зятя».

Как видим, здесь содержание начало терять свою реальную

---

[1] Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972; Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1978; Халилов Х. М. Лакский песенный фольклор. Махачкала, 1959; В. Б. Корзун. Фольклор горских народов Северного Кавказа. Грозный, 1966.

[2] Труды этнографического отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1886. Кн. VII.

основу, и предание приобрело уже сказочный мотив. Несмотря на это, в памяти народа исторически достоверно запечатлелось то, что Тимур двигался по Северному Кавказу с запада на восток и что он был предводителем могущественного войска. В этом плане легенда представляет для нас интерес.

По словам В. Миллера, интерес этой легенды «заключается в том, что в ней к местному древнему сооружению прикреплено, с одной стороны, историческое имя, с другой — восточная, чудесная сказка». Кроме В. Миллера, на указанное предание обращали внимание Б. К. Далгат, Д. Г. Жантиева, Л. П. Семенов и У. Б. Далгат [1].

А вот карачаево-балкарское предание «Аксак-Темир», которое было опубликовано Е. Барановым [2], до сих пор никем не исследовалось. Предание делится как бы на три составные части. В первой части говорится о том, что за морем, в далеких степях, у пастуха родился сын и при родах умерла жена. Когда мальчик подрос, отец заставил его пасти овец, но он оказался плохим пастухом. Обозленный отец хотел его побить, а сын погрозил ему ножом. Тогда отец проклял его и прогнал от себя.

Хан Тохтамыш, возвращавшийся с охоты, забрал мальчика к себе и предложил пасти своих лошадей. Вместе с тем, хан побаивался мальчика, ибо один старец предсказал ему смерть от руки мальчика, которого хан встретит в степи.

Хан втайне надеялся, что мальчик умрет при укрощении коней. Через десять лет хан вызвал его к себе и сломал ему ногу, отчего тот остался хромым. Юноша ушел в степь и 100 молодых воинов хана увел с собой. Он стал грабить и убивать людей. Через некоторое время число его сторонников настолько возросло, что его прозвали ханов Аксак-Темир. Тохтамыш кинулся искать его, но не нашел своего противника [3].

Во второй части повествуется о том, что утопающий в роскоши шах Персии Али-Абас, довольный судьбой, восседал на троне. Вдруг пришло известие, что Аксак-Темир громадным станом расположился близ шахской столицы, готовясь к осаде ее. К Тимуру с большими дарами прибыли послы шаха, которых тот прогнал. Через некоторое время столица пала, была разграблена и сожжена. Шах попал в плен и в цепях, с грязной веревкой на шее предстал перед своим победителем. Великого сына Солнца, как называли шаха, заставили под ударами плети ручным жерновом мо-

---

[1] Миллер В. Указ. соч.; Далгат Б. К. Страничка из северокавказского богатырского эпоса // Этнографическое обозрение. М., 1901. № 1; Семенов Л. П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947; Жантиева Д. Г. Мотивы исторического эпоса Северо-Кавказских горцев // Записки горского НИИ. Ростов-на-Дону, 1929. Т. 2; Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.

[2] Баранов Е. Певец гор и другие легенды Северного Кавказа. М., 1914.

[3] Там же. С. 16—20.

лоть пшеницу. Тимур со своими мурзами вдоволь насмехался над пленником, а затем приказал отвести его в степь и оставить там на произвол судьбы. Там шах и скончался [1].

Более содержательной и правдоподобной является третья часть предания. В ней говорится: «На берегу Терека Тохтамыш поджидал Аксак-Темира: знал он, что тот, возвращаясь из Персии, через Кавказские горы направится ущельем этой реки». Мурзы заметили тайный страх Тохтамыша. Об этом ему тотчас же донесли, ибо, согласно преданию, у него было триста ушей и триста глаз — всего шестьсот ушей, которые все видели и слышали. И все же войско свое на врага он повел, но потерпел сокрушительное поражение. И, спасаясь от смерти, с остатками войска побежал в степь, затем остановился на берегу Волги [2].

Видя такой оборот дела, мурзы и воины изменили ему. Тохтамыш, спасая свою жизнь, вскочил на коня и поскакал в лес. Мурзы бросились к его шатру и разгромили его богатство. Тимур потребовал от мурз-изменников для доказательства своей преданности привести к нему хана.

После безуспешных поисков бывший советник Тохтамыша подсказал, что «ханы в несчастьи всегда поют, а голос в лесу раздается звонко». Наконец нашли его по голосу и убитого доставили к Тимуру, который сказал: «Хану надлежал этот прах, и ханского погребения он достоин... Предали вы своего хана, предадите и меня». И прогнал он их от себя» [3]. Вот его краткое содержание.

Предание представляет интерес во всех отношениях. Оно отличается от всех известных нам большими художественными достоинствами. Кроме этого, для нас ценно то, что, несмотря на легендарность некоторых частей, в нем содержится обилие исторически достоверных фактов. Фантастичность, легендарность первой части предания бесспорны. По ней, Тимур находится на службе у Тохтамыша, тогда как на самом деле все было наоборот — Тохтамыш был на службе у Тимура и только благодаря ему стал ханом Золотой Орды. Однако в отличие от традиционных толкований, в которых будущий завоеватель изображался выходцем из знатного рода (почему и умалчивалось о начале его деятельности), данное предание рисует его типичным предводителем бунтовщиков, тем самым подтверждает предположение В. В. Бартольда, что, вероятно «Тимур начал свою деятельность в качестве атамана шайки разбойников» [4].

Вторая часть, на наш взгляд, носит исторический характер. Примечательно, что карачаевцам и балкарцам были известны события, происходившие в далекой Персии. В предании говорится

---

[1] Баранов Е. Указ. соч. С. 21—25.
[2] Там же. С. 25—26.
[3] Там же.
[4] Бартольд В. В. Улугбек и его время // Соч. М., 1964. Т. 2. Ч. 2. С. 38.

о завоевании Тимуром Персии и о взятии в плен шаха Али-Абаса.

Тимур действительно покорил Иран во время длительных походов: сначала «трехлетнего» — с 1386 г., затем «пятилетнего» — с 1392 г., наконец, «семилетнего» — с 1399 г. В предании, видимо, речь идет о 1387 г., так как в этом походе Тимур взял столицу — богатый и культурный Исфаган и сверг правителя Али[1] из династии музаффаридов. В исфаганском побоище было собрано 70 тыс. человеческих голов, из которых потом, по приказу Тимура, в «назидание» были сложены высокие башни[2].

Наибольший интерес представляет третья часть предания. Данные, приводимые в этой части, почти достоверно совпадают со сведениями первоисточников. Так, например, согласно Йезди, Шами, Ибн-Арабшаха и Клавихо, мы знаем, что Тохтамыш поджидал на Тереке Тимура, двигавшегося сюда из Персии. Известно о растерянности и нерешительности Тохтамыша вплоть до подхода Тимура к Тереку, где первый в грандиозном сражении потерпел поражение и с остатками войск пустился в бегство на Волгу. Обо всем этом сочным языком и с художественным совершенством рассказывается в предании.

Интересен факт проявления классовой солидарности Тимура даже к своему противнику, которая выразилась в похоронах Тохтамыша с ханскими почестями. Хотя время и обстоятельства смерти хана Золотой Орды остаются в науке загадочными, в предании зафиксирована политика Тимура, выражавшая интересы военно-феодальной аристократии.

Следующую группу составляют осетинские (дигорские) предания. События, связанные с нашествием полчищ Тимура, нашли свое отражение в песне «Задалесская мать» и в ряде сказаний: «Ахсак-Темур», «Алсах-Темир», «Как Ахсак-Темур прибыл в Дигорию», «Аксак-Тимур и Ладарта».

Все эти произведения устного народного творчества локализуются среди дигорцев. На отдельные из них в разное время обращали свое внимание В. Миллер, Д. Г. Жантиева, У. Б. Далгат и Т. А. Хамицаева. Суть их заключается в следующем.

Сказание «Ахсак-Темур» говорит о том, что у Ахсак-Темура были железные крылья и что он делал 3 оборота вокруг неба. Все миры были в его руках. А под конец остались неподчиненными «наши горы», и он сюда направился с большими войсками. Чтобы войска не сбились с дороги, рабы Ахсак-Темура шли за ними, вырывая ров. Большинство народа в Дигории Ахсак-Темур перебил, а остатки взял с собой в Китай, сам же поднялся на небо и вошел в образ звезды[3].

---

[1] Босворт Э. Мусульманские династии. М., 1971. С. 213.

[2] Якубовский А. Ю. Тимур (опыт краткой характеристики) // Вопросы истории. 1946. № 8—9. С. 65.

[3] Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Вып. 2. С. 74.

В этом предании исторически достоверным является факт пребывания Тимура в Дигории с большой армией и то, что он многих дигорцев перебил. Остальное носит мифологический характер. Другое сказание под тем же названием — «Ахсак Темур» повествует следующее: Темур — сын хана — пасет стадо своего отца. Однажды он погнался за зайцем, приняв его за козленка, и поймал его. Отец, видя такую сверхъестественную ловкость сына, сломал ему ногу, боясь, что он в будущем отнимет у него владение. Он отдал его кузнецу, но Ахсак-Темур бежал оттуда и стал разбойником. Он похищал каждую ночь из родного села молодого человека и девушку, пока семь братьев одной из них не стали преследовать его. Тогда он поднялся на небо [1]. Здесь дана легендарная биография Тимура. Более-менее историчным можно принять здесь то, что Тимур начал свою самостоятельную жизнь в роли разбойника-грабителя.

Третье сказание: войска шаха пришли в Дигорию, а из горных сел он сначала осадил Ахсау и, ничего не добившись, решил вернуться. Но большая часть его войска провалилась с ложного моста на Комунстоком выступе. «...Потом стала распространяться весть про одного человека — Темура, что он сделался ханом над всем миром! Он услышал про то, как Дигория не подчинилась шаху, и пришел туда с большими войсками» [2].

Оставив войска у Дигорского ущелья, он один приехал в Ахсау и остановился в башне, где жили три девушки. Аксак-Темур женился на одной из них, поселился в башне и стал отсюда нападать на людей. От его трех сыновей произошел род Георгиевых.

С этими данными перекликаются сведения еще одного генсалогического сказания, по которому Тимур является родоначальником осетин. В данном рассказе Тимур полностью предстает в роли положительного героя — молодым и красивым сыном восточного хана, который путешествовал по странам и попал в горы Дигории. «...По наружности он был красив, строен и величав. Взор его горел огнем и отважностью». В один прекрасный весенний день он остановился на отдых на берегу шумного Уруха в башне трех сестер, дочерей какого-то покойного хана. Пленившись красотой трех сестер, он женился на них, и от его сыновей Дигора, Ирау и Туала произошли дигорцы, иронцы и туальцы [3].

Анализируя указанные сказания, Т. А. Хамицаева предполагает, что «от отрядов Тимура оставались воины, которые сливались с населением, и это могло способствовать рождению подобных сказаний[4].

---

[1] Памятники народного творчества осетин... Т. 2. С. 75—76.

[2] Там же. С. 76—77.

[3] Терские ведомости. 1911. № 268.

[4] Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973. С. 82.

Тимур действительно имел привычку оставлять гарнизон в покоренных областях для удержания населения в покорности. Так, например, при его движении по Волге в Астрахани был оставлен наместником эмир Табин[1] с приданным ему гарнизоном.

Имея в виду важность Дарьяльского ущелья, Тимур наверняка и здесь оставил свой отряд. Возможно, вышеприведенные легенды возникли на определеной исторической основе, связанной с пребыванием Тимура в Осетии. Известно, что его армия в основном состояла из ираноязычных таджиков, курдов, афганцев, персов и др.

Из всех известных нам преданий тимуровского цикла только в осетинских преданиях Тимур отождествляется со звездой, а в дигорском диалекте даже Полярная звезда носит название «Аксак-Тимур». Согласно источникам, Тимур действительно носил прозвище Сахиб-Кыран, то есть «обладатель счастливой звезды»[2] (по-тюркски — юлдуз, Улдуз).

О том, что Ахсак-Тимур превратился в Полярную звезду, повествует следующее сказание. Однажды Ахсак-Тимур похитил единственную сестру семи братьев из рода Ладарта. Братья погнались за ним, они преследовали его всюду на земле, и Ахсак-Тимур устал и взмолился: «О, господи, они меня не оставят в покое на земле; прошу тебя, сделай так, чтобы я очутился на небе». И тут же он вошел в образ яркой Полярной звезды. Братья, узнав об этом, также попросили Бога поднять их на небо. Бог внял их мольбе и превратил их в семь звезд созвездия Большой Медведицы. Целую ночь они гонятся за Полярной звездой и как только начинают ее нагонять, наступает рассвет, и братья-звезды теряют из вида Ахсак-Тимура — Полярную звезду[3].

Заканчивая осетинскую группу преданий о Тимуре, хочется указать на песню «Задалесская мать», повествующую о разгроме предков осетин в результате нашествия этого завоевателя. В отличие от сказаний данного цикла, в которых главным героем выступает Тимур, песня воспела историческое событие, где представлены две враждебные силы: несметные полчища Тимура и защищавшие свои земли, свои города и села осетины-дигорцы. В песенной форме, в отличие от прозаической, зафиксированные в памяти народа исторические события лучше сохраняются и доходят до потомков без фантастичеоких наслоений.

И в данной песне событие подано реалистично. Ничего сверхъестественного, сказочного в ней нет. По песне, в живых остались лишь одна женщина и дети-сироты. Женщина собрала на пепели-

---

[1] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.—Л., 1941. Т. II. С. 184.

[2] Бартольд В. В. Соч. М., 1968. Т. 5. С. 248.

[3] Песни далеких лет. Из осетинского фольклора /Перев. Г. Гребнева. Орджоникидзе, 1960.

ще детей-сирот, привела их в горы, в местность Задалески Сар, вскормила, вырастила их. От этих детей тапандигорцев якобы и пошли нынешние села Тапан Дигории в горах. Последствия нашествия Тимура, конечно, гиперболизированы, но исторически верно отражено в песне резкое сокращение населения.

Большую группу сказаний о Тимуре составляют предания чеченцев и ингушей. Художественные достоинства этих преданий скрупулезно проанализированы специалистом по фольклору У. Б. Далгатом. Мы ставим перед собой задачу выявить исторические зерна этих преданий.

Наши исследования показывают, что Тимур дважды побывал на территории современной Чечено-Ингушетии и оставил страшный разрушительный след. Первый раз он был на Сунже и Тереке весной 1395 года при сражении с Тохтамышем, а затем, завоевывая области Северо-Западного и Центрального Кавказа, осенью того же года вновь напал на страну Симсим, локализуемую нами на территории современной Чечено-Ингушетии. Из-за непокорности и мужественного отпора симсимцев озлобление Тимура достигло крайних пределов, что отчетливо видно из следующего свидетельства придворного историка Йезди: «Жителей тамошних, по приказанию Тимура, связав, сбрасывали с горы»[1].

Таким же безжалостным и жестоким он запечатлен и в сказаниях чеченцев и ингушей. Их предания даже утверждают, что эти черты были заметны в нем с детства. Стремление отца обуздать сына явилось якобы причиной его хромоты. Оказывается, в юности он был таким стремительным в беге, что несколькими прыжками мог догнать зайца. Это и испугало его отца, который подумал: «...с такой ловкостью и быстротой он станет несчастьем на земле»[2] и, чтобы спасти человечество, переломил сыну ногу.

Немало богатств вывез Тимур из Чечено-Ингушетии. Об этом свидетельствует предание «Тамерлан и зеркало», обнародованное Ахметом Цаликовым. Среди награбленного добра перечисляются дивные кони, красивые женщины, драгоценные ткани, оружие, шлемы, щиты, панцири, копья, луки, мечи и др. Все это было разбросано кучами и манило взоры пришельца-грабителя и его приспешников[3].

Из всех преданий, известных нам, только здесь дана полная зарисовка словесного портрета Тимура. Эта зарисовка интересна

---

1 СМИЗО... Т. 2. С. 183.

2 Чеченский фольклор. Грозный, 1964. Т. 2. С. 112 (чеч. яз.); Ингушский фольклор. Грозный, 1967. Т. 2. С. 125 (ингуш. яз.).

3 Ахмет Цаликов. В горах Кавказа: Быль, очерки и легенды. М., 1914. С. 100. Предание, видимо, записано от чеченцев, так как он работал учителем в Чечено-Ингушетии и в с. Аксай, где в основном проживали чеченцы и кумыки. У осетин это предание неизвестно.

тем, что дает возможность узнать, каким представляли себе горцы завоевателя.

Портрет дан с присущим горцам юмором: «Тимур посмотрел в трофейное зеркало и первый раз в жизни увидел себя — маленького человека с волочащейся ногой, приплюснутым носом, уродливо вытянутыми руками, лицом, изрытым оспой, бронзовым от солнца, ветров и дождей, и важно поднятой низколобой головой. Смотрел Тимур на себя и от досады заплакал. Заплакал и подошедший первый советник повелителя из-за того, что принужден смотреть на этот образ вот уже в течение 30 лет» [1].

Тело Тимура покоится в Самарканде, в мавзолее Гур-Эмир. Вскрытием в 1941 году комиссией установлено по обнаруженному костяку, что Тимур был высокого роста, широк в плечах, кость правого бедра срослась с коленной чашечкой, вследствие чего Тимур не мог разгибать правую ногу; кости правого плеча и предплечья правой руки также срослись, отчего и правой рукой Тимур не владел. Все это вполне соответствует показаниям письменных источников [2].

Излагая боевые действия в области Симсим, Йезди сообщает, что вдобавок ко всем трудностям, которые пришлось испытать скопищу Тимура от летучих отрядов горцев, «было много мест, с которых ни конному, ни пешему нельзя было спуститься, а следовало оттолкнуться и скользить вниз» [3].

Здесь невольно напрашивается аналогия из глубоко исторического местного предания «Башня Птичье крыло», которое повествует: «В местности Башин-Кале есть гора Башин, вершины которой упираются в облака, и у смотрящего шапка валилась с головы. На одной стороне ее имеется отвесная скала. Местные богатеи (феодалы) на ее неприступной вершине соорудили каменные башни, до которых даже пущенная стрела не долетала. Войско Хромого Тимура, которое решило штурмовать крепость, назвало замок «Гонат-Кала». На их языке «гонат» означает «крыло» [4]. Приведенные сведения говорят о том, что нашествие Тимура, принесшее неисчислимые страдания народам Чечено-Ингушетии, глубоко врезалось в память народа, а потому некоторые предания по своему содержанию приобретают значимость местного источника. Весьма ценно чеченское предание, опубликованное Мелентием Федотовым под названием «Документы Тимура (Тамерлана)», о Крепости Окоп (Алхан-Кала): «Некоторые старожилы-чеченцы по преданиям и некоторым записям передают, что там останавливался со своими полчищами грозный вождь Хромой Тимур, при котором в этой кре-

---

1 Ахмет Цаликов. В горах Кавказа: Быль, очерки и легенды... С. 100—101.
2 Якубовский А. Ю. Тимур // Вопросы истории. 1946. № 8—9. С. 74.
3 СМИЗО... Т. 2. С. 183.
4 Чеченский фольклор. Грозный, 1964. Т. 2. С. 109. (Запись Х. Ошаева; на чеч. языке).

пости имелось 1900 домов»[1]. Он же сообщает, что кладоискатели раскопали там огромный, герметически закупоренный кувшин, наполненный связками бумаги или кожи с крупными письменами. Грабители, не найдя там золота, сбросили кувшин в р. Сунжу.

В легендах «Ров Тамерлана» (У. Лаудаев), «Соски Солсан» (П. И. Головинский), «Легенда-быль о хромом Темыре (Астха Темыр) и его сыне» (Б. Далгат), «Канава Темира хромого» (Ч. Ахриев), «Кавказские легенды» (В. Миллер) предстает уже сам Тимур, пришедший на Кавказ по дороге войны. Но сеющий смерть завоеватель представлен в этих легендах, как заметил В. Б. Корзун[2], не воином-полководцем, а строителем рвов, погруженным в горе отцом, ищущим своего сына и пути возвращения назад.

В одном из вариантов сын Тимура оказывается похищенным Соска-Солсой. Сын Тимура, как говорит о том ингушская легенда «Хромой Тимур», наделен большим умом и проницательностью. Узнав о существовании отца, он бежит к нему от князя, у которого находился в рабстве.

Эти легенды представляют значительно больший интерес в художественном отношении. Кстати, судя по народным преданиям, некогда по предгорьям Кавказского хребта, от Дербента и Каспийского моря до Черного и в землях черкесов тянулся Тамерланов ров, который шел на Русь. Здесь ближе всего к истории то, что Тимур шел на Русь и что он победил Тохтамыша[3].

Чеченские и ингушские предания упоминают, что Тимур жил в Самарканде.

Предки чеченцев и ингушей оказывали героическое сопротивление многократно превосходившему скопищу противника, но силы оказались неравными.

Интересным представляется одна из чеченских исторических легенд о Тамерлане, опубликованная В. Г. Чеботаревой, в которой содержится глубокий протест против войн. Легенда может служить примером того, как народ, в отличие от придворных летописцев, осуждал кровавые, противоестественные для человека деяния завоевателя. Вот краткое содержание этой легенды.

Как-то раз Тимуру со своим войском пришлось проходить через бескрайнюю пустыню. На пути не было ни воды для питья, ни деревца для отдыха. Чтобы укрыть себя от пылающих лучей во время отдыха, Тимур приказал отрубить головы 70 тысячам пленников и выстроить из них для него башню. К этой страшной башне, с разрешения стражника, подошла исхудалая и оборванная ста-

---

[1] Терские ведомости. 1911. № 176. 20 августа.

[2] Корзун В. Б. Фольклор горских народов Северного Кавказа. Грозный, 1966. С. 101.

[3] Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. VI.

руха. Она была матерью одного из пленников, голова которого пошла на постройку этой чудовищной башни. Увидав ее, Тимур вскочил со своего места с возгласом изумления: «Ты из Индии, старуха?! Нас разделяют большие расстояния, густые, непроходимые леса, в лесах — голодные звери, ядовитые змеи, нас разделяют глубокие воды! Как ты попала сюда?» [1].

На его вопросы женщина-мать ответила: «Ваше величество, Тамерлан, когда я добиралась сюда, мне приходилось проходить густые, непроходимые леса, в этих лесах водились змеи, страшный, с огромной раскрытой пастью крокодил бросался на меня, готовый проглотить. Но когда я говорила, что я ищу единственного сына, он останавливался. Когда я шла дальше, встречались еще на пути глубокие бездонные воды, но когда я говорила им, что ищу единственного сына, воды становились мелкими, доходя до колен.

Ваше величество, Тамерлан, всем миром проклятый, ненавистный всему народу, погубивший тысячи человеческих душ, страшный вы человек! Но все же и вы еще любимы своей родной матерью!» [2].

Эти последние слова, говорится в легенде, тронули его до самой глубины души. В его безжалостном сердце теплился еще слабенький огонек любви к матери. Осознав вдруг всю тяжесть своих преступлений, подавленный Тамерлан распустил свои войска и ушел куда глаза глядят.

Конечно, на самом деле Тимур войска свои не распустил и не прекращал свои завоевательные походы вплоть до своей смерти. Но в легенде события переданы в чечено-ингушской традиции. Обычно женщина-мать, особенно пожилая, у горцев издавно окружалась особым почтением. Она могла остановить самую жестокую схватку, заставить опустить оружие самых непримиримых врагов, встав между ними с поднятым в руке платком. Поэтому в легенде прославлялась сила материнского слова и материнской любви, способной заставить раскаяться в содеянном и такого бездушного деспота, как Тимур. В предании еще приводится исторический факт о сооружении Тимуром башни из 70 тысяч голов, например, при взятии Исфагана в 1387 г.

Последнюю группу рассматриваемых нами преданий составляют глубоко исторические дагестанские сказания. Среди них встречаются весьма содержательные две песни: лакская «Парту Патима» и лезгинская — «Каменный мальчик». Они опубликованы, введены в научный оборот Х. М. Халиловым, Г. Э. Алкадари, А. К. Бакиха-

---

[1] Чеботарева В. Г. К вопросу о взаимовлиянии литератур (Чечено-Ингушские легенды о Тимуре и сказка М. Горького) // Известия ЧИНИИ. Грозный, 1962. Т. 3. Вып. 3. С. 47. (Легенда записана в с. Надтеречном от Муртаева Шамсуди.)

[2] Там же. С. 48.

новым, Б. Г. Алиевым, Р. С. Шихсаидовой, Р. М. Магомедовым, Н. В. Капиевой и в различных сборниках[1].

Все они приводятся в исследованиях перечисленных авторов и там же дан их анализ вместе с новыми записями, поэтому считаем излишним повторяться.

Таким образом, фольклор горцев, кроме художественной ценности, представляет определенный научный интерес для историков, так как в нем содержится доля исторических фактов.

---

[1] Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929; Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926; Халилов Х. М. Лакский песенный фольклор. Махачкала, 1959; Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. О маршруте похода Тимура в 1395—1396 гг. через Дагестан // Ученые записки Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1970. Т. 20; Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. II; Поэзия народов Дагестана. Махачкала, 1954; Легенда говорит: Песни и сказания народов Дагестана. М., 1959.

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЕ ПРЕДАНИЯ И СКАЗКИ

ТАМЕРЛАН

Много лет тому назад был грозный и могучий полководец по имени Тамерлан. Сам он — из Средней Азии, по вере — мусульманин. У Тамерлана было безжалостное и твердое, как камень, сердце. Много больших городов, государств захватил и разорил он. Все, что попадало ему на пути, предавал мечу и огню, сравнивал с землей. Не щадя ни маленьких детей, ни женщин, ни стариков, шел он по земле. И как-то раз со своим войском пришлось ему пройти бескрайнюю пустыню. Не было воды, чтобы утолить жажду, дерева, под тенью которого можно было спрятаться от знойных лучей солнца, — ничего, кроме песка.

Усталый и страшный, Тамерлан отдал приказ снести головы 70 тысячам пленников и выстроить из них башню для отдыха. К этой страшной башне подошла старуха. По клочьям одежды на ее худом теле, по ногам, по лохматым седым волосам и особенно по ее лицу видно было, что она издалека. Старуха обратилась к стражнику башни с просьбой пропустить ее к Тамерлану. С дозволения Тамерлана ее пропустили. Увидев старуху, Тамерлан с возгласом удивления так и вскочил со своего места: «Ты из Индии, старуха?! Нас разделяют большие расстояния, густые непроходимые леса, в лесах голодные крокодилы, ядовитые змеи, нас разделяют глубокие воды! Как ты попала сюда?». (Она была матерью пленника, голова которого пошла на постройку башни).

«Ваше Величество, Тамерлан, когда я добиралась сюда, мне приходилось проходить густые непроходимые леса, в этих лесах водились змеи, страшный, с огромной раскрытой пастью крокодил бросался на меня, готовый проглотить. Но когда я говорила, что ищу единственного сына, он останавливался. Когда я шла дальше, встречались мне на пути глубокие без дна воды, но когда я говорила, что ищу единственного сына, воды становились мелкими, доходя только до колен. Сам Всемогущественный Аллах и бездонная любовь к сыну дали мне силы добраться сюда!

Ваше Величество, Тамерлан, всем миром проклятый, ненавистный всему народу, погубивший тысячи человеческих душ, грязный Вы человек! Но все же Вы еще любимы своей родимой матерью!».

Эти последние слова тронули его до самой глубины сердца. В его черством, безжалостном сердце теплился еще слабенький огонек любви к матери. Подавленный и разбитый, непобедимый Тамерлан распустил свои войска и ушел, куда глаза глядят.

Опубл.: Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1962. Т. III. Вып. 3. С. 47—48. Чеч.

ДОКУМЕНТЫ ТИМУРА (ТАМЕРЛАНА)

Станция Ермоловская, бывшая Алхан-Юрт, получила русское название свое только лет 13—14 тому назад, по желанию и ходатайству общества в память о кавказском полководце А. П. Ермолове. В западном направлении от станицы, верстах в 4-х, находится со стародавних времен крепость, получившая от казаков со времени заселения станицы — с 1851 года — название «Окоп».

Крепость получила такое название потому, что с северной стороны на протяжении 2-х верст тянется полудугою колоссального размера канава, соединенная концами с крутыми большими обрывами русла реки Сунжи, а по середине крепости, над рекою, возвышается мрачный утес с плоской вершиной, служивший в свое время сторожевой вышкой при нашествии неприятеля. С северной стороны этой крепости имелось трое выходных ворот на одинаковом расстоянии друг от друга. Каких-либо исторических сведений об этой крепости, к сожалению, не имеется, и кто ее основал — неизвестно. Некоторые старожилы, чеченцы, по преданию и некоторым записям, передают, что там жил со своими полчищами вождь — хромой Тимур, при котором в этой крепости имелось 1900 домов. Надмогильные курганы расплывчатой и конусной формы, которых в окрестности множество, напоминают, что здесь жило не одно племя, сменившее друг друга войною.

Утес и все курганы, как немые свидетели, быть может и сохраняют что-нибудь, но так как они насыпаны гигантскими силами, то и являются для лопат двух-трех смельчаков недоступными. Хотя иногда курганы эти и привлекали охотников — казаков, но все поиски их оставались безрезультатными, что нужно приписать еще и тому, что рекогносцировка эта производилась всегда ночами.

Немало носится между народом разных легендарных сказаний о богатых кладах и золотых коронах, заложенных в воротах «Окопа» с разными заклинаниями и находящихся под охраной особой стражи из рогатых духов на козьих ножках, с большими хвостами, которые, поймав ночного археолога, отправляют его с утеса кувырком.

Как-то в былом прошлом мне довелось быть в «Окопе», при-

чем, во всех воротах оказались свежие рытвины земли, из которых одна привлекла мой взор. Это напоминало род могилы, на дне которой из-под западной стены виднелся след лежавшего круглого предмета, подобного котлу. До разрытия могила была заложена в один слой белым булыжником, а затем засыпана на четверть слоем земли, наравне с материком, то есть холма.

Один из кладоискателей, случайно попавшийся мне, рассказал об этой находке следующее: несколько раз в числе трех человек предпринимали они поиски клада в окопе в ночное время, но, не имея планов, отыскать ночью не могли; к ним пристал товарищ, закан-юртовец, имевший у себя какую-то абракадабру и разные талисманы против нечистых, — и вот он повел ночью отыскивать клад, избрав для этого средние ворота «Окопа».

Здесь напали случайно на могилу и вынули из нее большой глиняный выжженный хабар с четырьмя ручками, весом до 5 пудов, который был герметически закупорен и обвязан веревочкой или ремнем. Всего этого вид был пепла, а внутри кувшин наполнен равной почти меры связками бумаги или кожи в истлевшем виде, наподобие жужелицы, с оттенком на каждом листе каких-то крупных письмен.

Пересмотрев до дна могилу и не найдя золота, они уложили все обратно и, боясь, что их, как тайных кладоискателей, могут увидеть, взяли вчетвером хабар за ручки, втащили его на утес и, достаточно раскачав, пустили его под обрыв в р. Сунжу.

Опубл.: «Терские ведомости». 1911. 20 августа. № 176. Мелентий Федотов.

ТАМЕРЛАН И ЗЕРКАЛО

Кто не слышал о великом завоевателе Тимуре, прозванном Ленки (хромоногий), покорившем десятки царств, сотни народов?!

Молва о нем и до сих пор живет даже и в самых глухих углах великого Востока. Это было в расцвете походов завоевателя. Тимур вторгся во владения России. Он разбил златоверхий шатер в степи и приказал свезти к себе добычу.

Дивные кони, женщины, красоту которых не могло бы описать никакое перо, драгоценные ткани и парча, золотые сосуды и оружие, шлемы, щиты, панцыри, колья, луки, мечи — все это было разбросано кучами и манило взоры.

Но равнодушно скользил взгляд великого повелителя. Вдруг Тимур вздрогнул. Среди кучи наваленных прямо на голую землю драгоценных тканей он увидел себя и своих военачальников.

Тимур отвернулся в сторону и быстро ушел в шатер. Лег на шкуру тигра и задумался. Затем хлопнул в ладоши. Мягко ступая,

вошел негр-телохранитель. Тимур приказал принести к себе в шатер из добычи тот блестящий предмет, который изображает вещи и людей.

Принесли и поставили. Тимур встал, подошел и долго смотрел. Он увидел маленького человека с волочащейся ногой, приплюснутым носом, уродливо вытянутыми руками, лицом, изрытым оспой, бронзовым от солнца, ветров и дождей, и важно поднятой низколобой головой.

Смотрел Тимур на себя и вдруг заплакал. Первый раз в жизни.

— О, Всемогущий, — воскликнул он, всхлипывая, — о, каким несправедливым оказался ты ко мне! Ты возвысил меня высоко над миром. Ты дал мне в руки меч, который разил, как твой гнев, но ты лишил меня того, что имеет мой последний воин!

Тимур бросился на ложе... и рыдал. Неслышно вошел в шатер первый любимый советник повелителя. Остановился у входа и замер от удивления. Потом, потрясенный, подошел и спросил:

— Повелитель, о чем ты плачешь?

Тимур приподнялся:

— Как же мне не плакать? Первый раз я увидел себя таким, каков я есть.

Тимур указал на зеркало.

— Неужели у Всемогущего не нашлось лучших форм для моего образа?! О Всемогущий! Всемогущий!

И Тимур, всхлипывая, закрыл лицо руками. Но каково же было его изумление, когда он услышал такие же всхлипывания рядом с собой. Он опустил руки и увидел своего советника тоже рыдающим. Удивленный, он спрашивает:

— Дурак, а ты-то чего плачешь?

И услышал в ответ сквозь рыдания:

— Великий повелитель, ты увидел свой образ только раз и заплакал, а каково же мне, который принужден смотреть на этот образ вот уже в течение тридцати лет?

Опубл.: Ахмет Цаликов. В горах Кавказа: Быль, очерки и легенды. М., 1914. С. 99—101. Чеч.

РОВ ТАМЕРЛАНА

В различных местах Чечни, за Аргуном, около укрепления Воздвиженского, в Малой Чечне и над Тереком, можно и теперь еще видеть ров, от времени уже почти сравнявшийся с землей. Чеченцы приписывают его Тамерлану и называют его Аксак-Темир-ор, то есть «ров хромого Темира». Насчет этого рва предание говорит,

что у Тамерлана пропал сын; чтобы отыскать его, он собрал многочисленное войско и решил или покорить мир, или отыскать сына. Чтобы вернее возвратиться обратно, он копал по пройденной дороге ров. Войско его было столь многочисленно, что на долю каждого воина во время копания рва досталось только по одной торбе земли. Ров этот простирался от Каспийского до Черного моря и шел на Русь.

Тамерлан предложил своим воинам набрать побольше земли с собой, сказав при этом, что как взявшие с собой землю, так и не взявшие будут раскаиваться. Воины не поняли слов Тамерлана, а потому некоторые взяли с собой землю, другие же нет. Набранная земля превратилась в золото, и вещие слова Темира исполнились. Набравшие землю воины сожалели, что взяли ее мало; не набравшие же сожалели, что не взяли ее. Потом говорится, что сын его находился табунщиком у тогдашнего татарского хана Тохтамыша. В этом табуне был конь Турпал. Сын Тамерлана сел на него, конь чутким ухом услышал шум идущего войска Тамерлана и присоединил к нему сына. Побив татар, он вернулся обратно.

Опубл.: Лаудаев У. Чеченское племя. // ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 41.

КАНАВА ТЕМИРА ХРОМОГО (ХРОМОЙ ТИМУР)

Отец Темира был овцевод, почему Темир с малолетства приучался к этому же роду хозяйства. Однажды, когда Темир пас баранов, он поймал зайца и пустил его в свое стадо, полагая, что заяц — козленок. Возвратясь со стадом домой, Темир показывал отцу зайца, которого он принял за козленка.

— Ну, поймай же мне этого козленка, — говорит ему отец.

Темир, сделав несколько быстрых и ловких прыжков, поймал зайца и передал его отцу. «Э, — подумал отец, — он с такой ловкостью и быстротой не будет у меня долго жить», — и переломал сыну ногу. Говорят, с этого времени Темир сделался хромым.

Односельчанином Темира был какой-то кузнец, который жил в конце аула. Однажды Темир сидел в кузне этого кузнеца, и кузнец как-то, опершись головой на ручку молота, заснул. В это время Темир заметил, что из ноздрей кузнеца вышло какое-то маленькое насекомое, направившееся вниз по ручке молота на наковальню и затем в посуду, наполненную водой. Через некоторое время насекомое обратно возвратилось в ноздри кузнеца. «Уф! — сказал, проснувшись, кузнец. — Какой я сейчас сон видел!» «Какой же ты видел сон? — спросил его Темир. — Расскажи». — «Вообрази себе, снилось мне, будто бы я отправился по узкому хребту какой-то горы к железному холму, а оттуда — в море, но что я видел на

дне морском! О, это необыкновенное чудо!» — «Ну, что ж ты видел там?» — спросил его Темир. «Видел я, — продолжает кузнец, — золото и серебро, и этих дорогих металлов хватило бы на целый свет». Темир сейчас же разъяснил себе этот сон: он смекнул, что под кузней находится клад, и говорит кузнецу: «Перенеси свою кузню в другое место, ведь тебе все равно, где бы она ни находилась, а мне, хромому, удобнее жить на конце аула». Кузнец согласился на предложение Темира и перенес свою кузню на другое место, а Темир начал строить на том месте дом. Когда Темир начал возводить фундамент, он нашел целые груды серебра и золота. Темир скрыл свое богатство от всех.

В это самое время пропал у Темира сын, которого нигде не могли отыскать, вследствие чего Темир, не жалея богатства, принялся проводить громадную канаву. Для этого он нанял множество народу, думая, что работающие распространят по всему свету слух о причине этой работы, и, наверное, дойдет слух этот до сына его, если он жив, и, авось, он прибежит к нему.

Впоследствии оказалось, что сын его был куплен Баркимом. Барким поклялся при покупке его, что он будет смотреть на него, как на родного сына. Сын Темира, в свою очередь, тоже дал клятву Баркиму, что и он будет жить у него до тех пор, пока он, Барким, не скажет ему: «Ступай домой».

Сын Темира обладал таким секретом, что мог узнавать магнитную шашку и турпал-лошадь. Однажды, когда он и Барким ехали вместе, они нашли череп лошади. Сын Темира, остановившись около этого черепа, сказал: «Тебя, лошадь, убили, вероятно, потому, что не знали о твоей сверхъестественной силе и что ты турпал». «Разве ты можешь отличить турпал от обыкновенных лошадей?» — спросил его Барким. «Да, я могу узнать лошадь этой породы и отличить магнитную шашку от простой», — ответил сын Темира. «Хорошо, — сказал Барким, — мы отправимся на самых красивых конях, с лучшим оружием на большую дорогу и будем поджидать человека, имеющего подобную лошадь и магнитную шашку».

Они стали на большой дороге и следили за каждым проезжим. Наконец заметили они несколько человек с навьюченными лошадьми. Как только увидел их сын Темира, сказал: «Вон у того, который едет последним, лошадь — турпал и шашка — магнитная». Когда эти путники поравнялись с ними, Барким и сын Темира остановили ехавшего последним и предложили ему за лошадь красивого коня с серебряной сбруей, а взамен шашки — оправленную золотом и серебром саблю. Путник был удивлен этим предложением и, даже приняв это за насмешку, сказал им: «Вы не смейтесь над моей лошадью и шашкой, не заставляйте меня отставать от моих товарищей». Барким и сын Темира уверяли его, что они серьезно хотят с ним поменяться лошадью и шашкой, и, конечно, тот, не зная достоинств своей лошади и шашки, с радостью поменялся.

Сын Темира пустил эту лошадь с тремя кобылицами в горы на вольное пастбище. В конце года он поймал одну из кобылиц и зарезал ее, но, посмотрев на мозг костей ее, сказал, что нужно, чтобы приобретенная им лошадь еще паслась вольно, и с этими словами опять пустил ее с остальными двумя кобылицами на пастбище. В конце следующего года он поймал кобылицу и, зарезав ее, нашел, что его лошади еще нужно пастись на вольном пастбище. Через год сын Темира зарезал и третью кобылицу; по мускулам ее он определил, что уже можно ездить на приобретенной им лошади.

Сын Темира и Барким отправились однажды на одни общественные скачки, куда съезжались самые лучшие наездники. В этом состязании отличился, как своим удальством, так и быстротой своего коня, сын Темира. Когда он сделал последний круг, Барким сказал ему: «Довольно, ты первым отличился на этих скачках, ступай себе домой». Как только Барким произнес эти слова, сын Темира поскакал в ту сторону, где, как он слышал, отец его проводил канаву. Барким понял, что дал промах, забыв клятву, данную сыну Темира, что тот будет жить у него до тех пор, пока он не скажет ему: «Ступай домой».

Барким послал за ним погоню. Сын же Темира, видя, что его уже почти догоняет всадник, сидящий на серой лошади, пустил своего коня по каменистой почве. Тогда догонявший его отстал, но его стал догонять другой всадник, у которого была лошадь с белым пятном на лбу. Сын Темира стал скакать по направлению к солнцу — и этот всадник отстал от него. Спустя немного времени стал его догонять третий всадник. На этот раз сын Темира направил свою лошадь против ветра, после чего и третий всадник стал отставать от него.

Последний всадник, видя, что его погоня за сыном Темира напрасна, крикнул ему: «Остановись на короткое время и ответь на мои вопросы». Темиров сын остановился и обернулся к нему. Всадник спросил: «Почему, когда один из нас, сидящий на сером коне, стал догонять тебя, ты стал скакать по каменистой почве?» — «А потому, что у серой лошади бывают слабые копыта и она не в состоянии скакать по камням, а моей же все равно, так как она турпал». — «А почему ты направился к солнцу, когда один из нас, сидящий на коне с белым пятном на лбу, догонял тебя?» — «Потому, что у лошади с белым пятном на лбу кости бывают тоньше и солнечные лучи сильно нагревают мозг ее, и вследствие этого лошадь ослабевает и не может скакать, как моя». — «Почему ты направил свою лошадь против ветра, когда я тебя догонял?» — «Потому, что у твоей лошади хвост и грива слишком густые, ветер ослабляет силу твоей лошади, а для моей же это все равно».

После этого всадник возвратился назад, а сын Темира поехал дальше к отцу. Он приехал ночью в лагерь своего отца, который все еще проводил канаву, потихоньку вошел в один шалаш и пове-

сил свою магнитную шашку. Все шашки, которые находились в шалаше, притянулись к шашке сына Темира. Повесив шашку, он вышел оттуда, расседлал свою лошадь и пустил ее между лошадьми своего отца. Лошади эти, как только к ним присоединился конь сына Темира, стали ржать.

Темир, хотя узнал (так как он был шейх), что сын его прибыл в лагерь, никому не сказал об этом. Только рано утром он собрал своих приближенных и дал им мешок с золотом, чтобы они пронесли его по лагерю, показали бы каждому человеку для оценки его. Приближенные Темира пронесли этот мешок по лагерю, каждому показывая. Одни говорили, что золото — вечный кусок хлеба, другие говорили, что с золотом можно достичь всего, чего душе человека угодно. Одним словом, всякий оценивал золото различно.

Когда показали мешок с золотом всем в лагере, приближенные Темира явились к нему и рассказали о мнении каждого. Темир спросил: «Всех ли спросили вы о цене золота?» — «Всех, — отвечали посланные, — за исключением одного молодого человека, который приехал вчера ночью и лег спать недалеко от палаток, укрывшись своей буркой». — «Ступайте и спросите этого юношу, во что он оценит мешок». Те отправились к юноше и спросили его, как он ценит это золото. Юноша отвечал с улыбкой (в смысле иронии), что оно не стоит куска хлеба. Ответ этот показался приближенным Темира смешным, и они с хохотом возвратились к Темиру и передали, что они услыхали от юноши. «Да, — сказал Темир, — правду говорит этот юноша. Мешок с золотом, который вы показывали ему для оценки, не стоит куска хлеба, потому что без золота человек может обойтись, но без хлеба он не в состоянии прожить. Подобный ответ может дать только мой сын. Приведите этого юношу ко мне».

Приближенные привели юношу к Темиру, который узнал в нем своего сына, а юноша узнал в Темире отца. От сына своего Темир узнал, что тот находился у Баркима, и с войском своим двинулся против него. Барким должен был бежать из Дяттахо в Галгаевское ущелье, где он основал нынешний аул Озик. Впоследствии этот аул Барким тоже оставил и переселился в Шуанское ущелье, где устроил аул Макале, а оттуда он переселился в Кистинское ущелье, где между нынешними аулами Ляжг и Оббоно основал новый аул. Затем Барким оставил и этот аул, перешел в Джераховское ущелье на левый берег реки Терека и устроил нынешний аул Чми. Здесь он и умер.

Опубл.: Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 20. Ч. Ахриев.

ЛЕГЕНДА-БЫЛЬ О ХРОМОМ ТЕМЫРЕ (АСТХА-ТЕМЫР) И ЕГО СЫНЕ

Жил в давние времена Хромой Темыр. У него был сын. Однажды отец с сыном поссорились и сын в сердцах ушел от него. Темыр хорошо знал характер своего сына и был уверен, что он к нему больше не вернется. Это было зимой. Темыр сказал про себя: «Хорошо было бы, если бы негодный мальчуган зарылся в землю, а то ведь замерзнет». Оказалось, что мальчик действительно выкопал яму, зарылся в ней и в ту ночь остался цел.

На второй день его поймал некий Гайсан. Он сказал: «Бездетному человеку бог наследника послал», — и взял его к себе. У него была лишь одна корова, которая давала каждый день по одному герду масла и, не в пример прочим коровам, доилась не два, а три раза в день. Обязанность пасти эту корову пала на сына Хромого Темыра. Вот он и говорит своему хозяину: «Как бы мне приобрести какое-нибудь оружие, необходимое при пастьбе коровы?» — «А вот висит клинок, возьми себе и носи его». Он взял клинок, сделал ножны, отточил его и стал носить. Раз он в поле нашел конскую голову и в тот день до самого вечера плясал от радости, говоря: «Не такой ли бывает турпал-гоур, не такой ли бывает, как висящий у меня с боку, цок-булат?». И так он целых три дня с утра до вечера плясал в восторге.

Односельчане, заметив это и немало удивившись мальчику, сказали Гайсану: «Что это значит, что твой мальчик уже три дня танцует с утра до вечера и в то время, когда пасет корову? С чего это он вздумал плясать?». Гайсан позвал его к себе и спросил: «Правда ли, что ты так танцуешь? Говорят, ты так пляшешь каждый день». — «Да, правда». — «Что же это такое значит? Почему ты так много пляшешь?»—«Оттого, что я нашел турпал-гоур и цок-булат». «А ты разве можешь распознать турпал-гоур и отличить его от простой лошади? И можешь ли ты отличить цок-булат от простого булата?» — «Могу». — «А чем ты докажешь это? Ну, сколько стоит твой клинок?» — «Мой клинок стоит столько, сколько и твой клинок». «Мой клинок стоит двух пленников». — «А сколько стоит тот, который я ношу?» — «Ничего не стоит». — «А если мой клинок разрубит твой клинок?» — «Этого быть не может». — «А ну-ка!»

Мальчик взял и концом своей сабли проделал дыру в шашке Гайсана, как в дереве. Тогда Гайсан подумал: «Да, действительно, этот человек кое-что знает». Потом он спросил мальчика: «Значит, ты теперь можешь отличить и богатырь-коня от простой лошади?» — «Да, я могу». После этого Гайсан взял самого лучшего коня и отправился с мальчиком на большую дорогу, по которой в течение дня проезжала, по меньшей мере, тысяча всадников.

Сколько ни проезжало всадников, мальчик все говорил, что он не видит богатырь-коня. К вечеру, когда они собирались уже идти

домой, они увидели человека, идущего пешком и ведущего за собой под уздцы лошадь; за ней бежал паршивенький двухлетний жеребчик. Мальчик сказал Гайсану: «Смотри, этого жеребчика не пропусти». Гайсан обратился к хозяину жеребчика со словами: «Не променяешь ли твоего жеребенка на этого коня?». Тот ответил: «Пожалуйста, перестань насмехаться». — «Мы тебе говорим серьезно». Кое-как они упросили хозяина и взяли жеребенка, дав ему коня. Тот подумал: «Вот дураки, за паршивого жеребенка какого коня дали», — и, сев на него, поехал себе дальше. Они тоже пришли домой с жеребенком.

В тот год они купили еще трех гулявших на воле двухлеток-кобылиц и пустили их всех вместе с жеребенком на пастбище пастись. Осенью, когда лошадей пригнали домой, мальчик убил одну кобылицу; когда он поломал ножную кость, то в кости этой оказалось такое же большое дупло, какое вообще бывает у взрослых лошадей. На второй год он опять пустил жеребенка пастись с оставшимися двумя кобылицами и осенью зарезал вторую кобылицу; разбил кость, и оказалось, что дупло стало заметно уменьшаться, а кость увеличиваться в толщину. Он сказал: «Нет, еще рано садиться на него», — и пустил его пастись и на третий год с одной кобылицей. Зарезав на третий год последнюю кобылицу, он увидел, что дупло в кости настолько сузилось, что нельзя было в него продеть нитки. Он подумал: «Вот теперь лошадь стала настоящей лошадью и на нее можно садиться». Хозяин спросил мальчика: «Ну, как наш конь?». — «Ничего, теперь можно ездить на нем», — ответил тот.

После пропажи сына Хромой Темыр как-то раз пришел в кузницу. Найдя кузнеца спящим и не желая его будить, он присел в ожидании, пока проснется кузнец, и стал наблюдать за ним. Вдруг из носа кузнеца вышла муха. Муха эта поползла по щипцам, лежащим на миске с водой возле кузнеца, переправилась по щипцам через миску и переползла на наковальню. Тут за наковальней образовалась довольно большая трещина, и муха спустилась в эту трещину; там она оставалась довольно продолжительное время. Затем муха выползла наверх и, миновав наковальню, стала переправляться обратно через миску по щипцам. Но она упала в воду и там начала биться. С трудом она выползла на щипцы и опять вошла в нос кузнеца, где и скрылась. Кузнец после этого тотчас проснулся. Темыр догадался, в чем тут дело. Это вышла душа кузнеца, обратившись в муху, и пропутешествовала через щипцы в яму и обратно.

Очнувшись, кузнец сказал: «Кажется, я долго спал?». — «Да я и сидел все время, пока ты спал». Они разговорились, и Темыр сказал кузнецу: «Развлеки ты меня чем-нибудь: я в большом горе — у меня пропал сын. Расскажи что-нибудь». — «А что рассказывать? Мы все равно не доберемся до того, что я видел во сне».

Темыр просил его рассказать. Он начал: «Когда я спал, то во сне переправился через большую реку и железную гору и спустился в большую огромную пещеру, где находился клад серебра и золота. Стоял я там долго, не имея возможности уйти, будучи прикован на одном месте блеском и роскошью. Но, сознавая, что мне надобно вернуться, я решил уйти, а потом прийти опять. Когда я возвращался домой, то упал с моста и чуть было не утонул».

Убедившись окончательно, что это ходила душа кузнеца, Темыр начал просить его исполнить одну его просьбу. Тот дал слово исполнить, что бы он ни просил. Тогда Темыр сказал ему: «Я — человек одинокий, и если ты позволишь, я бы поселился поблизости от тебя». Кузнец дал на это свое согласие. Тогда Темыр стал просить его дать ему ту часть земли, где была кузница, а кузницу перенести куда-нибудь в другое место. Кузнец и на это согласился, и Темыр переселился туда, обстроился как следует и начал копать землю на месте, занятом раньше кузницей; и он докопался до клада, состоящего из несметного количества денег и всевозможных сокровищ.

На эти деньги Хромой Темыр начал копать канавы-рвы по всему свету, распространяя тем самым весть о пропавшем сыне. Эти ямы и теперь называются еще у всех народов Темыр-орж (ямы Темыра). В то самое время, когда Темыр искал по всему свету исчезнувшего сына, в селении Гайсана происходили скачки, и Гайсан с сыном Темыра пустил свою лошадь. Другие лошади не сделали еще и двух кругов, как лошадь Гайсана сделала все три круга и выиграла приз. После этого мальчик сел на своего жеребца и, сказав Гайсану: «Теперь прощай. Я уезжаю и беру у тебя этого коня и ту шашку, которую ты мне подарил», — ускакал от него и скрылся из виду. Гайсан поднял по тревоге всех жителей и погнался за ним.

Когда лошадь со звездочкой на лбу стала догонять мальчика, он начал скакать по направлению к солнцу — и лошадь со звездочкой отстала от него. А когда его стала догонять серая лошадь, он пустил свою лошадь по местам, залитым водою, и по каменистым местам — то в воду, то по камням — и серая лошадь также отстала от него. Когда стали догонять его рыжие лошади, то он пустил свою лошадь по хребту гор — и рыжие лошади стали отставать от него. Тогда, видя, что им не догнать мальчика, они спросили его: «Отчего ты так разнообразно скакал?». Он ответил: «У лошади со звездой на лбу (белая шерсть на лбу) кожа бывает тонкой, и она не может перенести солнечного жара; у серой лошади под передними лопатками бывают крылья, и если они сделаются мокрыми, то серая лошадь не может долго бежать; а у рыжих лошадей хвост и грива бывают большие и по хребту они набирают много воздуха и потому не в состоянии бежать».

В это самое время Хромой Темыр с войском находился весьма

близко от того места, где скакал сын его. Он велел приготовить серебряный хлеб и сказал своему войску, что через три дня прибудет его сын, который один только и может оценить этот хлеб.

Когда сын Темыра, действительно, прискакал в его стоянку, то все лошади, подобные его коню-богатырю, заржали; а когда он слез с лошади и повесил оружие на вешалку, то оружие всех воинов упало на землю. Это оттого, что конь его был лучше всех богатырь-коней, а шашка его была из магнит-булата.

Как только лошади заржали, Темыр узнал, что его сын прибыл, и сказал войску, что сына его можно узнать по тому, что он будет спать, растянувшись, спиной вверх и лицом вниз.

Но сын, узнав об этом, лег на бок. Тогда Темыр послал золотой слиток, приказав показывать его каждому воину и спрашивать ему цену. Воины оценивали слиток кто в два, кто в три, кто в четыре пленника и т. д. Когда слиток золота проносили мимо сына Темыра, то он сказал: «Покажи-ка мне, может быть, я оценю его». Он хорошенько осмотрел слиток и сказал: «Он стоит хлебной лепешки, величиной, как он сам, в голодный год, когда люди готовы есть мух». Посланные для расспросов вернулись к Темыру. Он спросил: «Ну, как кто оценил?». Ему рассказали, во что оценивали слиток, и сказали, что один воин оценил его в хлеб, одинаковой с ним величиной в неурожайный год. Темыр сказал: «Ну так это и есть сын мой». После этого они опять свиделись с сыном. Хромой Темыр прекратил выкапывание канав, и они благополучно возвратились к себе домой.

Опубл.: Этнографическое обозрение. М., 1901. № 1. С. 68. У. Б. Далгат.

СОСКИ СОЛСАН

Жил-был между галгайцами турпал по имени Солсан, сын Соски. На крылатом коне перескакивающий с горы на гору, разрубая своим богатырским мечом скалы, разгуливал Солсан по всем Кавказским горам. Впадины на скалах — от копыт коня Солсанова, щели в скалах — от меча его — сохранились и до сих пор. Но для Солсана были тесны Кавказские горы, и вот пустился он по белу свету: людей повидать, себя показать. Прискакав в Самарканд, Солсан познакомился с ханом Аксак-Тимуром, который получил прозвище Аксака потому, что в молодости, гоняясь за козой, переломил себе одну ногу, и она по сращении сделалась короче другой. Солсан жил, пировал у Аксак-Тимура, да показывал свою удаль. Но как-то и из-за чего-то Солсан поссорился с Тимуром, который при этом пригрозил ему. Солсан, в отмщение за угрозу схватив сына Тимура, ускакал на родину, на Кавказ, и продал его галашев-

щу по имени Ганш. Тимур с огромным войском пустился преследовать Солсана и, по следам его, дошел до Галашевского ущелья. Но он опасался быть разбитым в горах, а потому, переговорив через лазутчика с сыном, на выкуп которого Ганш не согласился, и посоветовав сыну бежать при случае, отступил на Кумыкскую плоскость. На обратном пути Тимур приказал войску рыть канаву от Галашевского ущелья до Кумыкской плоскости, для того, чтобы сын его во время своего бегства с гор не запутался бы в непроходимых и безлюдных чеченских лесах и чтобы канава указывала ему путь. И действительно, говорит предание, она довела сына до стана его отца на Кумыкской плоскости.

Опубл.: Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. I. С. 257. П. Головинский.

МУЛЛА НАСЫР-ЭДДИН (ЧЕЧЕНСКАЯ СКАЗКА)

Однажды мулла Насыр-Эддин был перед лицом шаха Аксак-Темира (Тамерлана). Шах и говорит ему:

— Насыр-Эддин, скажи мне: сколько звезд на небе?

— Столько же, сколько шерстинок на моей папахе, — ответил Насыр-Эддин.

— Ты врешь, мулла! — вскричал Аксак-Темир.

— Лучше быть немым, чем говорить неправду, — произнес Насыр-Эддин и прибавил: — Если ты не веришь мне, то сосчитай шерстинки на моей папахе, а потом пересчитай и звезды на небе, — и не я, а ты устыдишься за себя.

В другой раз Аксак-Темир спрашивает Насыр-Эддина:

— Где середина земли?

Насыр-Эддин осмотрелся вокруг себя и, заметив неподалеку курган, взошел на него, воткнул в середину кургана палку и сказал:

— Середина земли здесь.

— Ты, наверное, обманываешь меня! — опять вскричал шах:— Я велю отрубить тебе голову.

— Коли захочешь, так разве ты не сделаешь этого? — произнес мулла. — Но прикажи лучше своим слугам проверить мои слова и ты увидишь, что бедный мулла сказал правду.

Нечего было возразить Аксак-Темиру и пришлось ему согласиться с муллой Насыр-Эддином.

* * *

Однажды Насыр-Эддин понес Аксак-Темиру в подарок жареного гуся. Дорога была долгая, и мулла почувствовал сильный голод. Долго он крепился, но, наконец, не утерпел и съел одну ножку гуся. Приходит он к Аксак-Темиру и передает ему свое приношение. Тот заметил, что у гуся недостает одной ноги, и говорит мулле, рассердившись:

— Как ты смел принести мне не целого гуся! Где у него другая нога?

— Другая нога? — спрашивает Насыр-Эддин. — Так разве бывают и двуногие гуси? Как это удивительно! И почему это Аллах дал другим двуногих гусей, а нам только одноногих.

— Ты плут, Насыр-Эддин! — вскричал шах. — И за этот обман тебе худо будет.

— Да где же мне взять двуногого гуся? — взмолился Насыр-Эддин. — Взгляни, вон какие у нас гуси, — и он указал шаху на поле, где заметил гуся, стоявшего, как это часто бывает, на одной ноге.

Аксак-Темир, чтобы уличить обманщика, взял ружье, приблизился к гусю и прицелился в него. Испуганный гусь поднялся и полетел, причем показались обе ноги.

— Видишь, мулла, сколько ног у гуся в здешних краях?

— О, шах! — воскликнул Насыр-Эддин, — Что же удивительного, что у гуся появились теперь две ноги. Если бы в твою милость прицелились из ружья, то можешь ли ты поручиться, что вместо двух ног у тебя бы не выросли четыре?

Аксак-Темир согласился с этим замечанием и принял от Насыр-Эддина его приношение.

Опубл.: Томашевский К. Кавказские сказки. Ростов-Дон — Краснодар, 1926. С. 51—53.

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

О БОРЬБЕ КАЙТАГОВ С ВОЙСКАМИ ТИМУРА

Войска Тимура приходили в Кайтаг. Кайтагцы оказали Тимуру упорное сопротивление. Они напали на его войска. Для защиты от нападения кайтагцев по приказу Тимура был вырыт ров шириной 3—6 метров, который тянулся от холма, находящегося между селениями Башликент, Гапкайкент и Ачикент, до территории Баршамая и других кайтагских селений.

О ПРИХОДЕ ВОЙСК ТИМУРА В сел. МЮРЕГО

Тимур со своими войсками остановился в местности «Чиригъума къякъ» и разбил здесь лагерь. Для защиты своего селения мюрегинцы на местности «Гъясала къяхъ» построили земляной вал, а на «Хъаршила муза» — окопы. Тимур потребовал от мюрегинцев покориться и доставить в его лагерь красивых девушек. Мюрегинцы долго спорили и наконец пришли к решению посылать в лагерь Тимура девушек по жребию. Первый жребий пал на дочь мюрегинца Баганда (БахIянд). Самого Баганда тогда не было в селении, и дочь его забрали без него. В тот день Баганд вернулся в селение и застал дома плачущую жену. Узнав о случившемся, Баганд организовал погоню и, не доходя до местности «Чятилла дубла» (край шатра) догнал всадника, который увозил его дочь, убил его и, забрав дочь, вернулся в селение.

За такой храбрый поступок мюрегинский джамаат дал Багандy земельный участок, который стал называться «Зугун БахIяндла хъу» (пахотное поле храброго или сильного Баганда).

О ПРИХОДЕ ВОЙСК ТИМУРА В сел. МЕКЕГИ

Войска Тимура вторглись в Верхнюю Даргинию. Один из его многочисленных отрядов наступал на сел. Мекеги. Мекегинцы, не ожидавшие этого, ранее отправили свой отряд на помощь акушинцам. Это, однако, не застало их врасплох. Укрывшись за крепостными стенами, они организовали оборону селения. И сколько бы отряд завоевателей ни штурмовал селение, ему не удалось взять его. В одну из ночей неожиданно для врага через главные ворота крепости вооруженные мекегинцы набросились на осаждавших крепость. Мекегинцы взяли в плен предводителя тимуровских войск, а уцелевшая часть отряда отступила. Пленник был казнен и выброшен в местность «Зурала бах».

Со временем Тимур вместе с другими селеннями покорил и сел. Мекеги. Завоеватели силой оружия навязали мекегинцам ислам.

О ПОХОДЕ ВОЙСК ТИМУРА В сел. МУГИ

В сел. Муги приходили войска Тимура со слонами. С их помощью Тимур разрушил сел. Муги. На месте под названием «ХIяжитайла къатI», где лег один из слонов Тимура, был построен хутор.

О ПРИХОДЕ В СЕЛ. ТАНТИ ВОЙСК ТИМУРА

Сел. Танти образовалось в результате объединения девяти небольших поселений. На одно из них, которое называлось Кеддала (Къведдала) напали тимуровские войска. Взрослое население спряталось в ближайшей от селения пещере, думая, что завоеватели не тронут детей и женщин. Но враги собрали их на току и растоптали своей конницей. Из оставшихся в селении во время прихода завоевателей жителей Кеддала в живых осталась только одна женщина, которая убежала в сюргинское селение Цугни. Хотя она осталась в Цугни навсегда, она сохранила за собой свои земельные участки на территории бывшего поселения. Эти земли переходили по наследству цугнинцам. За пользование этими землями тантинцы давали ежегодно цугнинцам 8 баранов.

Опубл.: Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 156—157.

ТИМУР-ШАХ И ГУБДЕН

Пишут также, что когда Тимур-шах воевал с бывшим в тех краях кумыкским населением, один из вождей кумыкского племени по имени Губден, бывший кривым на один глаз, был осажден со своим отрядом и, не находя другого выхода из беды, известил шаха, что, мол, «Я тебя самого хочу видеть». Ввиду этого Тимур-шах послал ему ответ, чтобы этот вождь Губден пришел и повидал его. Тогда Губден сел верхом на быка и, прибыв к шаху, сказал в форме шутки, что, мол, «я, кривой, имею тебе, хромому, задать один вопрос: что мы за люди и что из себя представляют наши владения и наше богатство, чтобы такому завоевателю и могущественному царю, как ты, подобало, придя сюда, переносить лишения и воевать с нами? И что именно ты можешь пожелать от нас получить?». Тимур-шаху понравились его слова. Он его одарил, отряд его пощадил, даже самого его сделал владельцем всех земель и угодий, приуроченных теперь к селению Губден, заставил там основать это селение и поселил его там. И селение то названо его име-

нем. Остающиеся там теперь неродовитые беки относятся по происхождению к потомкам того Губдена. Также неродовитые беки теперешнего селения Карабудагкент относятся к потомкам того же лица по имени Губден.

Из следов пребывания Тимура в Дагестане и рассказов о нем заслуживает внимания, между прочим, то, что в Терекемейском магале есть холмы, которые, проходя по землям Утамыша и простираясь под селением Буйнак и мимо Таржи, доходят до места, называемого Тимуркою, а оттуда продолжаются далее, а именно — в сторону Эндери.

Опубл.: Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 30.

О ПРИХОДЕ ТИМУРА В сел. ГАГАТЛЬ

(Легенда о Гагатле)

Однажды на дороге из Мехельта в андийские земли явилось войско Тимура. Несколько андийских ополчений выступили ему навстречу, и недалеко от Гагатля произошел кровопролитный бой, где обе стороны понесли огромные потери. Доныне местность эта называется Гьимллиру (в переводе — «река крови»).

Вверх взяли войска Тимура, захватившие Риквани, Гагатль, Гунха, Зило, Анди. Сопротивление населения было подавлено жесточайшим образом. Предание гласит, что наместники Тимура, истребив взрослое мужское население Гагатля, собрали на току всех без исключения родственников Юлука — старых и малых — и пустили по их телам табун лошадей. Это место доныне зовется «Вагъамадар гьинцIущIу» (вагъамадул — побежденные). Затем военачальники Тимура приказали, чтобы отныне в Гагатле не смели жить более 30 семей. С тех пор и доныне Гагатль остается небольшим селением.

Желая упрочить свое господство, наместники Тимура силой оружия начали распространять среди андийцев ислам. По преданию, в это время в Гагатле были построены три мечети.

Опубл.: Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1975. С. 265.

Потемнели небеса в тревоге,
Клубы пыли катятся, как вьюки, —
То Тимур пирует хромоногий,
Вьючит наше горе, наши муки.
С родниками, что текут издревле,
Кровь смешалась, но исчезла жалость,
Горе матерей — воды дешевле,
Честь невест с речным песком сравнялась.
Разве можно горцам Дагестана
Примириться с горькою годиной?
Разве можно горцам Дагестана
Не вступить в борьбу семьей единой?!
У судьбы, как у арбы — колеса,
Непрестанно времени круженье.
Высоко Тимур-Хромец вознесся —
Началось теперь его паденье.
Хоть в аулах горских пусто ныне,
Хоть войска Тимура на вершине, —
Нет лесов, чтоб недругам укрыться,
Нет ключей, чтоб недругам напиться.
Терпкий дым окутал бездорожье,
Зной палящий давит нестерпимо,
Капля влаги — золота дороже,
Жизнь захватчиков — дешевле дыма!
Разметались вдоль долины горной
Недругов шатры, горя, как маки,
Разметались, будто в оспе черной,
С воспаленной кожею вояки.
— Эй, гонцы, — сказал Тимур жестокий, —
Разыщите горные потоки;
Эй, верблюдов к родникам отправьте,
Войску воду в бурдюках доставьте! —
Если б в мире не было печали,
Слезы на глазах бы не блистали,
Если б не было воды беспенной,
Не было бы жизни во Вселенной...
Жизни нет для воинов Тимура,
Стон в шатрах, сидит властитель хмуро —
Нет воды! Верблюды пред шатрами:
С мертвыми вернулись бурдюками!
На колени перед грозным шахом
Пал везир, сказал, объятый страхом:
— Смилуйся, о шах неумолимый,
Никого в ущельях не нашли мы!

Только под утесом-великаном
Встретились мы с глупым мальчуганом —
Мальчик пас последнего ягненка,
И спросили мы у пастушонка:
«Где тут к роднику лежит дорога?».
Он молчал, скрестились наши взоры, —
Только голову он поднял строго,
Словно эти вековые горы.
— Эй, везир, — сказал Тимур, вскипая, —
Ты забыл, что голова дурная
Умного меча всегда боится!
Не открыл ты, где родник таится,
Почему же мальчика дурного
Не заставил ты сказать нам слово?
— О владыка, смилуйся над нами,
Ты об этом мальчике послушай!
Мы беседовали с ним кнутами
И его же палкою пастушьей,
Но вели мы разговор впустую:
Он упал, а голову дурную
Высоко по-прежнему держал он,
О воде ни слова не сказал он.
— Эй, везир, — сказал Тимур, вставая,—
Ты забыл, что голова дурная
Умного меча всегда боится!
Ты б огнем спалил мальчишке ноги,
Чтобы сразу вспомнил ум убогий,
Где вода желанная струится!
— Смилуйся, владыка с мощным станом!
Разговор вели мы с мальчуганом
Пламенем, железом раскаленным, —
Не ответил ни слезой, ни стоном.
Может быть, тебе он слово скажет,
Золото язык ему развяжет?
Пред шатром Тимура-падишаха
Мальчуган стоял, не зная страха.
Он воскликнул, не потупя взгляда:
— Падишах, мне золота не надо!
Если недруг золото предложит,
Сын родную мать продать не может,
Родину продать народ не может!
Дерзко очи мальчика блистали, —
Приказал их выколоть властитель.
Дерзко речи мальчика звучали, —
Языка лишил его властитель.
Не вода забила ключевая —

Это кровь горячая вскипела,
И, казалось, гордо умирая,
Землю Дагестана обагряя,
Говорит родник светло и смело:
— Пусть низвергнутся туман и тучи,
Чтоб враги не вышли из ущелий!
Пусть утесы наши станут круче,
Чтоб враги пробраться не сумели!
Пусть в теснине стану я скалою —
Пред врагом обратный путь закрою.
Если есть в душе твоей желанье
Горячей, чем пламени пыланье,
То всегда исполнится желанье
И быстрей, чем пламени пыланье:
Пастушонок стал скалой в теснине —
Та скала стоит у нас поныне!
Не дано врагам убить вовеки,
Погасить живого сердца пламень,
Не дано врагам свалить вовеки
Мальчика, что превратился в камень!
Если связан ты с родной землею,
Ты, в бою погибнув, стань скалою!

Опубл.: Легенда говорит: Песни и сказания народов Дагестана. М., 1959. С. 36—40. Лезг.

ОСЕТИНСКИЕ СКАЗАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

АЛСАХ-ТЕМИР (ДИГОРСКОЕ СКАЗАНИЕ)

В прежние времена Дигория была необитаемой. Только на высокой скале, окруженной зеленым бором, стояла белая, красивая башня, в которой жили три сестры, дочери какого-то покойного хана.

Красота этих сестер была невыразима. Питались они только пшеничным хлебом и молоком, которое доставляла им единственная их бурая корова. Потребность их в пище была так ограничена, что годовое содержание их не превышало одной мерки (четверика) пшеницы и трех хрустальных чашек молока. Они обладали всякого рода познаниями. Им был понятен язык птиц и животных. Знали они также, что на свете странствует на белом коне сын богатого восточного хана, Алсах-Темир, который, рано или поздно, посетит их башню.

Надежда оправдалась. Был прекрасный весенний день. Ханские дочери вышли из башни на берег шумного Уруха порезвиться и подышать свежим горным воздухом.

Вдруг они услышали конский топот, оглянулись и увидели подъехавшего к ним молодого и красивого всадника — это был Алсах-Темир. По наружности он был красив, строен и величав. Взор его горел огнем и отважностью.

«Бог на помощь вам», — сказал им он, слезая с коня. Неожиданное появление Алсах-Темира сильно смутило девушек, но вскоре чудесная и приветливая улыбка гостя рассеяла их женскую стыдливость. Через несколько минут Алсах-Темир был уже в башне и вел с ними задушевный и оживленный разговор. Он рассказал им о многих чудесах мира, о нравах и обычаях виденных им народов. Пленившись красотою дев, Алсах-Темир решил жениться на младшей из них, но, видя, что и остальные сестры неравнодушны к нему, он переменил свой план. Всех их взял себе в жены. От старшей сестры родился у него сын — Дигор, от которого произошли осетины--дигорцы, от второй у него родился сын — Ирау, от него произошли осетины-иронцы (тага-урцы), от младшей сестры, наконец, родился у него сын — Туалла, потомками которого явились осетины-туальцы.

Опубл.: Терские ведомости. 1911. 21 декабря. № 268.

КРЫЛАТЫЙ АХСАК-ТЕМУР

Дигорцы и кабардинцы — народы, оставшиеся от нартов. Могущественнее же нартов в древности (буквально: в прежнее время) в наших горах не было. А у Ахсак-Темура были железные крылья,

и днем он делал три оборота вокруг неба. Вся Вселенная (буквально: все миры, народы) была в его руках (была ему подчинена). А под конец остались неподчиненными (непокоренными) наши горы, и он сюда направился с большими войсками. От нас он жил далеко, и из боязни сбиться с пути (буквально говоря: как бы я не ошибся по моей дороге) по мере продвижения его войск (буквально: как его войска продвигались) рабы его за ними шли, вырывая канаву. Прибыл он в Дигорию, и большинство народа было перебито в битве с ним, а остатки от них, ни на что не похожие, он увел с собой в Китай и из них там образовал отдельные села; сам же он поднялся на небо и вошел в образ звезды (то есть превратился в звезду).

А перед страшным судом он опять спустится на землю и с теми народами, которые были ему подвластны (буквально: под его рукой), снова победит весь мир. В том войске будут и те люди, которых увел Ахсак-Темур из Дигории, и они будут сражаться против Дигории. Люди больше не будут различать ни родственника, ни брата, ни отца. У Дигории ее счастье еще не пропало, и она одолеет войско Ахсак-Темура. Его войска разбегутся (рассыплются) в разные стороны, и Ахсак-Темур останется один с двумя своими жеребцами.

А после этого сразятся сын Потрадза и Сослан. На их крик, на их шум будут собираться народы; от лязга своих мечей и оружия (буквально: тормоза?!) не будут разбирать слова друг друга (то есть не будут понимать друг друга). Небо будет плакать над ними; земля будет дрожать от жалости к ним; а люди будут смотреть на них через головы друг друга; тот, кому (то есть в память кого) устроили скачки, — с своего коня; те, кому был поставлен шест с мишенью, — с их вершины; а все остальные пешими. А после этого будут сражаться Ахсак-Темур и семь братьев. Потом земля заколеблется и мир погибнет (буквально: разрушится).

Опубл.: Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Вып. 2. С. 74.

АХСАК-ТЕМУР

У одного хана был мальчик. Однажды этот хан послал своего сына на целый день пастухом козлят (то есть пасти их целый день), и среди стада его козлят оказался заяц (буквально: бог привел зайца). Заяц выскочил и побежал. Темур тоже бросился за ним и поймал его за заднюю ногу и бросил его к козлятам. Таким образом, заяц убегал, а мальчик ловил его и бросал его обратно в стадо; в таком состоянии наступил над ним вечер. А вечером Темур

запер его вместе с козлятами в хлеве. Утром же во время выгона мальчик сказал своему отцу:

— Вчера один серый, безрогий козленок измучил меня, не хотел оставаться с козлятами.

— Который из них такой неспокойный? — спрашивает его отец.

Как только Темур открыл дверь хлева, чтобы погнать свое стадо, так на него выскочил заяц. Тот тоже бросился за ним и поймал его и показывает его своему отцу со словами: «Вот этот козленок!».

— Тот, кто мальчиком сейчас таков, позже будет чем-нибудь и отнимет у меня мое владычество, — отец велел сломать ему ногу, а сам отдал его к кузнецу в ученье. Кузнец выправил ему его ногу, и он стал работать у него. Темур стал хромым, и стали его называть Ахсак-Темуром. Как он мог не быть сердит на отца, и бежал он в абреки. Днем он прятался у той вдовы, которая была беднее, а ночью нападал на середину села и похищал оттуда девушку и молодого человека; у края села его настигала погоня и отнимала их у него. А как-то раз Ахсак-Темур остановился у одной бедной женщины. Та тоже приготовила пироги с сыром и положила их перед ним горячими. Ахсак-Темур не вытерпел больше, брал из середины кусок и ел его, обжигая себе рот. Женщина смотрела на него долго, потом сказала ему:

— Если тебе и неприятно будет, мой гость, и то посмею тебе сказать: ты подражаешь еде Ахсак-Темура и тебе ничего также не удастся!

— А Ахсак-Темур как есть и что ему не удается? — спросил ее Ахсак-Темур.

— Ахсак-Темур, когда он нападает, то нападает на центр села; похищает девушку и молодого человека; жители села бросаются в погоню и на краю села отнимают их у него. Если бы он похищал с краю тех, кого он похищает, то пока село будет собираться в погоню, до тех пор он отдалится, и как погоня может его еще нагнать? Если бы и ты теперь ел с края, так как куски с края более остыли, и тебе удалось бы что-нибудь. Пока будешь есть (то есть крайний кусок), до тех пор и средний будет остывать и до него дойдешь (буквально: догонишь его).

Эти слова Ахсак-Темур запомнил (буквально: положил себе в сердце), и после этого село его отца было опустошено (буквально: унесено): каждую ночь он похищал двух. Он нападал на нижний край, похищал девушку и молодого человека; люди тоже бросались в погоню и не настигали его больше. А после всех осталась наверху села единственная сестра семи братьев. В одну ночь Ахсак-Темур напал на этот дом и похитил у них их сестру. Те тоже, семь братьев, бросились в погоню и стали его преследовать. Ахсак-Темур был звездой и поднялся на небо. А семь братьев тоже имели дар мольбы и появились за ним на небе. Когда он понял, что не оставят его больше, то бросил им их сестру, а двух своих жеребцов поставил по

обеим сторонам своим. Средний посадил ее (то есть сестру) за своим седлом, и до сих пор еще преследуют. Пока наступит день страшного суда, до тех пор они его не нагонят (не настигнут). Потом после боя Сослана и сына Потрадза Алибега будет их бой.

Опубл.: Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Вып. 2. С. 75—76.

КАКИМ ОБРАЗОМ АХСАК-ТЕМУР ПРИБЫЛ В ДИГОРИЮ

Однажды войска шаха прибыли в Дигорию через Нижний перевал и остановились на пахотной земле (поселка) Ахсау. Ночью шах подослал несколько человек разведчиков (соглядатаев) к селу. Прободили эти люди, а потом, под конец, заглянули в башню Алтанцака, а там себе женщина готовила квас, и когда она выжимала выжимки, то бросала их на костер, и они от чрезмерной своей сухости загорались, подобно свече, и в темную ночь заменяли собой лампу. Разведчики вернулись и передали эту весть шаху. Шах тоже испугался: «Если у них жены так сильны, то сами они какими могучими должны быть?» — и с этими словами он повернул обратно.

Там, где провело ночь войско шаха, теперь на местах навоза от лошадей выросли большие грушевые деревья. Шах сперва победил плоскостные села, и когда он направлялся в горы, то была поздняя осень, и его войска сами и их кони наелись груш в (местечке) Кети.

А из горных сел он сначала осадил Ахсау, и когда ничего не добился (буквально: в его руки ничего не попало), то вернулся по Дигорскому ущелью. А там на Камунтском выступе была башня. А к башне вел ложный мост. Войска шаха направились через мост; мост под ними провалился, и войска попадали с Нихатской кручи в реку Сонгутидон. А после этого нельзя было больше взобраться на башню; отборные из воинов шаха тоже попадали с кручи; а вместе с этим наступила еще зима, и шах отправился через Кевонский перевал с теми, кто остался от его войска. Что прошло после этого (неизвестно), потом стала распространяться весть про одного человека, Ахсак-Темура, что он сделался ханом над всем миром.

Однажды Ахсак-Темур услышал про то, как Дигория не подчинилась шаху. Вести про Алтанцака тоже доходили до него. Он собрал большие войска и вместе с ними он остановился у Дигорского ущелья. А сам он приехал один на белом своем коне в Ахсау. А в башне Георгиевых были еще три девушки (сестры). Он направился под селом через пахотные участки и повернул прямо к башне. Когда он доехал до речки Билагидон, то слез с коня своего и по подъему вел его за собой. Девушки как раз выглянули в этот мо-

мент и стали следить за всадником (буквально: смотреть на всадника), говоря, кто это будет. Так как всадник шел хромой походкой (то есть прихрамывал), то ввиду этого стали подозревать, что он должен быть Ахсак-Темуром. Тем временем всадник доехал до башни и остановился у девиц. Девицы тоже приготовили ему быстро дзикка (нечто вроде масляной каши из сыра и муки), поставили ее перед ним, и гость стал кушать из середины. Девушки тоже посмотрели друг на друга и засмеялись. Тот тоже говорит им:

— Над чем смеетесь?

— Ты ешь, как Ахсак-Темур, — отвечает ему средняя девушка (сестра).

— В таком случае это я, и с этого времени больше никого не бойтесь! А средняя да будет моей опекой!

Средняя сестра в тот же час вышла в другую комнату, стала прятаться, то есть согласна, мол. А младшая говорит ему:

— Величие твое, величие твое, именем ангела твоего клянусь, прошу тебя и прости мне, а теперь у тебя есть один недостаток: будет ли война, будешь ли нападать на страну, все равно ты нападаешь на центр и не нападай больше на центр, чтоб дела твои шли лучше. Для каждого дела есть начало и конец, и ты тоже начинай с краю, будешь ли ты нападать на страну или будешь делать какое-либо другое дело, все равно!

Ахсак-Темур запомнил слова девушки и с этого времени принялся (похищать, громить) за людей с краю. А местожительством избрал башню Георгиевых.

У него были крылья, и днем он делал три оборота по небу, а ночью прилетал в башню Георгиевых и там они с средней сестрой жили, как муж и жена. От этой девушки у Ахсак-Темура родились три сына: Мали, Бицо и Гардан. А от этих трех в Стур-Дигоре произошел род Георгиевых.

Опубл.: Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Вып. 2. С. 76—78.

ЗАДАЛЕССКАЯ НАНА

Кровавый дождь, кровавый дождь
Над Тапан Дигорией, над Тапан Дигорией
От волков Ахсак-Тимура с железными пастями.
Почернели их зеленые поля,
Плотно, крепче плетня из железных прутьев,
Вокруг расположились (окружили).
Предводители Тапан Дигории,
Их мужественная молодежь, один лучше другого,
От рук неприятеля в крови тонут,

Редеют, в царство мертвых отправляются.
До последнего человека хоть и сражаются,
Но погибли до единого дигорцы.
То пожарище занялось, то синее пламя взыграло
Над многолюдными селами Тапан Дигории.
Оставшиеся женщины и мужчины
Все уведены в плен, уведены в плен.
Так погибли тапандигорцы, лишились потомства.
Плача, рыдая, тогда остались бесприютные дети
На пепелище, на черной золе.
Но оказалась на счастье народа
Женщина на свете,
Сирот собрала, подобно стаду овечек,
Ночью и днем сторожит их от дикого зверя и недруга.
С плоскости — в лес, из лесу — на поляну,
В сторону Дигорского перевала повернула,
Через Цагат перешла и с детьми в Задалеске поселилась.
Плодами растений стала их кормить, стала их кормить.
Когда выросли они, окрепли они, села основали,
Свою общую мать, задалесскую нана,
С почестями, со славой похоронили
Около Задалеска в Пещере Морга.

Опубл.: Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973. С. 75—76.

КАБАРДИНСКАЯ ЛЕГЕНДА О РВЕ ТАМЕРЛАНА

(сообщ. Вс. Ф. Миллера)

В некоторых местах Северного Кавказа заметны следы рва, тянущегося некогда на громадном протяжении от Дербента до Черного моря. Таково, по крайней мере, народное поверье. Следы рва очень заметны в различных местах Чечни, за Аргуном, около укрепления Воздвиженского, в малой Чечне и над Тереком. Нам случалось видеть следы этого рва в Кабарде по дороге со станции Котляревской в город Нальчик. И в Чечне и в Кабарде сооружение рва приписывается преданием Аксак-Тимуру или Аксак-Темиру, как на Кавказе зовут Тамерлана. Впрочем, подробности предания различны. В Чечне говорят, что у Аксак-Темира пропал сын, он собрал многочисленное войско и решился или покорить мир или отыскать сына. Чтобы вернее возвратиться обратно, он копал по пройденной дороге ров, который таким образом шел от Каспийского моря до Черного. Сын Тамерлана, служивший табунщиком у хана Тохтамыша, ускакал от последнего на чудном коне турпал и присоединился к войску отца (Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Отд. 1. С. 41). Совершенно другие подробности предания об Аксак-Тимуре и рве сообщил нам в г. Нальчике один из таубиев (горских князей) Урусбиевского аула г. Хамзат Урусбиев. Интерес этой легенды заключается в том, что в ней к местному древнему сооружению прикреплено с одной стороны историческое имя, с другой — восточная чудесная сказка. Вот эта легенда.

Жил-был в городе Дербенте царь Аксак-Темир. У него была красавица дочь, которую он воспитывал в строгом заключении в гареме. Постоянно окруженная прислужницами, она никуда не выходила из дворца и из мужчин видела только отца, который ее любил до безумия. Вот отец стал замечать, что дочь его худеет, бледнеет и страдает какой-то непонятной болезнью. Обеспокоенный болезнью девушки, отец стал ее допрашивать, но она ничего ему не сказала.

За несколько лет до болезни Аксак-Темировой дочери в Стамбуле жил один бедный безсемейный мулла со своим учеником, которого очень любил. Заболев и предчувствуя приближение смерти, мулла подозвал ученика и сказал ему, что, не имея никакого имущества, он завещает ему свой каламдар (пенал), но под тем условием, чтоб ученик никогда не открывал его из любопытства. С этими словами мулла умер. Похоронив учителя, сохта (ученик) стал раздумывать о его завещании и его начало мучить любопытство посмотреть содержание каламдара. Несколько дней он боролся с этим чувством, наконец не выдержал и открыл каламдар и совершенно разочаровался в своей надежде найти в ней золотые монеты. Вместо этого он нашел только огарок от свечки и, рассержен-

ный на покойного учителя, бросил свечку в угол комнаты. Вернувшись однажды домой поздно вечером, сохта хотел засветить огонь, но не нашел у себя свечей. Тут он вспомнил о брошенном в угол огарке, разыскал его и зажег. Вдруг вся комната озарилась необыкновенным светом и перед ошеломленным сохтой явилась толпа духов (джиннов), оказывавших ему знаки величайшего уважения. «Что приказываешь, повелитель?» — говорили ему джинны. Сохта пришел в себя и, как молодой человек, пожелал, чтоб джинны немедленно принесли ему первую красавицу в мире. Джинны мгновенно исчезли, но скоро снова вернулись, неся на руках спящую красавицу. Она оставалась у сохты до рассвета, когда джинны снова унесли ее с собою. Не трудно догадаться, что приносимая джиннами красавица была дочерью Аксак-Темира, и что период нездоровья ее совпал с этими ночными странствованиями. Между тем Аксак-Темир, обеспокоенный нездоровьем дочери, собрал в Дербенте на совет всех местных мудрецов, кудесников и врачей, чтобы узнать от них причину ее нездоровья. По совету мудрецов, царь снова расспрашивает дочь, и она сообщает ему, что с ней творится что-то необычайное: каждую ночь какие-то силы уносят ее в неизвестную страну к какому-то молодому человеку и затем приносят под утро обратно. Все это ей чудится как бы во сне...

Выслушав рассказ дочери, отец передал его мудрецам. Чтоб узнать, куда уносят джинны царевну, мудрецы посоветовали царю приказать дочери в ближайшее ее путешествие взять в доме молодого человека какую-нибудь вещь. Царь поступил по их совету и действительно на следующее же утро в руках спящей царевны нашли яблоко. Яблоко было представлено мудрецам и те решили, что такие яблоки водятся только в Стамбуле и несомненно в этом городе живет молодой человек, к которому джинны носят царевну. Тогда Аксак-Темир объявил войну Стамбульскому царю, двинул против этого города огромное войско и подступил к нему с суши и с моря. Затем он послал парламентеров к царю Стамбула с требованием, чтобы он выдал ему его врага, молодого человека; в противном случае он разгромит весь город. Для выдачи был назначен известный срок, и несчастные стамбульцы терялись в догадках, кто бы из них мог быть этот требуемый враг Темира. Срок уже исходил, когда сохта случайно на базаре узнал о требовании Темира и догадался, что речь идет о нем. Решившись спасти своих сограждан, он признался, что Аксак-Темир требует именно его, и в назначенный час был отправлен в лагерь неприятеля. Увидев молодого человека, Аксак-Темир не поверил сначала его словам. Тогда в присутствии Темира Сохта зажег свою свечку, вызвал джиннов и велел принести Темирову дочь из Дербента. Это было исполнено джиннами в одно мгновение. Пораженный этим, Темир сказал молодому человеку: «Я царь людей, ты же царь джиннов, мы равны. Ты достоин быть моим зятем». Затем Темир помиловал Стамбул и от-

праздновал у его стен свадьбу своей дочери с молодым человеком, причем граждане Стамбула принесли ему богатые дары. Переплыв на кораблях Черное море, Темир с войском высадился на Кавказском его берегу и отсюда повел войско в Дербент. Войско было так многочисленно, что протоптанная им тропа стала широким и глубоким рвом, остатки которого и доселе видны и слывут под именем дороги зятя.

Опубл.: Труды этнографического отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. 7. М., 1886. С. 48—49.

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЕ ПРЕДАНИЕ

(Легенда северокавказских татар)

«За морем, в далеких степях, у пастуха родился сын. И была радость пастуху, и было ему горе: радость от того, что Алла(х) жизнь его благословил, и горе — что призвал он к себе мать-родительницу.

Но кто смеет судить волю Всемогущего? И пастух безропотно покорился ей: мальчику он мать заменил, вскормил его и, когда тот подрос, стадо овец пасти его заставил.

Плохим пастухом был мальчик: овец он без присмотра оставлял, на курган высокий взбирался и подолгу смотрел он в синюю даль, где земля с небом сходится.

Что он там видел, никто не знал, потому что дум своих никому он не поверял.

А когда пастух плох, то и собаки становятся ленивыми — под тень кустов они прячутся и спят там.

И волки таскали овец из стада среди дня, не ожидая ночи.

Отец удивился, что стадо его убывает, последил за сыном и, когда увидел, что тот, оставив овец, взобрался на курган, в гневе бросился на него с палкой.

Волком глянул сын на отца, длинный нож, висевший в ножнах на поясе у него, вынул и ему погрозил им, с кургана спустился, пошел в глубь степи и ни разу назад не оглянулся.

Остановился отец и словно замер: не ожидал он того, что случилось, и когда сын удалился от кургана, крикнул ему вслед:

— Проклятый!

Хан Тохтамыш, грозный владыка степей азиатских, мурзами окруженный, с охоты соколиной возвращаясь, мальчика, одиноко идущего по дороге навстречу ему, увидел и нахмурился.

— Вот враг мой заклятый идет, — на мальчика головой кивая, угрюмо проговорил он.

И не знали мурзы, правду ли говорит их повелитель или же ему пошутить с ними захотелось. И молчали они.

Темная туча по лицу Тохтамыша прошла, и угрюмее прежнего он проговорил:

— Заклятый враг ко мне приближается.

И вспомнили мурзы, что когда-то один шейх, глубокий старец, в диких горах живший, предсказал Хану, что гибель к нему придет от мальчика, которого он встретит в степи.

И один мурза, желая рассеять печаль Тохтамыша, громко воскликнул:

— Помилуй, великий Хан, какой враг тебе этот мышонок? Посмотри, как голова его с плеч упадет!

И за шашку, рукоятка которой бирюзой усыпана была, взялся мурза.

— Оставь, — сказал ему Тохтамыш. — Пусть сбудется то, что мне предопределено, что в книге судеб мне написано.

И, подъехав к мальчику, громко он крикнул:

— Эй, мальчик, куда лежит твой путь?

— Туда же, куда и твой, — отвечал мальчик, сын пастуха, ибо это был он, проклятый отцом своим.

За такой дерзкий ответ голова его должна была с плеч упасть, а Тохтамыш только усмехнулся.

— Когда так, пойдем вместе, — сказал он мальчику.

В ханском табуне мальчик находился: пас лошадей и, подобно ветру, на диких конях по степи носился; старые опытные табунщики удивлялись его бесстрашию и умению коней укрощать.

Хан о нем не забыл и каждое утро спрашивал мурз, не убили ли мальчика кони, ибо, посылая его в табун, втайне он надеялся, что тот под копытами коней погибнет. И когда мурзы говорили, что мальчик жив, хан хмурился и долго молчал.

В одно утро, в глубокую думу погруженный, в шатре своем сидел Тохтамыш.

Мурза, кланяясь ему низко, о мальчике заговорил. Зверем посмотрел Тохтамыш на мурзу и крикнул:

— Замолчи!

И с тех пор о мальчике уже не спрашивал, и никто ему о нем не напоминал.

* * *

Десять зим прошло над степью, и за это время Тохтамыш много человеческой крови пролил, много городов разорил и сжег. Из дальнего похода однажды возвратившись, с мурзами он пировал.

В зеленом шелковом халате на шелковых подушках он сидел и в золотую чашу, крепким медом наполненную, усы свои омочил, но, тот же час оставив чашу, нахмурился.

— Жив ли мальчишка-табунщик? — спросил он.

Подобно охотничьим собакам, учуявшим дичь, мурзы с мест своих сорвались, из шатра выбежали.

И всей чаши с медом опорожнить еще не успел Тохтамыш, а молодой табунщик стоял перед ним.

— Это ты собирался идти одной дорогой со мной? — спросил его Тохтамыш.

— Я, — ответил табунщик, глаз с него не спуская.

— А теперь не раздумал идти? — снова спросил Тохтамыш.

— Не раздумал, — ответил табунщик.

— Посмотрим, — проговорил Тохтамыш, усмехаясь, и приказал принести толстую палку.

Мурза вместо палки подал ему полено. Поднялся Тохтамыш, к табунщику подошел и по ноге его изо всей силы поленом ударил. И слышно было, как хрустнула переломившаяся кость; зашатался табунщик, повалился на землю, но не крикнул он, даже не застонал.

А Тохтамыш, бросив полено, пошел и на подушки опустился.

— Ну как? И теперь со мной одной дорогой пойдешь? — спросил он, засмеявшись.

На локте приподнялся табунщик и, злобно на Хана глядя, сказал:

— Если даже одна нога здоровой останется, и тогда пойду.

Весь затрясся Тохтамыш от злости, потом только рукой махнул.

— Уберите его! — крикнул он.

Одна старая женщина, искусная во врачевании, тайно лечила молодого табунщика: на сломанную ногу она повязку наложила и отваром целебных трав поила его. И срослась у больного переломанная кость, но короче стала нога, и на всю жизнь остался он хромым.

В табун он уже не возвратился, а тайно в степь ушел и с собою сто молодых и сильных воинов хана увел.

Ночью он с ними, как волк, по степи пробирался; на спящий улус напал, сжег его, многих жителей перебил, а оставшимся в живых сказал:

— Хотите жить — идите за мной, не пойдете — будете убиты.

И те увидели, что одно им оставалось — идти за ним.

Наступила другая ночь, и другой сонный улус засыпал, и пролилась кровь его жителей.

И с тех пор по ночам часто зарево пожаров в степи поднималось.

Прошло время, и людская молва побежала по степи, рассказывая о новом хане и его многочисленном войске, которое, подобно огню, все истребляло на пути своем.

Аксак-Темир (в сноске — железный Хромец) звали этого хана, ибо и на самом деле был он хромой, а сердце у него было, как железное: не знало оно жалости.

Встревожился Тохтамыш, двинулся со своими полчищами Аксак-Темира искать, но не нашел его, а увидел дорогу его: курились развалины сожженных городов, валялись тысячи человеческих трупов и звери терзали их.

* * *

В чертоге, сиявшем роскошью, на золотом троне сидел шах Персии Али-Абас. Разноцветными огнями горели в его короне драгоценные камни, а шелк его пурпурной мантии был легче лебяжьего пуха.

На мраморном полу, распластавшись, лежали перед ним сановники и называли его царем царей, великим сыном солнца, мудрости, силе и славе которого равного на свете не было, нет и не будет.

Лесть сановников выслушав, шах позволил им губами прикоснуться к поле своей мантии, потом медленно поднялся, сошел с трона и, в сопровождении телохранителей, направился в свою опочивальню.

Вдруг со двора влетел воин, упал перед ним и что-то проговорил.

И вздрогнул шах, лицо его побледнело, и, наклонившись к воину, пролепетал он бескровными губами:

— Я не расслышал, что ты сказал, лживый раб. Говори яснее!

— Аксак-Темир к столице твоей, великий повелитель, приближается! — громко проговорил воин.

Зашатался шах и, если бы не поддержали его вскочившие с пола сановники, упал бы он.

* * *

Громадным станом расположился Аксак-Темир близ шахской столицы, готовясь к осаде ее.

Послы шаха Али-Абаса прибыли к нему в стан и, на коленях стоя перед ним, говорили:

— Наш повелитель, великий шах Персии, рожденный солнцем, привет шлет могущественному хану, о силе и доблести которого слава весь мир обошла.

И, подавая Аксак-Темиру золотой ящик, вмещавший пять полных горстей драгоценных камней, удивительными огнями сиявших, послы, кланяясь, говорили:

— Прими, о великий хан, этот подарок в знак дружбы нашего повелителя.

Не притрагиваясь к ящику, Аксак-Темир спросил, прищуря глаз:

— Что там такое?

Послы крышку ящика открыли и, показывая на камни, сказали:

— Это великое богатство, со всего света оно собрано, и реки человеческой крови пролиты за него.

Пренебрежительно усмехнулся Аксак-Темир и движением руки выбил из рук послов ящик. Сверкая огнями, рассыпались камни по земле.

Плюнул на них Аксак-Темир и сказал:

— Вот — цена этому богатству! Не за камнями я пришел, а за головой вашего повелителя.

И приказал он с позором прогнать послов.

* * *

Войска Аксак-Темира со всех сторон обложили столицу, и пала она, была разграблена и сожжена. Шах был взят в плен, и в цепях, с грязной веревкой на шее стоял он на коленях перед Аксак-Темиром, глаз не смея поднять на него.

И, смеясь, спрашивал его Аксак-Темир:

— Это ты — великий сын солнца?

И едва слышно Али-Абас отвечал:

— Еще недавно меня так называли.

— А ты сам как думаешь о себе? —спросил Аксак-Темир.

— Зачем спрашиваешь? — сказал Али-Абас. — Сам знаешь, что последний раб счастливее меня. Молю тебя: прикажи убить меня!

Засмеялся Аксак-Темир.

— Смерть для тебя счастьем будет, а я не хочу давать тебе его, — сказал он, что-то шепнул воину и удалился с мурзами.

* * *

За веревку дергая, воин поднял Али-Абаса, повел его к ханской кухне и заставил ручным жерновом молоть пшеницу.

В жизни своей Али-Абас никогда не работал, даже никогда не нагибался, чтобы самим же оброненную вещь поднять, и задыхаться он начал, едва раз-другой жернов повернул.

— Не ленись! — крикнул воин и плетью ударил его. От боли взвыл Али-Абас, быстро начал вращать жернов, и скоро кровавыми мозолями покрылись у него ладони, а в глазах его кровавый туман стоял.

И, задыхаясь от жажды, изнемогая от усталости, повалился он на землю, но воин ударами плети заставил его подняться и приняться снова за работу.

* * *

На подушках, из шахского дворца принесенных, сидел Аксак-Темир, с мурзами пируя, и смотрел, как над горевшим городом поднимались облака дыма.

И вдруг громко засмеялся он и мурзам сказал:

— Пойдемте, посмотрим на великого сына солнца!

Поднялся он и в сопровождении мурз подошел к Али-Абасу, а тот, весь избитый, покрытый кровью, с трудом поворачивал жернов.

Посмотрел на него Аксак-Темир, насмешливо головой качая.

— Смотрите, — сказал он мурзам, — вот этот человек был царем Персии, еще недавно он считал себя равным Богу, а теперь

он — мой раб с веревкой на шее, и имя ему — Ничтожество.

— Да, великий хан, имя ему — Ничтожество, — подтвердили мурзы.

Али-Абас, оставив жернов, печально посмотрел на Аксак-Темира и тихо проговорил:

— Все мы ничтожества перед лицом Судьбы.

Поднял он щепотку праха земного и, показывая ее Аксак-Темиру, сказал:

— Вот чем ты, хан, станешь!

Мурзы ждали, что голова Али-Абаса с плеч слетит, но этого не случилось: Аксак-Темир отвернулся от него и молчал, угрюмо задумавшись.

И вдруг он крикнул воинам, указывая рукой на Али-Абаса:

— Возьмите его и увезите подальше от меня!

И пошел он с мурзами пировать. Воины посадили Али-Абаса на лошадь, отвезли в степь и там бросили его.

* * *

Один остался Али-Абас в песчаной и молчаливой степи, и жажда мучила его, и жгло его солнце.

Ступая босыми ногами по горячему песку, пошел он, сам не зная куда, и веревка болталась у него на шее. Идти не было сил — подламывались ноги, в голове стоял туман.

Остановился он, задыхаясь, поднял глаза кверху, к безоблачному и раскаленному небу.

Слабо зашевелились его запекшиеся губы и прошептали;

— Бог, пошли мне смерть...

И это была первая молитва, которую он за всю свою жизнь произнес искренне.

Снова пошел было он, и упал в изнеможении на песок лицом вниз, широко раскинув руки.

Неподвижно лежал он, палимый солнцем, и жизнь от него уходила.

Под вечер над степью закружил коршун. Плавными кругами он все ниже и ниже опускался над Али-Абасом и потом сел ему на спину.

Али-Абас не пошевельнулся, потому что жизни в нем уже не было.

* * *

На берегу Терека Тохтамыш поджидал Аксак-Темира: знал он, что тот, возвращаясь из Персии, через Кавказские горы направится ущельем этой реки.

Мурзам своим Тохтамыш говорил, что скоро настанет день, когда могущество Аксак-Темира сокрушится, а сам втайне боялся своего врага и не раз помышлял заранее уйти в далекие степи и запереться с войском в Самарканде, большом городе, окруженном высокими и крепкими стенами.

Мурзы заметили тайный страх Тохтамыша и говорили меж собой:

— Наш хан боится Аксак-Темира.

Говорили они тихо, а уши Тохтамыша слышали, потому что у него было триста пар ушей и триста пар глаз: шестьсот наушников у него было, которые все видели и все слышали.

И понял Тохтамыш, что, если мурзы заговорили о его страхе, то в минуту опасности они оставят его, а с ними и войско покинет его.

Призвал он тех мурз, на которых донесли наушники, и нарочно громко, чтобы все слышали, спросил их:

— Может ли медведь, ломающий деревья в лесу, бояться волка, который питается падалью?

Поняли мурзы, кого он называл медведем и волком, смутились и молчали.

И в гневе воскликнул Тохтамыш:

— Лжецы! Мне ли бояться табунщика, которого хромым я сделал?!

По-прежнему молчали мурзы, и Тохтамыш приказал казнить их.

Кончилась казнь. Тучи черные со стороны гор надвигаться начали и половину неба собой закрыли. Не тучи это были, а хищные птицы: впереди полчищ Аксак-Темира летели они и криком своим рев Терека заглушали.

Не меньше хищных птиц было у Тохтамыша войско, которое, спустившись с гор, как саранча, расползалось по долине.

Страх объял Тохтамыша, и прошептал он, бледнея:

— Конец мой приближается.

И все же войско свое на врага он повел. Но как разбивается морская волна о каменную скалу, так и оно разбилось о войска Аксак-Темира.

И, спасаясь от смерти, побежал Тохтамыш с остатками войска в степь.

* * *

Около реки Эдыля (сноска — Волга) остановился он, в шатре своем одиноко сидел и крепкую думу думал. И не было с ним мурз, не было советников мудрых. Крикнул он им, полагая, что они тут же, за шатром стоят, и никто на зов его не прибежал, никто не откликнулся. Полы шатра он раздвинул и увидел, что мурзы на вы-

соком кургане стояли, о чем-то говорили, а воины разбрелись по степи.

И понял он, что мурзы изменили ему, изменило и войско.

Крадучись, вышел он из шатра, на коня вскочил и поскакал к лесу.

Мурзы вслед ему посмотрели, бросились в шатер и богатство его разграбили.

К лесной опушке Тохтамыш прискакал, спрыгнул с коня и бросился в лес, через кусты пробираясь. Камень лежал у него на сердце, и тоска угнетала его.

Хотел он несчастьем своим с кем-нибудь поделиться, и не было около него живой души, только лес кругом стоял, листья на деревьях шептали, а что — кто знает это?

В чащу лесную шел он и, путь жизни своей вспоминая, запел.

На плачь была похожа его песня, и говорил он в ней:

— Как туман, в степи ветром развеянный, исчезло мое могущество, исчезли богатство и слава... Еще недавно на город рукой я указывал, и в развалины он превращался, и проливались реки человеческой крови. Сколько раз смотрела в глаза мне смерть и я смеялся над ней, и сердце мое было спокойно. Отчего же теперь ты, глупое сердце, так сильно бьешься, что дышать мне больно?

К болоту подошел он, и чибиса, белогрудую птицу, крик которой подобен плачу, с гнезда спугнул.

И, над болотом летая, кричал чибис.

Посмотрел на него Тохтамыш и снова запел:

— Эй, птица свободная, не кричи так тоскливо, не надрывай мою душу. Дай мне крылья свои: над лесом поднимусь я, взовьюсь высоко и с высоты посмотрю на врага своего — на табунщика хромого посмотрю...

А птица все летала, и еще тоскливее был ее крик.

* * *

Над степью уже неслись хищные птицы и кричали; за ними орды Аксак-Темира появились.

Войско Тохтамыша перешло на сторону врага, и мурзы-изменники, лежа у ног Аксак-Темира, целовали полы его халата и о своей преданности ему говорили.

Сурово усмехнулся Аксак-Темир и сказал им:

— Докажите свою преданность — приведите ко мне Тохтамыша.

Поднялись мурзы, на коней вскочили и в лес поскакали.

На опушке его остановились они, не зная, в какой стороне Тохтамыша искать.

— Лес велик, много в нем ям и нор звериных, и в них хан легко может спрятаться, — сказал один мурза, лес окидывая взглядом.

Старый мурза, прежний советник Тохтамыша, ему отвечал:

— Ханы в несчастьи всегда поют, а голос в лесу раздается звонко.

И слезли с коней мурзы, в лес пошли, и скоро песня до них донеслась.

На ее голос пошли они, держа оружие наготове. Сквозь ветви молодой березы старый мурза увидел Тохтамыша, стоявшего у болота, и стрелу в него из лука пустил.

В сердце Тохтамыша попала стрела, и мертвым он повалился на землю. Другие мурзы подбежали к нему и шашками отрубили ему голову.

Потом подняли они мертвое тело его, вынесли из леса, на коня положили и к Аксак-Темиру привезли.

Долго смотрел на труп своего врага Аксак-Темир и в раздумьи проговорил:

— Хан, покинутый своим войском, несчастнее нищего.

И потом, показывая рукой на труп Тохтамыша, сказал:

— Хану надлежал этот прах, и ханского погребения он достоин.

И приказал он похоронить тело Тохтамыша и насыпать на могиле его высокий курган.

Мурзы, убийцы Тохтамыша, низко кланяясь, подошли к Аксак-Темиру.

— Веришь ли теперь нам, великий хан? — спросили они.

— Нет, — отвечал Аксак-Темир, — не верю: предали вы своего хана, предадите и меня.

И прогнал он их от себя».

Опубл.: Баранов Е. Певец гор и другие легенды Северного Кавказа. М., 1914. С. 15—29.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭС	— Археолого-этнографический сборник
Даг.ФАН СССР	— Дагестанский филиал АН СССР
КБНИИ	— Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
КЭС	— Кавказский этнографический сборник
ЛО ИВ АН СССР	— Ленинградское отделение Института востоковедения АНСССР
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
СМИЗО	— Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах
СОНИИ	— Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
ФАН	— Филиал Академии наук
ЧИНИИИЯЛ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЧИНИИИЭСФ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, экономики, социологии и филологии
ЮОНИИ	— Юго-Осетинский научно-исследовательский институт

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Введение 6
Экономическое и социально-политическое положение Северного Кавказа до нашествия Тимура 15
Земледелие и скотоводство в XIII—XIV вв. 15
Ремесло и торговля в XIII—XIV вв. 23
Социально-политическое положение народов Северного Кавказа в XIII—XIV вв. 33
Нашествие Тимура на Северный Кавказ и решающее сражение на Тереке 46
Подготовка и начало боевых действий 46
Сражение на Тереке войск Тимура и Тохтамыша 54
Причины и последствия поражения Тохтамыша 66
Народы Северного Кавказа в борьбе против Тимура 73
Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа в борьбе против Тимура 73
Борьба народов Чечено-Ингушетии и Предкавказья против Тимура . . 85
Борьба народов Дагестана против экспансии Тимура 97
Заключение 109
Приложение 114
Список сокращений 165

Хаджи Ахмедович Хизриев

КАВКАЗЦЫ ПРОТИВ ТИМУРА

Младший редактор Р. Х. Плиева
Художественный редактор М. Б. Магомаев
Технический редактор С. П. Липатова
Корректоры Е. Н. Гирина, М. А. Еськова

ИБ № 2019
Сдано в набор 02.10. 1991 г. Подписано к печати 23.03. 1992 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая
Усл. печ. л.9,76.Усл. кр.-отт. 10,09. Уч.-изд. л. 11,12.
Тираж 5000. Заказ № 5986.

Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга».
364907, Грозный, ул. Субботников, 35